
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Б. СЛИВКЕР

УТОПИЧЕСКИЙ
СОЦИАЛИЗМ—

*один из источников
марксизма*

ПОЛИТИЗДАТ при ЦК ВКП(б)

1940

...ВСЯ ГЕНИАЛЬНОСТЬ МАРКСА
СОСТОИТ ИМЕННО В ТОМ, ЧТО ОН
ДАЛ ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ
ПЕРЕДОВАЯ МЫСЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
УЖЕ ПОСТАВИЛА.

ЛЕНИН.

Теория марксизма, научного социализма, вы-
ступившая на историческую арену в 40-х годах прошлого
века, явилась умственным отражением существовавших
уже в жизни противоречий капитализма. Непобедимая сила
и жизненность этой теории заключается в том, что она
впервые в истории дала единственно правильное отраже-
ние потребностей развития материальной жизни общества.
Благодаря этому она привела в движение и мобилизовала
на борьбу рабочий класс.

Теория марксизма стала непобедимой материальной си-
лой, когда она овладела массами. „И если бы вы выдви-
нули такой вопрос,—говорит Ленин,—почему учение Маркса
могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец
самого революционного класса—вы сможете получить один
ответ: это произошло потому, что Маркс опирался на
прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при
капитализме; изучивши законы развития человеческого об-
щества, Маркс понял неизбежность развития капитализма,
ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только
на основании самого точного, самого детального, самого
глубокого изучения этого капиталистического общества,
при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя
наука“¹.

¹ Ленин, т. XXX, стр. 406.

Маркс создал свое учение, критически переработав все, что было создано до него передовой человеческой мыслью. Учение Маркса, являясь цельным и стройным мировоззрением пролетариата, есть законный преемник, прямое и непосредственное продолжение лучшего, что создало человечество.

Таким образом, хотя корни научного социализма находились в материальных экономических фактах, теория эта исходила и из накопленного предшествовавшего идейного материала. Идейными источниками марксизма являются наиболее передовые течения XIX века в лице немецкой классической философии, английской классической политической экономии и французского утопического социализма в связи с французскими революционными учениями вообще. В соответствии с этими тремя источниками марксизма Ленин отмечает и три органически связанные между собой составные части его: философию (диалектический и исторический материализм), экономическое учение и научный социализм.

Но как понимать вопрос о соотношении между этими источниками марксизма и марксизмом, между домарксовской передовой философской, экономической, исторической наукой и высшим ее развитием—учением Маркса?

Враги, фальсификаторы марксизма немало „поработали“ над искажением его и в этой области. Они сводили основные, составные части марксизма к их источникам. Так, они пытались отождествить диалектический материализм Маркса с идеалистической диалектикой Гегеля; извращая гениальное экономическое учение Маркса, они пытались представить его только как повторение идей буржуазных экономистов. Среди дипломированных лакеев буржуазии находились и „комментаторы“, стиравшие грань между утопическим и научным социализмом. Они цинично заявляли о том, что после Сен-Симона, Фурье и Оуэна основоположникам марксизма ничего уже не оставалось делать для создания научного социализма. На деле же это была попытка свести марксизм, научный коммунизм, к обезвреженной для буржуазии современной утопии.

Основоположники марксизма указывали, что значение домарксовского, „критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантасти-

ческое стремление возвыситься над ней, это фантастически отрицательное к ней отношение лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания¹.

Мы справедливо отбрасываем сейчас всякие утопические системы, как нелепые, пошлые и в самом основании своем реакционные.

Иными и не могли стать многочисленные виды утопического социализма *после* выступления марксизма на историческую арену. В этих системах нет ни грана социализма, как нет ничего от подлинной диалектики Гегеля у позднейших его реакционных эпигонов, как нет бескорыстного, подлинно научного исследования у эпигонов буржуазной экономической и исторической науки.

Маркс и Энгельс, а в новую эпоху Ленин и Сталин неустанно разоблачали реакционность всякого рода утопической фразеологии и вред ее для борьбы рабочего класса.

Но марксизму чуждо игнорирование и непонимание связи научного социализма с его идейными предшественниками. Надо отличать учение великих утопистов первой половины XIX века—Сен-Симона, Фурье, Оуэна—от реакционно-утопических систем.

Научный коммунизм—марксизм сумел не только разоблачить несостоятельность утопических теорий, но и вскрыть подлинный исторический смысл и „рациональные зерна“ в предшествовавших ему теоретических попытках переустройства общества на новых началах.

Эти теоретические попытки прежде всего находят свое историческое оправдание в том, что они возникли как отражение гнета во вновь образовавшемся „свободном“ капиталистическом обществе и как выражение протеста против него. Этот „первоначальный социализм“ (Ленин) был утопическим потому, что, критикуя капиталистическое общество, осуждая его, проклиная его, он „мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации. Но... не мог указать действительного выхода“².

Разрабатывавшиеся в подробностях великими утопистами построения будущего общества могли быть тогда только

---

¹ Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, стр. 67, 1939 г.

² Ленин, т. XVI. стр. 352.

фантастическими и содержали много несерьезного, подчас смешного. Но именно эта сторона их учений отошла, с точки зрения марксизма, в область истории. „Предоставим литературным лавочникам,—писал Энгельс,—самодовольно перетряхивать эти, в настоящее время кажущиеся забавными, фантазии и любоваться трезвостью своего собственного образа мыслей по сравнению с подобным „сумасбродством“. нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров гениальные мысли и зародыши мыслей, которых не видят слепые филистеры“¹.

Виднейшие представители первоначального, утопического социализма стоят на столбовой дорожке развития теоретической мысли своего времени. Они органически связаны с достижениями и традициями философии и науки и идейными истоками XVIII века. В ту пору, когда еще не было подлинной социальной науки, когда только отдельные гениальные мыслители доходили до понимания значения исторической закономерности,—великие утописты ставили со всей остротой эти вопросы.

Они дали непревзойденную до Маркса критику современного им общества. Они были для своего времени наиболее яркими обладателями „чувства нового“ в предвосхищении светлого будущего, хотя и не сумели нащупать в этом направлении реальные пути.

С фанатизмом и страстностью они ставили вопросы преобразования общества на новых, разумных началах и пытались по-своему ответить на эти вопросы. Но разрешить их они не могли.

Причины этого лежали не в личной ограниченности великих утопистов. Сильными и слабыми сторонами своих учений они отразили то, что в самой жизни только начало развиваться,—противоречия капитализма и классовой борьбы несложившегося еще пролетариата. Значение их теоретической деятельности, которая сыграла роль одного из источников марксизма, определяется тем, что *в их лице передовая мысль человечества поставила насущнейшие вопросы современности и будущего развития. Вся гениальность Маркса, как указывал Ленин, в том и состояла, что он дал ответы на все эти вопросы и указал единственно правильный путь их разрешения.*

---

¹ Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 180, 1940 г.

Правильность марксистского учения доказана теперь не только научно-теоретически. Марксизм получил свою всемирно-историческую проверку в победе социализма на одной шестой части земли и в конкретно осуществляющемся переходе к коммунизму. Но, писал Энгельс, научный социализм „никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна—трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно“¹.

Изучение теоретических источников марксизма имеет огромное значение для понимания научного социализма.

---

¹ *Карл Маркс, Избранные произведения, т. II, стр. 441, 1940 г.*

ФРАНЦИЯ — ОЧАГ И РОДИНА
УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА
И КОММУНИЗМА

В истории конца XVIII и первой половины XIX века, подготовившей теоретические источники марксизма, сложилось своеобразное разделение труда между тремя передовыми тогда европейскими странами. Если руководящую роль в области философии играла Германия, а в области политической экономии — Англия, самая передовая тогда капиталистическая страна, то Франция того времени является классической страной политической и социалистической мысли.

И это не случайно. „Франция,— писал Энгельс,— есть страна, в которой историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна“¹.

Уже с XVI века в недрах феодальной Франции зарождаются и вызревают новые, капиталистические отношения.

---

¹ Карл Маркс, Избранные произведения, т. II, стр. 251, 1940 г.

Но развитию их—чем дальше, тем все больше—препятствует феодально-абсолютистский строй, вся система средневековых порядков, учреждений и традиций. Усиливается противоречие между развитием производительных сил и все возраставших новых экономических потребностей, с одной стороны, и сковывавшим их абсолютистско-феодальным порядком—с другой. Веками накапливавшаяся ненависть к этому „порядку“ вылилась во второй половине XVIII века в обостреннейшую классовую борьбу между господствовавшими сословиями—дворянством и духовенством, с одной стороны, и третьим сословием—с другой. Третье сословие, которое было политически ничем, но которое стало играть все большую роль в жизни страны, заявило устами одного из своих представителей, что оно должно стать „всеми“. В конце XVIII века во Франции разыгралась решительная борьба против феодализма и крепостничества. Это была самая крупная, самая значительная буржуазная революция. Победа французской буржуазной революции XVIII века и утверждение капитализма в передовых странах—„самое главное в новой истории буржуазных стран, если иметь в виду период до Октябрьской революции в России...“¹

Ведущей силой третьего сословия была борющаяся за власть крупная буржуазия—передовой тогда класс, возглавлявший движение народных масс против абсолютизма.

В подготовке и на известном этапе в процессе самой французской революции буржуазия выступала тогда от имени всего общества—„против тиранов“. Ей, как говорит Маркс, особенно необходимо было, „чтобы задача отдельных членов стремящегося к господству класса изображалась как общечеловеческая задача“². Ведь основная разрушительная задача всякой буржуазной революции—борьба с феодализмом для расчистки пути свободной конкуренции—не может быть осуществлена и не осуществлялась без самого широкого участия народных масс. Только вмешательство „плебейского элемента“, на которое даже революционная буржуазия уже тогда смотрела с опаской, обеспечило достижение целей революции конца XVIII века.

---

¹ И. Сталин, С. Киров, А. Жданов, Замечания о конспекте учебника новой истории („К изучению истории“), стр. 25, Госполитиздат, 1938 г.

² Маркс и Энгельс, т. IV, стр. 269.

Этой политической революции предшествовала революция в умах, происходившая в течение XVIII века, когда ее идеи формулировались передовыми представителями буржуазной философии и науки—„просветителями“ и французскими материалистами. Идеи Вольтера и Руссо, энциклопедистов и материалистов—Дидро, Гольбаха, Гельвеция обязаны своим происхождением материальным условиям жизни французского общества того времени и вытекавшим из этих условий требованиям третьего сословия. Выражая тогда и интересы масс, мобилизуя и организуя их, эти идеи превратились в могучую революционную преобразующую силу. Без борьбы этой блестящей плеяды представителей передовой тогда буржуазии против феодально-крепостнических идей и учреждений, против деспотизма и тирании невозможна была бы французская буржуазная революция XVIII века и ее победа.

Французские материалисты и просветители были идеологами революционной тогда буржуазии. Выступая с критикой феодального строя, идеализма и религии, они расчищали дорогу развивавшемуся капитализму. Но „в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии)... все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного“¹.

Перазумному феодально-абсолютистскому строю они противопоставляли „царство разума“. Это царство оказалось на деле только идеализированным строем капиталистической эксплуатации и буржуазной демократии. Но в идейном арсенале, который создавали тогда, в XVIII веке, французские материалисты и просветители, выковывалось, независимо от их воли, оружие и для более широких социальных требований. Прямо или косвенно формулировались теоретические и логические основы не только для политических задач буржуазии, но и для более радикаль-

---

¹ Ленин, т. II, стр. 315.

ных освободительных требований эксплуатируемых масс. Поэтому во французском материализме XVIII века оказались *теоретические истоки* также и для утопического социализма и коммунизма XIX века, а в проповеди идеал политического равенства у Руссо и др. теоретически обосновывалась аргументация и для требований социального равенства.

Остановимся вкратце на этой связи между французским материализмом, между идеями просветителей и утопическим социализмом и коммунизмом.

Французский материализм XVIII века имел огромное теоретическое и политическое значение. Даже идеалист Гегель, поскольку он считался с историческими фактами, вынужден был оправдать его разрушительную роль в борьбе против религии и государства. „Нужно представить себе картину ужасного состояния общества, бедственности, подлости, даривших во Франции, чтобы понять заслугу этих философов,—говорил Гегель в своем курсе „Истории философии“.—Теперь лицемерие, ханжество, тирания, видящая, что у нее отняли награбленное ею, слабумие могут сказать, что французские философы напали на религию, государство и нравы. Но какая это была религия!.. Презреннейшее суеверие, поповщина, глупость, низкий образ мысли и главным образом растратничивание богатства и утопание в изобилии земных благ при господствующей нищете. Какое это было государство! Бесконтрольнейшее господство министров и их девок, жен, камердинеров, так что огромная армия маленьких тиранов и праздношатающихся рассматривала как свое божественное право грабеж доходов государства и пользование потом народа. Бесстыдство, несправедливость достигали невероятных пределов, нравы только соответствовали низости учреждений; мы видим бесправие индивидуумов в гражданском и политическом отношениях, равно как и в области совести, мысли“¹.

Французский материализм XVIII века, как и весь домарксовский материализм (включая и Фейербаха), не мог избежать известных черт ограниченности, связанных с уровнем развития науки и классовым мировоззрением его представителей. Он был механистическим, антидиалектическим, созерцательным, а в области общественных явлений

---

¹ Гегель, Соч., т. XI, стр. 389, Соцгиз, 1935 г.

стоял на идеалистических позициях. Но это было передовое, единственно последовательное мировоззрение в борьбе против крепостничества. Его политическое и социальное значение сказалось не только в XVIII веке, но и в XIX веке за пределами Франции—как в самой передовой Англии, так и в самой отсталой тогда в Европе России.

Основоположники марксизма видели во французском материализме идейные истоки утопического социализма и коммунизма XIX века и французских революционных учений вообще. Для наглядного доказательства этой связи Маркс приводит в „Святом семействе“ выписки из Гельвеция, Гольбаха.

Французские материалисты развили положение английского философа-сенсуалиста Локка о том, что человек, его характер являются продуктом среды, воспитания¹. В особенности у Гельвеция, в его сочинениях „Об уме“ и „О человеке“ материализм „непосредственно применяется к общественной жизни“². Все люди, по Гельвецию, от природы равны в своих умственных способностях, они отличаются прирожденной склонностью к добру, и только от общественных условий, от воспитания зависит развитие заложенных в человеке дарований. В области морали и нравственности человек под влиянием чувственных впечатлений руководится стремлением к удовольствию и счастью. Но, согласно Гельвецию, этот правильно понятый личный интерес, разумный эгоизм связан с общественным интересом, и принципом его является общественная польза.

Французский материализм создал, таким образом, предпосылки для выводов о необходимости разрушить социальные источники преступлений, выводов о необходимости объединения интересов индивидуума и коллектива, обеспечения необходимого жизненного пространства удовлетворению человеческих потребностей.

---

¹ Маркс обращает также внимание на одного из раппих английских учеников Локка—Мандевилля. Мандевиль в своем сочинении „Песня о пчелах“ доказывает, что в современном обществе пороки необходимы и полезны. Содержащее в себе критику современного общества, это сочинение может служить „свидетельством социалистической тенденции материализма...“ (Маркс и Энгельс, т. III, стр. 160).

² Маркс и Энгельс, т. III, стр. 159.

Формулируя эти выводы французского материализма, Маркс писал: „Если человек черпает все свои знания, ощущения и проч. из чувственного мира и опыта, получаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек познавал в нем истинно-человеческое, чтобы он привыкал в нем воспитывать в себе человеческие свойства. Если правильно понятый интерес составляет принцип всякой морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами... Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими. Если человек, по природе своей, общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по отдельным личностям, а по целому обществу“¹.

Из учения французских материалистов непосредственно исходят французский утопический коммунист конца XVIII века Гракс Бабеф и его последователи—бабувисты, а также великие французские утописты начала XIX века, в особенности Фурье. Французский материализм в той форме, какую придал ему Гельвеций, явился теоретическим исходным пунктом для великого английского утопического коммуниста XIX века Роберта Оуэна. Энгельс указывает, что Оуэн „в стране наиболее развитого капиталистического производства и под впечатлением порожденных этим способом производства противоположностей разработал ряд проектов устранения классовых различий в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму“².

Маркс говорит о французском и английском утопическом социализме и коммунизме, как о практическом материализме, совпадающем с гуманизмом. Маркс подчеркивает, что и позднейшие, „более научные французские коммунисты, *Дезами, Гэй* и др., развивают... учение материализма как учение *реального гуманизма* и как *логическую основу коммунизма*“³.

В развитии систем раннего утопического социализма и коммунизма во Франции известную роль сыграли

¹ Маркс и Энгельс, т. III, стр. 160.

² Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 177, 1940 г.

³ Маркс и Энгельс, т. III, стр. 161.

также разрабатывавшиеся просветителями XVIII века идеи равенства.

В борьбе против сословных феодальных привилегий духовенства и знати нарождавшаяся буржуазия апеллировала к „естественным“, *равным* „от природы“ для всех людей правам человека. Эти идеи нашли свое выражение в сложившихся еще в XVII веке в передовых странах—Англии, Голландии—естественно-правовых теориях Гроция, Гоббса, Спинозы, Локка. В XVIII веке эта проблема отклонения от естественного состояния, проблема связанной с цивилизацией порчи нравов „носила в воздухе“. В настоячивости, с которой выдвигались и разрабатывались эти вопросы, находила свое выражение критика как старого, феодального строя, так и нарождавшегося нового, капиталистического.

„Буржуазная сторона требования равенства,—как указывает Энгельс,—была впервые резко, но еще в виде общечеловеческого требования, формулирована Руссо“¹.

Руссо был наиболее ярким представителем идеи равенства всех перед законом, глашатаем идеи народовластия.

Почти за 30 лет до революции он в сочинении „Об общественном договоре“ выступил против феодального государства, как „несправедливого и абсурдного правления, в котором род человеческий унижен и в котором самое имя человека обесчещено“². Но и у Руссо естественное равенство ограничивалось равенством всех граждан перед законом, а существеннейшим из прав было объявлено право буржуазной собственности. И для Руссо обеспечение собственности было одной из целей общественного договора.

Так в идеологической подготовке буржуазной революции конца XVIII века феодальному государству, основанному на произволе и насилии, было противопоставлено буржуазное государство, якобы основанное „на разуме и праве“.

С конца XVIII века Франция стала притягательным центром революционно-демократических движений. Париж являлся убежищем и школой для революционных представителей поднимающейся *буржуазии*³.

С наступлением революции буржуазная „Декларация

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 367.

² Руссо, Об общественном договоре, стр. 82, Соцгиз, 1938 г.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 180, изд. 11-е.

прав человека и гражданина“ торжественно провозгласила, вслед за Руссо, что „люди рождаются свободными и равными в правах“, что сохранение естественных и неотъемлемых прав человека является целью всякого политического союза.

Но что это были за права? Важнейшие из них—свобода, равенство всех граждан перед законом и частная собственность на средства производства, так как собственность эта есть, по словам „Декларации“, „нерушимое и священное право“. Эти слова „Декларации“ раскрывают все содержание буржуазной революции. Провозглашая отмену сословий и привилегий, „Декларация“ возвестила о том, что на смену феодальному государству, основанному на феодальной собственности, пришло буржуазное общество, основанное на капиталистической собственности.

В своей речи „Об обмане народа лозунгами свободы и равенства“ Ленин говорил: „Вся борьба против средневековых порядков, против феодализма шла под лозунгом „равенства“. Все равны, независимо от сословий, все равны, в том числе миллионер и голяк,—так говорили, так думали, так искренне считали величайшие революционеры того периода... и называли равенством то, что миллионер и рабочий должны иметь равные права“¹. Капиталистическое общество, выступая против крепостнического, шло в бой под лозунгом свободы. И „Декларация“ провозглашала свободу слова, печати, неприкосновенность личности. Но это были свободы для тех, кто владел собственностью, эти свободы обеспечивались только для буржуазии.

Между тем наряду с борьбой капитализма против феодализма существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками. Как тень, следовал за буржуазией тот класс, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Его социальные требования находили свое выражение в революционных движениях, возглавлявшихся Томасом Мундером в эпоху реформации и крестьянских войн в Германии, левеллеров² во время английской революции и

¹ Ленин, т. XXIV, стр. 293.

² *Левеллеры* (в переводе: уравнители)—название представителей движения плебейских элементов города и деревни, выдвигавших во время революции 1648 г. в Англии радикальные демократические требования.

Бабефа во время Французской буржуазной революции. Эти требования находили также свое выражение и в соответствующих теоретических выступлениях и произведениях утопистов,

Утопический социализм—неизменный спутник капитализма со времени первоначального накопления. В грезах о другом, свободном от эксплуатации общественном строе выражали трудящиеся массы свой стихийный протест против безжалостного капиталистического гнета. Английский писатель Томас Мор положил в 1516 г. начало распространенным впоследствии фантастическим описаниям будущего общества своим сочинением „Золотая и не менее спасительная книга о наилучшем устройстве государства и о новом острове „Утопия“¹. В Италии в начале XVII века выступает Томас Кампанелла с утопией „Город солнца“; во время английской революции XVII века появляется утопическое произведение Уинстенли „Новый закон свободы“; в конце XVII века во Франции—социальный утопический роман „История севарамбов“ Вераса д'Алле. А во Франции XVIII века особенно выделяются учение революционного атеиста и утопического коммуниста Мелье и, как говорит Энгельс, „прямо коммунистические теории“ Морелли, Мабли.

О личности и деятельности этих французских утопических коммунистов XVIII века до нас дошли скудные сведения. Из опасения преследований им приходилось всячески скрывать свои взгляды. Произведения их либо лежали долго под спудом, как, например, „Завещание“ Мелье, либо опубликовывались анонимно, как основное произведение Морелли—„Кодекс природы или истинный дух ее законов, во все времена пренебрегаемый и непризнаваемый“ (1755 г.). Произведение это долгое время приписывалось Дидро. Морелли, так же как и его современник Мабли, был одним из образованнейших людей своего времени, в особенности в области литературы, философии и гуманитарных наук. Мабли был также видным историком

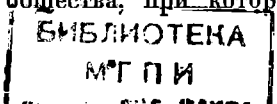
---

¹ „Утопия,—разъясняет Ленин,—есть слово греческое: „у“ по-гречески значит „не“, „топос“—место. Утопия—место, которого нет, фантазия, вымысел, сказка. Утопия в политике есть такого рода пожелание, которое осуществить никак нельзя, ни теперь, ни впоследствии,—пожелание, которое не опирается на общественные силы и которое не подкрепляется ростом, развитием политических, классовых сил“ (Ленин, т. XVI, стр. 163).

своего времени и писателем-моралистом. Эти утопические коммунисты подвергают резкой критике существующий социальный и политический строй. Социальное зло, по их мнению, вытекает из того обстоятельства, что философы, моралисты и политики либо не понимали основных законов природы, либо делали из этих законов неправильные выводы.

Согласно Морелли, природа—это чудеснейшая, разумная машина. Она вооружила человека потребностями и средствами их удовлетворения—землей и всеми ее богатствами, этим общим фундаментом богатства людей. На этом фундаменте общество могло бы создать подлинную гармонию интересов, так как *по природе своей* личные интересы человека совпадают с общественными. Если бы человек только правильно понял и выполнил намерения природы, он был бы счастлив. Люди стали несчастными лишь тогда, когда они перестали следовать законам природы. Неразумное законодательство было роковой исторической ошибкой человечества. Таким образом, Морелли, так же как и Мабли, стоит на идеалистических и метафизических позициях в объяснении общественных явлений и человеческой истории. Вместе с тем Морелли, как и Мабли, подчеркивает огромное теоретическое и практическое значение социальных или, как тогда говорили, моральных проблем.

Морелли исходит из теории „естественного права“, из того, что „естественное состояние“ человечества было его золотым веком. В подтверждение этого он ссылается на исторически известные народы, жившие общинным строем и в соответствии с требованиями разума. Он ссылается на общественное устройство североамериканских индейцев с их родовым строем, отсутствием собственности и государства. Когда с ростом населения, переселением племен и т. д. были уничтожены естественно-родовые связи между людьми, горе-законодатели установили частную собственность—„изнурительную болезнь всякого общества“. Самые яркие страницы сочинения Морелли посвящены критике этого первородного греха человечества—установления собственности на землю. И, как лейтмотив, проходит через всю книгу призыв: „уничтожьте собственность“. Морелли провозглашает обязанность каждого трудиться сообразно со своими силами, способностями и возрастом. Он выдвигает задачу—найти такую форму общества, при которой

для человека представлялось бы невозможным быть развращенным или злым.

Морелли и Мабли не могли еще видеть тенденций будущего развития и связанной с последним классовой борьбы. Как и Руссо, они звали „назад“, к „естественному состоянию“. Построенный на примитивной материальной базе их идеал аграрно-коммунистического строя предписывал соблюдать „умеренность в еде“, „сурово подавлять излишества... чтобы никакое украшение не могло доставить кому бы то ни было преимуществ“ (Морелли). И Мабли считал, что одной из причин, поддерживавших имущественное и правовое неравенство, являются „излишние потребности“.

Вместе с тем Морелли замечательно предвосхищает основные принципы социализма, право на труд, на отдых, на образование, на обеспеченную старость. Особое внимание уделяет он вопросам воспитания.

При всей ограниченности и незрелости учения Морелли, обусловленных его временем и уровнем наук, историческое значение его идей велико. Развивая утопические идеи своих предшественников, Морелли одновременно предвосхищает утопический социализм и коммунизм конца XVIII и начала XIX века. Под значительным влиянием Морелли сложилось учение Бабефа.

* * *

Учения французских утопических коммунистов XVIII века вкладывали новый, более глубокий социальный смысл в буржуазные теории политического, гражданского равенства, равенства в правах всех сословий. Доказывалась необходимость уничтожения не только классовых феодальных привилегий, но и самих *классовых различий*. Разоблачая формальное равенство, эти утописты требовали фактического равенства в области общественно-экономической, т. е. в отношениях собственности; они распространяли требование равенства на общественное положение людей.

Однако крайняя неразвитость капиталистических отношений, преобладание в большей части Франции *сельскохозяйственного производства* и мелкой буржуазии придавали этим теориям грубый, потребительский, уравнилительный характер: „Аскетически суровый, спартанский

коммунизм, осуждавший всякое наслаждение, был первым проявлением нового учения“¹.

Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.—важнейшее всемирно-историческое событие на рубеже XVIII—XIX веков, сказавшееся на всем последующем развитии Европы XIX века. Французская революция с огромной силой подчеркнула и обнажила проблему социального неравенства. Но, освободив народ от цепей феодализма и абсолютизма, она „наложила на него новые цепи, цепи капитализма и буржуазной демократии“².

После падения Робеспьера наступает период реакции. Уже „при правительстве *директории* стремительно вырывается наружу и закипает ключом настоящая жизнь буржуазного общества. Горячка коммерческих предприятий, страсть к обогащению, ослепление новой буржуазной жизнью, где на первых шагах наслаждение принимает дерзкий, легкомысленный, фривольный и одурманивающий облик; действительно просвещенное использование французских земель, феодальное расчленение которых разбито было молотом революции и которые лихорадочная горячность бесчисленных новых собственников подвергла теперь всесторонней обработке; первые движения освобожденной промышленности,—все это были отдельные жизненные симптомы только-что народившегося буржуазного общества“³.

“Резко и стремительно обострялась противоположность между этой новой буржуазией и кулацким крестьянством, с одной стороны, и эксплуатируемыми массами, положение которых все более ухудшалось,—с другой.

Французская буржуазная революция с самого начала дала огромный толчок самостоятельным движениям трудящихся масс против эксплуататоров.

Трудящиеся массы Франции с самого начала революции ловят буржуазию на слове: равенство так равенство, не политическое только, которое остается для эксплуатируемых масс формальным равенством и служит интересам нового господствующего класса, а равенство фактически гарантированное, равенство социальное, экономи-

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 18.

² И. Сталин, С. Киров, А. Жданов, Замечания о конспекте учебника новой истории („К изучению истории“), стр. 25, Госполитиздат, 1938 г.

³ Маркс и Энгельс, т. III, стр. 151.

ческое. И „равенство стало боевым кличем специально французского пролетариата“¹.

Это движение неотступно сопровождало Французскую буржуазную революцию с самого ее начала. Маркс отмечает истоки этого движения в „Социальном кружке“ 1789 г.—в одном из самых левых клубов того времени: в середине своего пути оно „имело своими главными представителями“ „бешеных“²—Леклерка и Ру—„и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором *Бабефа*“³.

В учении и заговоре Бабефа, как в зеркале, отразились, с одной стороны, результаты буржуазной революции непосредственно после переворота 18 термидора, а с другой—незрелость пролетариата.

Организованное Бабефом в 1796 г. революционное тайное „Общество равных“ объявило целью революции „уничтожение неравенства и восстановление общего счастья“. Бабеф и бабувисты „рассматривали равенство в труде и потреблении, как единственную цель, достойную истинного гражданина, и только в этом видели законный мотив восстания“.

Бабеф исходит из того, что „1. Природа дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами. 2. Цель каждого общества—защищать это равенство... 3. Природа возложила на каждого человека обязанность трудиться; никто не может, не совершая преступления, уклоняться от труда... 4. Труд и потребление должны быть общими для всех“⁴ и т. д.

Стремлению буржуазии как можно скорее закончить революцию Бабеф противопоставил требование продолжать революцию до тех пор, пока не будет ликвидирована противоположность между богатыми и бедными. Бабеф выдвинул коммунистическую программу устройства будущего общества. Но это все еще был коммунизм утопи-

---

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 107.

² „Бешеные“—политическое течение в эпоху Французской буржуазной революции 1793—1794 гг., выражавшее интересы городской и сельской бедноты. Виднейшие представители—Ру, Леклерк, Варле—подверглись преследованиям. Продолжателем дела „бешеных“, как глашатаев идеи „реального равенства“, явился Бабеф.

³ Маркс и Энгельс, т. III, стр. 147.

⁴ Ф. Буонапартти, Гракх Бабеф „Заговор равных“, стр. 182, Гиз, 1932 г.

ческий, примитивный, аскетический, грубо уравнилельный, стоявший еще на уровне XVIII века и отражавший преобладание аграрных отношений Франции. Вместе с тем у Бабефа имеется в зачаточной форме идея диктатуры трудящихся. Но Бабеф не мог еще опираться на классовую борьбу организованного и сознательного пролетариата, которого в подлинном смысле этого слова тогда еще не было.

Маркс и Энгельс считали сочинения Бабефа образцом той литературы, „которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата“¹.

Бабувизм был значительной вехой на пути того начавшегося в 1789 г. революционного движения, которое, по словам Маркса, „вызвало к жизни коммунистическую идею“. Эта идея, „после революции 1830 г., снова введена была во Францию другом Бабефа, Буонарроти. Эта идея, последовательно разработанная, и есть идея нового мирового порядка“².

Благодаря идеям Бабефа и „Общества равных“ революционная традиция непрерывно поддерживалась во Франции первых десятилетий XIX века—и во время Первой империи, и во время реставрации, и в период революции 1830 г. Эти идеи оказали огромное влияние на тайные революционные общества во Франции 30 и 40-х годов XIX века и в особенности на таких революционных утопических коммунистов, как Дезами и Бланки.

„Франция,—писал Энгельс в письме к Бебелю 28 октября 1885 г.,—страна, где с 1789 по 1850 г. политические идеи не только каждый раз впервые получали острую формулировку, но и переводились на язык практики...“³

В течение всей первой половины XIX века и особенно в 30 и 40-х годах Франция, как ни одна страна в Европе, живет чрезвычайно бурной жизнью, насыщенной политическими и социальными движениями, событиями и идеями. Позже, после революции 1848—1849 гг. и в особенности после Парижской коммуны, центр мирового революционного движения все более передвигается на восток—сначала в Германию, потом в Россию. Но в период, предшествую-

---

¹ Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, стр. 65, 1939 г.

² Маркс и Энгельс, т. III, стр. 147.

³ „Архив Маркса и Энгельса“, т. I/VI, стр. 314, М., 1932 г.

щий выступлению марксизма на историческую арену, руководящая роль в области революционной теории и социалистической мысли принадлежит Франции. Это было время, когда Франция, по выражению Ленина, „разливалась по всей Европе идеи социализма“¹.

Сюда тянутся все передовые люди других стран Европы. Здесь в революционных теориях и практике, в утопических мечтах они ищут ответа на вопросы, поставленные развитием в их собственной стране. „...Франция—очаг, подставленный под Европу, чтобы она не застывала и не плесневела,—вспоминал о начале 40-х годов П. В. Анненков, видный представитель русского просвещенного дворянства.—... Чем более мне приходилось узнавать Париж, куда я попал, наконец, в ноябре 1841 г., тем сильнее убеждался, что повода для зависти соседей он действительно заключает в себе очень много, благодаря сильно развитой общественной жизни своей, своей литературе и прочему...“²

Париж привлекал к себе наиболее передовых представителей русской общественной мысли 40-х годов—Белинского, Герцена и др.

Молодой, радикально настроенный Маркс, не видевший в тогдашней Германии, где „воздух демает человека крепостным“, „простора для свободной деятельности“, стремится в 1843 г. „в Париж, в этот старый университет философии... и новую столицу нового мира“, ибо, по его словам, „истинно мыслящие и независимые головы должны искать нового сборного пункта“³.

Франция играет наиболее видную, руководящую роль в тот первый период истории международного революционного движения, который Ленин называет периодом рождения социалистических идей, периодом зачатков классовой борьбы пролетариата. „Долгая и упорная борьба крайне многочисленных социалистических учений и сект. Социализм ищет своей дороги, ищет себя. Классовая борьба пролетариата, едва начинающегося выделяться из общей массы мелкобуржуазного „народа“, носит харак-

¹ Ленин, т. I, стр. 164.

² Анненков, Литературные воспоминания, стр. 290 и 292, „Academia“, 1928 г.

³ Маркс и Энгельс, т. I, стр. 363—364.

тер отдельных вспышек, вроде восстания лионских ткачей. Рабочий класс в этот период тоже лишь нащупывает свою дорогу. Этот период есть период подготовки и рождения марксизма, как единственной, выдержавшей испытания истории, доктрины социализма¹.

Условия, в которых совершалась во Франции буржуазная революция конца XVIII века и в которых реализовывались результаты революции в первые десятилетия XIX века, отличались своеобразием по сравнению с последующими буржуазными революциями в Германии и в особенности в России. Революция совершалась тогда при менее развитых условиях цивилизации и с гораздо менее развитым пролетариатом.

Франция с ее почти 80% сельского населения остается в основном аграрной страной. В результате реставрации остается незавершенной борьба между буржуазией и дворянством. Промышленный капитализм развивается, но его сдерживает ряд неблагоприятных условий. Если внутренняя политика Наполеона стимулировала развитие капитализма, то в результате наполеоновских войн и последовавшего затем „умиротворения“ Франция потеряла значительную часть иностранных рынков и большинство колоний. В период реставрации промышленное развитие идет под знаком реакционной политики Бурбонов, выдвигавших на первое место интересы землевладельцев. Большое место еще занимает мануфактурная организация производства; в ней значителен удельный вес небольших мастерских и даже таких неразвитых форм, как соединение ее с работой на дому и т. п. Но тенденции развития крупной промышленности уже очень заметны и на росте числа паровых машин, и на продукции металлургического, шерстяного и шелкового производства, и на потреблении хлопка. Капитализм заметно внедряется в сельское хозяйство.

Капиталистическая эксплуатация все большей тяжестью ложится на массы в городе и деревне. Ненасытная жажда капиталистической паживы часто доводила рабочих до отчаяния. Оно выливалось в стихийные выступления, выражавшиеся вначале в порче и разрушении машин, а затем уже и в стачках. Все эти стихийные и неорганизованные выступления жестоко подавлялись всеми силами

---

¹ Ленин, т. XVI, стр. 545.

молодой буржуазной государственной власти—полицией, армией, судебным и прочим бюрократическим аппаратом. Таким образом, *противоречия капитализма уже существовали и начали проявляться, но классовая борьба между буржуазией и пролетариатом была еще не развита.*

Сам пролетариат только формировался как класс и был еще политически незрелым. Кроме того, отсутствовали еще материальные условия его освобождения. Все это было создано лишь с развитием буржуазной эпохи, которая во Франции только наступала.

Пролетариат не имел еще своей партии, которая могла бы выполнить роль передового борца. Пролетариат не имел еще той революционной теории, без которой не может быть и революционного движения. Этого не могла дать ему революционная литература, которая сопровождала первые его стихийные движения,—литература, проповедывавшая всеобщий аскетизм и грубую уравнильность. Она не в состоянии была раскрыть законы развития капиталистического общества, выяснить пролетариату его всемирно-историческую освободительную роль и конкретные пути этого освобождения. Такая теория тогда еще не могла быть создана.

С другой стороны, история показывает, что рабочий класс при капитализме именно вследствие своего угнетенного положения не в состоянии *исключительно собственными силами* выковать свое оружие—научную теорию своего освобождения. Учение социализма могло быть привнесено только извне. Оно „выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией“¹. Оно „возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции“².

Так в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией возникают „собственно социалистические и коммунистические системы“ великих утопистов: Сен-Симона и Фурье во Франции, Оуэна в Англии.

Во Франции первой половины XIX века наблюдается в классической форме обособленное друг от друга разви-

---

¹ Ленин, т. IV, стр. 384.

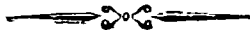
² Там же, стр. 385.

тие стихийного рабочего движения, с одной стороны, и социалистической мысли, социалистической теории—с другой. Утопическая „социалистическая и коммунистическая литература Франции, возникшая под гнетом господствующей буржуазии“, явилась „литературным выражением борьбы против этого господства“¹ и соответствовала первому, исполненному предчувствий порыву „пролетариата к всеобщему преобразованию общества“².

---

¹ *Маркс и Энгельс*, Манифест Коммунистической партии, стр. 60.

² *Там же*, стр. 67.

СЕН-СИМОН И ФУРЬЕ —
ОСНОВОПОЛОЖНИКИ ФРАНЦУЗСКОГО
УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА XIX ВЕКА

С именами великих утопистов связан „один из важнейших периодов в истории социализма“¹. Они — патриархи социализма. Мы в дальнейшем постараемся выяснить, в каком смысле применимо к ним это определение. Сами они ни себя, ни своих последователей социалистами не называли, а слово „социализм“ впервые появилось в литературе только в середине 30-х годов XIX века, когда теоретическая деятельность Сен-Симона и Фурье была уже завершена.

Сен-Симон и Фурье — две вершины домарксовской социалистической мысли. Они являются подлинными „властителями дум“ всей первой половины XIX века. Они стоят у истоков „той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела“².

Сен-Симон и Фурье наиболее ярко, в классической форме, выражают сильные и слабые стороны утопического социализма. Их учения содержат в зародыше в форме гениальных догадок рациональные зерна будущего „материалистически-критического социализма“ (Маркс), и в их лице передовая мысль поставила многие из тех вопросов, на которые дал ответ только марксизм. Исторически неизбежные черты их ограниченности стали впоследствии

---

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 31.

² Ленин, т. XV, стр. 465.

источником, которым пользовались все реакционно-оппортунистические, реформистские направления.

Сен-Симон и Фурье не только фактически, но и, так сказать, принципиально стояли в стороне от классовой борьбы и революционных движений. Однако в огромном богатстве рассыпанных ими идей нашла для себя питательную почву современная им и последующая историческая и социалистическая мысль.

Такие представители домарксовского французского социализма 40-х годов, как Пьер Леру, Пеккер, Луи Блан, Прудон и др., жившие и творившие в более поздний период, не шли в основном дальше повторения, а во многом и опошления мыслей великих утопистов.

Великие утописты Франции вдохновляли на борьбу представителей революционного движения в России. Здесь мы находим кружки сен-симонистов 30-х годов, группу фурьеристов-петрашевцев в 40-х годах. Французский утопический социализм сочетался здесь с революционно-демократической тенденцией. „...Восприятие этих идей,—пишет Ленин,—давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского... *Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда—вера в возможность крестьянской социалистической революции*—вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на героическую борьбу с правительством“¹. Поэт и революционер Огарев вспоминал о себе и своем друге Герцене:

...Мы — дети декабристов
И мира нового ученики.
Ученики Фурье и Сен-Симона —
Мы поклялись, что посвятим всю жизнь
Народу и его освобождению.
Основую положим социализм...

Герцен, подводя итоги своим взглядам, писал: „Сен-симонизм лег в основу наших убеждений и неизменно остался в существенном“. Однако уже в раннем своем дневнике (за 1843 г.) он писал, что „фурьеризм, конечно, всех глубже раскрыл вопрос о социализме“.

Молодой Чернышевский считал идеи Фурье разумными, говоря, что „будущее принадлежит этим мыслям“.

Никто из утопических социалистов не охватил так

¹ Ленин, т. I, стр. 164.

широко и глубоко исторические, философские и экономические вопросы, связанные с критикой современного и устройством будущего общества, как это сделали Сен-Симон и Фурье.

История французского утопического социализма не случайно объединила эти два имени, хотя по своему происхождению и в своей личной жизни Сен-Симон и Фурье были далеки друг от друга.

Граф Анри де Рувруа Сен-Симон (1760—1825) — потомок Карла Великого и внучатный племянник автора известных мемуаров о французском королевском дворе — получил блестящее, в духе XVIII века, образование под руководством энциклопедиста д'Аламбера. В оставшейся незаконченной автобиографии он сам говорит о своей жизни, полной многих „необычайных вещей“, превратностей, интересных и горьких приключений. Юношей он отправляется добровольно в Америку сражаться за ее независимость. Там он предлагает мексиканскому наместнику проект соединения Атлантического и Великого океанов (Панамский канал). По возвращении на родину он оставляет обещающую ему блестящие перспективы военную карьеру и отдается изучению математики и научным путешествиям по Европе. В нем рано пробуждается не покидавшее его потом всю жизнь сознание высокого призвания. В наступившую, как он считал, эпоху мирного труда он должен прославить свое имя как преобразователь науки и общества, так же как его великий предок — полководец и политик прославил род Сен-Симона в эпоху военных подвигов.

Наступает революция 1789—1794 гг. Сен-Симон не только отказывается от графского титула, но является инициатором обращения к Конституанте об отмене титулов и привилегий, связанных с происхождением. В то же время Сен-Симон с жаром отдается финансовым спекуляциям (по продаже национальных имуществ), которые он, по его словам, хотел использовать как средство „способствовать... успехам просвещения и улучшению участи человеческого рода“. Только после революции начинается лихорадочная, но своеобразная научная деятельность Сен-Симона. Он решает сначала вооружиться знанием всех достижений наук его времени, начиная с физических, неорганических, с тем чтобы охватить затем последовательно „строение органических тел“ — физиологию. При этом ему

АРИ СЕН-СИМОН
(1760 — 1825)

важно не только констатировать современное их состояние, но и выяснить „при помощи исторических изысканий“, в каком порядке „были сделаны открытия, их обогатившие“. Он считает лучшим средством для получения этих знаний превратить свой дом в салон, где гостеприимный меценат и филантроп, не щадя никаких затрат, собирает все даровитое, оригинальное, предприимчивое, ученых и артистов, техников и промышленников, банкиров и просто аферистов. Стремясь улучшить организацию научной системы, он считал нужным не только ознакомиться с состоянием человеческого знания, но и узнать, какое действие оказывает изучение наук на тех, кто им отдается, на их страсти, на их разум, на характер и т. п.

Все это нужно Сен-Симону потому, что он создал проект проложить новый путь человеческому разуму—путь „физико-политический“.

После окончания работ по физиологии Сен-Симон отправляется для дальнейшей разработки своего проекта за границу. В Англии он убеждается в том, что ее „жители не направляли своих научных трудов к физико-политической цели, что они не занимались реорганизацией научной системы и что они не имели ни одной важной новой идеи“. В Швейцарии и Германии он убеждается в том, что наука там находится еще в состоянии младенчества, построена на мистических началах, хотя он предсказывает большое будущее Германии, где „великая нация работает в этом научном направлении“.

В результате всех своих экспериментов Сен-Симон совершенно разорился, и последние 20 лет его жизни полны невероятных лишений и страданий. Но именно эти годы были годами его исключительной по напряженности творческой деятельности. Полный глубокой веры в свое предназначенье, он высказал, хотя и в самой несистематической, порой бессвязной, порой неожиданной и большей частью в самой небрежной форме, глубочайшие для своего времени мысли. Его встречают насмешками. Бездомный, ведущий голодное существование, он не может напечатать своих произведений. Но это его не останавливает. Он переписывает их от руки и рассылает отдельным лицам с сопроводительными письмами: „Я умираю с голоду. Мое положение отнимает у меня возможность изложить мои идеи достойным образом, но значение моего открытия не зависит от способа изложения. Достиг ли

я того, чтобы проложить новую философскую дорогу? Вот вопрос. Если вы возьмете на себя труд прочитать мое сочинение, я спасен. Преданный в продолжение многих лет отысканию нового пути в области мысли, я по необходимости должен был удалиться от школы и от общества. Я сделал открытие чрезвычайной важности. Занятый единственно общим интересом, я пренебрегал своими собственными делами и через это дошел до следующего положения. Мне нечего есть, я работаю без огня. Я продал даже свою одежду, для того чтобы иметь возможность переписать свое сочинение. Стремление к науке и общественному благу, желание найти средства для мирного окончания страшного кризиса, в котором находится европейское общество, привели меня в столь несчастное положение, и потому я, не краснея, признаю свою бедность и прошу помощи, для того чтобы продолжать свою работу“.

Но все большее сочувствие наиболее многочисленному и наиболее бедному классу, которое высказывал Сен-Симон, не могло найти отклика у богатых покровителей.

Крайняя нужда довела его в 1823 г. до попытки к самоубийству, в результате которой он лишился глаза. На собранные в его пользу по подписке суммы он мог продолжать еще в течение последних двух лет жизни свою писательскую деятельность. В этих последних сочинениях он особенно подчеркивает проблему рабочего класса. Сен-Симон умер в Париже в 1825 г.

Современник Сен-Симона и Фурье, известный народный поэт Беранже посвятил им свою песню „Безумцы“:

Сен-Симон все свое достояние
Сокровенной мечте посвятил.
Стариком он поддержки просил,
Чтобы общества дряхлое зданье
На основах иных возвести,—
И угас, одинокий, забытый,
Сознавая, что путь, им открытый,
Человечество мог бы спасти¹.

* * *

Другой мощный ум, Фурье „заялся общественными условиями человеческого рода“ (Энгельс) почти одновременно с Сен-Симоном.

¹ Беранже, Избранные песни, стр. 288, Гослитиздат, 1936 г.

Шарль Фурье родился в купеческой семье в Безансоне в 1772 г. По сравнению с яркой биографией Сен-Симона жизнь Фурье—бледная проза. Нужда с детства вследствие расстройств дел, а затем и смерти отца, работа приказчиком за прилавком, неудавшиеся попытки продолжать школьное образование; всю жизнь одинокий, без семьи, комиссионер и вояжер в мануфактурных магазинах Лиона, Руана, Марселя, Бордо. „Слуга лавочника“, как он называл себя, он отдаст все время услужению „всем проискам, хитростям и обману торговцев“, так что не мог даже „посвящать ночи ознакомлению с истинной наукой...“ Все же он успел немало написать и начиная с 1803 г. выпустить ряд произведений, в которых на протяжении нескольких десятков лет настойчиво подчеркивались и варьировались по существу одни и те же мысли. Последние десять лет своей жизни Фурье провел в Париже, где и умер в 1837 г.

Эта внешне бесцветная жизнь сопровождалась глубокой непрекращающейся творческой работой мысли. Есть у Фурье внешнее сходство со второй половиной жизни Сен-Симона. Поэт Генрих Гейне, одно время увлекавшийся сначала идеями Сен-Симона, а затем и Фурье, писал, что „провиденциальная бедность этих великих социалистов обогатила мир, обогатила сокровищницей мыслей, которые открывают нам новые миры наслаждения и счастья“¹.

На самом деле их объединяет гораздо более глубокая органическая связь. Только в последние годы жизни к каждому из них примкнули небольшие группы учеников, таких же одиночек из интеллигенции. Лишь очень немногие из учеников—Базар у Сен-Симона, В. Консидеран у Фурье—сумели развить и популяризировать наиболее ценные мысли учителей. Другие же только способствовали дискредитации последних, доведя до крайностей черты их ограниченности.

Сен-Симон и Фурье не только не были связаны с каким-либо общественным движением, но чуждались его или даже были враждебны ему.

Только Оуэн, единственный из великих утопистов, в более поздний период и в условиях самой передовой

¹ Гейне, т. IX, стр. 315.

ШАРЛЬ ФУРЬЕ
(1772 — 1837)

капиталистической страны—Англии пытался связать социальные преобразования с движением рабочего класса.

Роберт Оуэн родился в 1771 г. и умер в 1858 г. Одаренный выдающимися способностями организатора, Оуэн необычайно быстро выдвинулся в условиях промышленного переворота в Англии на рубеже XVIII и XIX веков. В двадцать лет он был уже директором текстильной фабрики. С 1800 по 1829 г. он в качестве совладельца управлял большой бумагопрядильной фабрикой в Нью-Ленарке. Здесь развернулась принесшая Оуэну мировую известность его филантропическая и реформаторская деятельность. Он пытался применить на практике усвоенное им учение французских материалистов о влиянии на человека условий, окружающих его „в течение всей жизни, а в особенности в период его развития“¹. Он впервые ввел летские сады, сократил обычно применявшийся 13—14-часовой рабочий день до 10¹/₂; он „поставил людей в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения“². Но это не удовлетворяло Оуэна, поскольку оставалась эксплуатация. Оуэн пришел к выводу, что только получение полного продукта труда рабочими может создать условия, необходимые для всестороннего развития их характера и ума, для их свободной жизнедеятельности.

В 20-х годах XIX века оформляются коммунистические идеи Оуэна. Они имеют всегда практический характер. Оуэн составляет замечательные по своей детальной разработке проекты коммунистических колоний и планы будущего строя и отправляется в Америку, чтобы основать там свою „Новую Гармонию“. Вернувшись после неудачных опытов в Англию, Оуэн в течение 30 лет работает в среде рабочего класса. Организация всеобщего профессионального союза, кооперация (потребительские и производственные товарищества), рабочие базары—, все общественные движения, которые происходили в Англии в интересах рабочего класса, и все их действительные достижения связаны с именем Оуэна“³. С 1834 по 1858 г. он издавал ряд журналов, среди которых особое значение имел „Но-

¹ Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 184, 1940 г.

² Там же.

³ Там же, стр. 186.

вый моральный мир". И все же Оуэн оставался утопистом. Так же как и Сен-Симон и Фурье, он возлагал все надежды не на революционную классовую борьбу пролетариата, а только на мирную пропаганду, убеждение примером, просвещенческую и реформаторскую деятельность и обращаясь за помощью даже к английской королеве Виктории.

Таким образом, великие утописты сходятся между собой в том, что „они не выступают как представители интересов исторически порожденного к тому времени пролетариата. Подобно просветителям, они хотят сразу же освободить все человечество, а не какой-либо определенный общественный класс в первую очередь. Как и те, они хотят установить царство разума и вечной справедливости; но их царство, как небо от земли, отличается от царства разума французских просветителей. Буржуазный мир, построенный сообразно принципам этих просветителей, так же неразумен и несправедлив и поэтому должен быть так же выброшен на свалку, как феодализм и все прежние общественные порядки. Истинный разум и истинная справедливость до сих пор не господствовали в мире только потому, что они не были правильно поняты. Не было просто того гениального человека, который явился теперь и который познал истину“¹.

И действительно, каждый из великих утопистов с нескромностью, которая граничит с маниакальностью, называл себя обычно пророком и спасителем человечества, подчеркивая, что он единственный обладатель книги судеб, которому природа вручила „все свои сокровища“ и который „пришел, чтобы рассеять политический и моральный мрак и на развалинах недостоверных наук“ (Фурье) воздвигнуть теорию всемирной гармонии.

Только марксизм-ленинизм сумел разъяснить исторический смысл и историческую ограниченность выступлений великих утопистов как передовых идеологов периода незрелого капиталистического производства, незрелых классовых отношений.

Ряд грандиозных задач уже был поставлен новой, буржуазной эпохой с ее огромной революционной ролью в истории, с ее беспрестанными переворотами в производстве, непрерывным потрясением всех общественных отношений, вечной неуверенностью и движением, которые

---

¹ *Карл Маркс*, Избранные произведения, т. I, стр. 177—178.

отличают эту эпоху от всех предшествовавших. Люди приходили все больше „к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения“¹.

Противоречия капитализма уже стали выявляться, но не было еще в материальной действительности условий для их преодоления. Только что закончившаяся буржуазная революция во Франции впервые открыла необъятный простор бурному развитию именно капиталистического общества. Но, говорит Энгельс, „установленные „победой разума“ общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей“². Это разочарование с огромной силой отразили великие утописты. Их идеи были передовыми идеями, поскольку они отражали назревшие задачи развития материальной жизни тогдашнего общества. Однако в самих этих условиях, в частности во Франции начала XIX века, не созрел еще полностью конфликт между производительными силами капитализма и его производственными отношениями, не были тогда еще в самой жизни материальные предпосылки и субъективные элементы в лице организованного рабочего класса для создания того строя, который должен был прийти на смену осужденному на гибель капитализму. Этот новый строй пришлось выдумывать из головы.

Таковы условия, породившие учения Сен-Симона и Фурье. Рассмотрим основные вопросы этих учений.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ

Для понимания, для осмысливания все усложняющегося и ускоряющегося хода жизни все острее ставился вопрос о научной социальной теории. В течение XVI—XVIII веков, а также первой половины XIX века естественные и так называемые „точные“ науки достигли замечательного расцвета, но науки *об обществе* по существу еще не было. Эту науку впервые создал марксизм. Ее не могли создать не только идеологи добуржуазной эпохи, но и буржуазия.

---

¹ Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, стр. 32, 1939 г.

² Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 179, 1940 г.

Кроме ограниченности исторического материала по сравнению с естествознанием, в области социальной науки больше, чем в какой-либо другой, на пути к объективной истине стояли классовые интересы эксплуататоров. „Домарксовская „социология“ и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса“¹. Основные недостатки прежних исторических теорий заключались в том, что, „во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения...“²

Эту идеалистическую и метафизическую ограниченность не преодолели и великие утописты. Только марксизм „указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса“³.

Во всех же системах утопического социализма, как указывает Ленин, очень заметны следы идеи, нашедшей наиболее полное выражение в „Общественном договоре“ Руссо. Его исходный пункт был тот, что всякий общественный порядок, всякое общественное устройство есть результат сознательного, свободного соглашения, договора между людьми. Эта мысль была в свое время политически прогрессивной: тогда имелось в виду, что абсолютистское государство „божьей милостью“ должно быть заменено „разумным“ государством, якобы основывающимся на договоре (на самом деле буржуазным государством). Выходило так, будто отношения людей и их общественное устройство порождаются из „чистого разума“. И великие утописты строили будущее на этой идеалистической основе. „Новая политическая система Европы должна быть следствием новой философии“,—заявляет Сен-Симон.

Но тем не менее никто из мыслителей до Маркса не поставил с такой остротой, с такой силой и глубиной вопрос

---

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 13.

² Там же.

³ Там же.

о социальной науке, как Сен-Симон и Фурье. Независимо друг от друга каждый из них по-своему ставит именно этот вопрос, и пути разрешения ими этого вопроса часто перекрещиваются, сливаются, потому что их идеи порождены одной и той же эпохой, одними и теми же условиями.

Сен-Симон заявлял: „Я поставил задачей своей жизни выяснить вопрос о социальной организации“. И это не было преувеличением. Он действительно всю жизнь бьется вокруг вопроса о социальной науке, пытается найти то естественно-научное, то историко-философское, то религиозное его разрешение.

Этот же вопрос стоял в центре внимания Фурье, с той только разницей, что Фурье прямо начал с провозглашения своего „открытия“, которое он только варьировал в последующих сочинениях.

Эта проблема имеет для великих утопистов решающее и прямое „практическое“ значение. С их точки зрения, все беды, все несовершенство прошлого и настоящего прямым образом связаны с тем, что люди в социальном устройстве своей жизни не руководствовались подлинной социальной наукой. „Кризис, в котором находится все население Европы,—пишет Сен-Симон,—не имеет иной причины, кроме несвязности общих идей; тотчас же, как только появится теория, соответствующая состоянию просвещения, все войдет в порядок, общее устройство европейских народов восстановится само собой“.

От создания социальной науки как „научной политики“ (Сен-Симон), от открытия „еще неведомой социальной науки“ (Фурье) всецело зависит внезапный переход „от социального хаоса к универсальной гармонии“ (Фурье). Сен-Симон пытается исторически обосновать зависимость социального прогресса и общего благополучия от прогресса научного, наряду с которым он ставит развитие искусств и ремесел, связывая политическое устройство с развитием экономическим. Сен-Симон устанавливает закон трех стадий восходящего развития человеческих знаний—теологической, метафизической и позитивной. Теологическая стадия и господство духовенства находили свое оправдание в низком уровне умственного развития и первых робких шагах точных наук; этому соответствовал и более примитивный хозяйственный и политический военно-феодалный строй. С течением времени в недрах этого

строю возникают глубочайшие изменения—растет значение промышленности и создающих ее классов, падает значение военно-феодальной аристократии, развитие точных наук вытесняет преобладающую роль духовенства, которая переходит к ученым. Подготавливается переход к промышленной системе, провозвестником которой считал себя Сен-Симон. Воинственный тип человечества заменяется научным. „Довольно почестей Александрам!—воскликает в первом своем произведении Сен-Симон.—Да здравствуют Архимеды!“ Но в этом историческом переходе от феодальной системы к промышленной неизбежен был, по Сен-Симону, промежуточный, переходный этап—метафизический. Это—строй, созданный французской революцией. Сен-Симон считал, что в отличие от промышленной системы этот строй с его политической системой парламентаризма лишен всякой научной основы, придуман метафизиками—юристами и философами и политическими мыслителями XVIII века. Эта метафизическая система себя скомпрометировала. „Между работами XVIII-го века и XIX-го разница будет та, что вся литература XVIII-го стремилась дезорганизовать, вся литература XIX-го будет стремиться реорганизовать общество“ (Сен-Симон).

Фурье еще резче ставит вопрос о полной несостоятельности всей предшествующей ему социальной науки, как причине всех зол. „В течение двадцати пяти веков своего существования политические и этические науки,—писал Фурье,—ничего не сделали для счастья человечества; они только обострили людскую ненависть, увеличили нищету и укрепили несправедливость, попрежнему лежащую в основе социального строя“.

Фурье прямо указывает на то, что он создавал свою систему под воздействием многочисленных показателей заблуждения человеческого разума и в особенности зрелища „бедствий, претерпеваемых общественным производством: бедность, безработица, мошенничества, морское пиратство, торговая монополия, принудительное обращение в рабство“ и т. д.

Фурье считал, что наука вообще находится еще, так же как и человечество, в детском возрасте. Неоднократно повторявшиеся им слова Вольтера: „Но какая густая тьма еще окутывает природу“, он поставил эпиграфом к первому своему сочинению—„Теория четырех движений и всеобщих судеб“. В особенности же социальная наука,

социальная политика „находится еще в младенческом состоянии“,—подчеркивал всегда Фурье.

Фурье гораздо резче, чем Сен-Симон, обрушивается на „лженауку“, на „философов ненадежной категории“, „творцов неточных наук“: политиков, моралистов, экономистов—идеологов буржуазии. Даже свое более позднее и сравнительно систематизированное произведение—„Новый промышленный и общественный мир...“ Фурье снабжает эпиграфом: „Слепцы, ведущие слепых“. Так называет он всех предшествующих и современных ему социальных мыслителей.

Обещанное идеологами Французской буржуазной революции царство разума и справедливости оказалось обманом. И это, по мнению Сен-Симона и Фурье, не могло быть иначе, ибо идеологи эти не опирались на научную социальную теорию. Такой науки еще не было.

И Сен-Симон и Фурье, в особенности первый, с настойчивостью, граничившей с фанатизмом и навязчивостью идей, всегда возвращались к этим мыслям о социальной науке, ибо они видели в ней ключ к заветным дверям земного рая, страстно верили в ее организующую и преобразующую силу.

„Эти теоретики,—писал Маркс,—являются лишь утопистами, которые, чтобы помочь нуждам угнетенного класса, придумывают системы и стремятся найти возрождающую науку“¹.

Но они этой науки не создали и создать не могли, ибо в самой жизни не было еще для этого достаточных предпосылок. И именно потому, что они не видят еще в жизни подлинной основной силы преобразования—пролетариата и не могут еще найти материальных условий его освобождения, они „ищут такой социальной науки, таких социальных законов, которые создали бы эти условия“².

Их настойчивые попытки в этом направлении представляют огромный интерес для истории развития науки вообще и истории социальной науки в частности.

И Сен-Симон и Фурье постоянно указывают на тот огромный разрыв, который образовался к XIX веку между естествознанием—науками точными, „положительными“

¹ Маркс и Энгельс, т. V, стр. 377.

² Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, стр. 66, 1939 г.

и наукой о человеке—социальной. Сен-Симон писал: „Мы несомненно значительно превосходим своих предшественников в области положительных и специальных наук; только с пятнадцатого века и особенно с начала последнего столетия мы достигли огромных успехов в математике, физике, химии и физиологии. Но существует наука, гораздо более важная для общества, чем физические и математические знания, наука, складывающая общество, служащая ему основанием; это—мораль...“ И, по Сен-Симону, эта наука—наиболее отсталая, больше того—она совсем еще не позитивная, не положительная наука.

Но Сен-Симон убежден в существовании „единого закона, которому подчинен мир“,—физический и нравственный. Нужно поэтому создать энциклопедию XIX века на манер энциклопедии XVIII века, только приспособленную к новым задачам. „Прогресс человеческого разума достиг того пункта,—пишет Сен-Симон,—когда наиболее важные рассуждения о политике могут и должны быть непосредственно выведены из знаний, приобретенных в области высших физических наук. Сообщить политике позитивный характер—это предмет моего честолюбия“.

В более совершенных науках, начиная с физики неорганизованных тел, Сен-Симон через физиологию стал искать путь к науке о человеке, об обществе—путь, обозначенный им, как „физико-политический“.

„Астрономия, благодаря обобщению идей,—пишет он,—стала физикой неорганизованных тел; медицина, обобщаясь, стала физиологией. Ньютон, великий астроном, великий исследователь неорганизованной материи, изобретатель исчисления бесконечно малых, поднялся к концу XVII века на высоту познания одной общей идеи, или, если угодно, он подметил факт абсолютной общности—факт всемирного тяготения“. Поэтому Сен-Симон исходил из того—и впоследствии развивал эту мысль,—что „возможно построить общую теорию наук, как физических, так и нравственных, основанную на идее тяготения, рассматриваемой как закон, которому бог подчинил вселенную и по которому он ею управляет“¹.

---

¹ Бог занимает еще известное место в мировоззрении и Сен-Симона и Фурье. Они выступают как деисты. Бог установил законы, он предначертатель порядка вселенной; но в дальнейшем жизнь и развитие вселенной всецело подчинены разумной законо-

В период, когда наибольшее развитие получили математика и механика,—сформулированные Ньютоном с поразительной точностью законы и в особенности закон всеобщего тяготения представлялись идеалом, образцом знания для всех наук. Сен-Симон изображает Ньютона как колоссальную фигуру наверху пирамиды, составленной из пяти гигантов—Коперника, Кеплера, Галилея, Гюйгенса и Декарта. Идея тяготения представляется Сен-Симону итогом идей этих пяти великих людей. В особенности в сочинениях первого периода Сен-Симон ищет в идее тяготения основания для своей новой философской теории. Свой первый проект Сен-Симон начинает с предложения открыть подписку перед могилой Ньютона для деятельности избранных его продолжателей, по трое от каждой специальности: математиков, химиков, физиологов, литераторов, художников, музыкантов.

Ньютон действительно был тогда „властителем дум“ всего мыслящего человечества. При отсутствии удовлетворительного объяснения общественных связей людей представлялось чрезвычайно соблазнительным перенести столь замечательно обоснованный Ньютоном закон всемирного тяготения в область других наук, в особенности в область отношений между людьми, и так же математически „точно“ объяснить „социальное тяготение“, как точно объяснено у Ньютона физическое тяготение.

„Ряд, который нужно установить,—писал Сен-Симон,—должен восходить до общей идеи о всемирном тяготении; он должен подняться к этой идее физиологическим путем, т. е. путем рассмотрения организованных тел... Этот ряд

мерности, которой подчиняется и сам бог. Это удержание ньютоновского традиционного представления о боге, который дал „первый толчок“ мирозданию, было у великих утопистов выражением их беспомощности в создании материалистической социальной науки. Сен-Симон даже пытался, как мы дальше увидим, создать для обоснования социальной науки „новое христианство“. Иронизируя над ролью бога в этих новых учениях, Гейне говорит: „Особенно после громадных успехов естествознания чудеса прекращаются... господу богу докучает недоверие, с которым физики следят за его пальцами...“ Бог базирует „истины новых учений исключительно на разуме; оно ведь и всего разумнее. Во всяком случае, сен-симонизм, представляющий собою самоповешшую религию, обошелся без всяких чудес, не считая разве того, что старый счет портного, не оплаченный Сен-Симоном при жизни, был спустя десять лет оплачен его учениками“ (Гейне, Соч., т. VII, стр. 44—45).

должен исходить до рассмотрения текущих интересов человеческого рода, вскрыть причины переживаемых последним бедствий и указать средства избавления от них“.

Фурье в первом своем сочинении—„Теория четырех движений и всеобщих судеб“ прямо начинается с заявления об открытии им теории притяжения страстей, т. е. теории социальной связи людей, по аналогии с законом земного притяжения. „Я продолжал исследования,—пишет он,—о взаимной связи новых наук. Я узнал вскоре, что законы притяжения страстей во всем сходны с законами материального притяжения, открытыми Ньютоном и Лейбницем, и что существует единство в движении мира материального и мира духовного. Я подозревал и ранее, что эта аналогия может простирагься от законов общих к законам частным, что законы притяжения и природные свойства животных, растений и минералов были, быть может, координированы по тому же плану, что и притяжения и свойства человека и небесных светил. Я убедился в этом окончательно после необходимых изысканий“¹.

Фурье заявляет, что, не имея необходимых знаний, чтобы разобрать все науки, он берет на себя только одну—науку о социальном движении, которая должна стать фундаментом величественного здания. „Теория притяжения и отталкивания страстей имеет характер математической теории, она доступна безграничному развитию и совершенствованию...“ Он даже называет свою социальную

---

¹ О своем открытии Фурье рассказывает следующее: „Случай всегда играет огромную роль в гениальных открытиях... В этом я убедился на опыте открытия мною закона притяжения. Толчком к открытию, как и для Ньютона, было яблоко. Это яблоко, достойное стать знаменитым, было куплено мной за 14 су в одном ресторане Парижа. Я приехал туда из местности, где также же или даже лучшие яблоки продавались по 14. су за целую сотню. Эта разница в цене при наличности одинакового климата так поразила меня, что я стал думать о коренных недостатках всей системы торговли, и эти размышления привели в конце концов к открытию теории о разрядах промышленных групп и далее—ко всемирному закону тяготения в той части, которую просмотрел Ньютон...“

Я заметил, что в общем имеются четыре знаменитых яблока: два, приведших к разрушению и отчаянию (Адама и Париса), и два, оказавших важные услуги науке (Ньютоновское яблоко и мое). Не заслужили ли эти четыре яблока особую страиду в истории?“

теорию математической теорией судеб всех стран и их народов.

У Фурье эта „социальная наука“ принимает универсальный космогонический характер—„притяжения страстей“; оно приписывается и планетам, а людские отношения, наклонности и связи математизируются, метафизически подводятся под якобы „точные“, надуманные цифры и т. д.

Натурфилософия Фурье немало подвергалась осмелению. И у Фурье, так же как и у Сен-Симона, не было недостатка в мистицизме и даже подчас в сумасбродстве. Энгельс отмечает, что Фурье пишет иногда тяжелым и малопонятным языком. И это не случайно, ибо „заметно постоянно, как должен был напрягаться автор, чтобы выразить свои мысли, для которых французский язык еще не создал соответствующих слов“¹.

Великие утописты пытались разрешить проблему социальной теории с позиций французского материализма—с точки зрения учения о человеческой природе. Они, таким образом, исходили из атомистических представлений об обществе, как агрегате индивидуумов. Если общество состоит из индивидуумов, то развитие общественного разума является только в большем масштабе воспроизведением разума индивидуального. Механистические представления о социальном тяготении по аналогии с ньютоновским дополнялись попытками использовать достижения физиологии и биологии в XVIII и начале XIX века². Если общество состоит из отдельных индивидуумов, то разгадку социальной связи людей следует искать в природе человека. Отсюда напрашивался вывод о том, что в природе

---

¹ Маркс и Энгельс, т. II, стр. 395.

² Вдохновителями Сен-Симона в этом направлении были замечательные физиологи XVIII века—Бургав, Вик д'Азир, а также один из последних французских материалистов—Кабанис. Сен-Симон с восторгом говорит о Бургаве и Вик д'Азире, справедливо отмечает энциклопедическую широту их взглядов и пытается в своих выводах опереться на их авторитет. Кабанис же в главном своем произведении—„Отношение между физической и моральной природой человека“ ставил задачей философии „усовершенствовать человеческий род“. Средством для этого должна была служить медицина, изучающая организм человека, так как Кабанис считал, что скрытые пружины поведения человека лежат в его организме. Но в учении Кабаниса намечаются уже элементы расцветшего позднее вульгарного материализма.

человека и лежит ключ к построению социальной теории. А так как природу человека изучает физиология, то последняя явилась для Сен-Симона и его учеников основой для социологии или, как они еще говорили, социальной физики. Сен-Симон печатает статью анонимного доктора медицины „О физиологии в применении к улучшению общественных учреждений“, в которой наука об обществе рассматривается, как составная часть общей физиологии.

Аналогии, заимствованные из гипотез механического естествознания, приводили, таким образом, к социально-философскому натурализму.

Из этих попыток Сен-Симона последующие буржуазные социологи и апологеты капитализма—Конт, Спенсер и др.—делали реакционные выводы. Но для Сен-Симона это был исторически оправданный этап в поисках социальной теории. „Сен-симонизм... точно сверкающий метеор, поднял дух всех мыслящих людей...“, но скоро „исчез с социального горизонта“¹,—писал молодой Энгельс.

Из писаний последних лет жизни и деятельности Сен-Симона видно, что выводы социально-философского натурализма не удовлетворили его. Но, не сумев найти подлинно научное, материалистическое объяснение общественных связей, Сен-Симон в самом последнем своем сочинении—„Новое христианство“—пытался свести их к религиозным связям.

Что касается Фурье, то он, можно сказать, до дна исчерпал учение французских материалистов о человеческой природе.

Так же как и у французских материалистов, это учение у Фурье страдало тем метафизическим пороком, что в основе его лежала раз и навсегда данная „естественная природа“—„страсти“ человека. Но человек выступает у Фурье во всей полноте своих потребностей и влечений. Социально-трудовая направленность этих потребностей ставит со всей очевидностью возможность их удовлетворения в зависимости исключительно от правильной организации общества. В таком широко понятом физиологическом смысле, с включением психологии человека как социальной психологии, человек, индивидуум и является у Фурье исходным определяющим фактором всей общественной системы.

У Сен-Симона и Фурье здесь были попытки построить

---

¹ Маркс и Энгельс, т. II, стр. 395.

социальную науку на материалистической основе, по крайней мере из одного материалистического исходного пункта. В соответствии с материализмом того времени они пытались механически свести основы социальной закономерности к закону всемирного тяготения. Пропагандируя идею монизма—единого господствующего в природе и обществе закона,—великие утописты пытались построить новую науку, науку об обществе, на испытанных уже методологических основах естествознания.

В этих попытках построить социальную науку по аналогии с научными выводами более совершенных тогда наук—физики, математики, механики, физиологии—великие утописты не учитывали *специфики общественных закономерностей* и не могли создать научной социальной теории, свободной от идеализма, механицизма и метафизики. Они не могли прийти к пониманию сущности человека, как *совокупности его общественных отношений*.

Но в вопросах, которые ставили великие утописты, и в попытках их разрешения были и рациональные зерна. Сен-Симон и Фурье с огромной настойчивостью выдвигали проблему социальной науки и критиковали беспомощность ее буржуазных идеологов.

Вспомним, что даже виднейшие представители философской мысли исходили тогда в объяснении общественных явлений либо из идеалистической абсолютной идеи, либо из непознаваемости нравственной и общественной природы человека (*Кант*).

„Гениальные, несмотря ни на что, чудачества Фурье“ Энгельс ставит выше не только „сухих, как подошва, так называемых построений сухой немецкой теории“, но и гегелевской абсолютной идеи, „которая с таким трудом протискивается сквозь лабиринт истории, чтобы в конце концов, несмотря на *четыре* мировых государства, соорудить, охая и крихтя, некоторую видимость трихотомии,—не говоря уже о после-гегелевских конструкциях. Ибо, если у Гегеля конструкция еще имеет смысл, хотя и противоположный его утверждениям, то у фабрикантов теорий развития после-гегелевского периода она лишена уже всякого смысла“¹.

В полную противоположность агностическим теориям великие утописты верили в то, что было впоследствии до-

¹ Маркс и Энгельс, т. V, стр. 86.

казано и научно обосновано марксизмом,—что связь и взаимобусловленность явлений общественной жизни, как и в природе, являются не случайными, а представляют собой закономерности развития общества; что изучение этих закономерностей должно стать предметом науки, а не пустого морализирования; что эти закономерности, несмотря на всю сложность их, могут стать такой же точной наукой, как и наиболее совершенные области естествознания.

Утопически и в крайне абстрактной форме Сен-Симон и Фурье ставили вопрос об использовании законов развития общества для практического применения.

Они безуспешно пытались разрешить эти задачи с материалистических, но вместе с тем и с метафизических, механистических позиций естествознания своего времени.

При этом у них встречаются интересные, хотя и наивные догадки о специфике общественной закономерности, связанной с трудовой деятельностью. Так, Сен-Симон выступает против физиологов, которые поместили на органической лестнице обезьяну непосредственно вслед за человеком, между тем как бобра, очевидно, по Сен-Симону, следует поместить в интеллектуальном отношении выше обезьяны. Доказательство этому Сен-Симон видит в смысленности бобра, которая, как это показывают производимые им работы, гораздо выше ума обезьяны. „Работы, доказывающие высшую умственную ступень вида,—говорит Сен-Симон,—суть общественные работы. Бобр выделяется в этом существенном отношении, между тем как обезьяна никогда не поднималась выше поступков, обусловливаемых индивидуальной смысленностью...“ И Фурье также проводит аналогии в деятельности человека с кажущимися ему зачатками общественного труда у бобров, пчел, муравьев.

И Сен-Симон и Фурье, несмотря на низкий уровень фактического состояния социальной науки, подчеркивают ведущую роль, которую она должна занять среди других наук.

В последний период европейских наполеоновских войн Сен-Симон отказывает уже физикам и математикам и всем, изучающим только неорганизованную материю, в праве занимать передовые научные позиции. „Вся Европа истекает кровью, что делаете вы для прекращения этой бойни? Ничего. Мало того. Именно вы совершенствуете средства

разрушения, именно вы руководите их употреблением; во всех армиях вы стоите во главе артиллерии; вы руководите работами, подготовляющими атаки городов! Что делаете вы для восстановления мира? Ничего. Что можете вы сделать? Ничего. Познание человека является единственной наукой, которая могла бы привести к открытию способа согласовать интересы народов, а вы не изучаете этой науки...“

Сен-Симон и Фурье не сумели разрешить поставленной ими с такой остротой проблемы создания социальной науки, науки, которая, по их замыслу, должна была преобразовать мир. Но они отличались огромным превосходством над своими современниками в социальных и политических вопросах. В частности Сен-Симон, несмотря на весь утопизм его системы, очень живо и страстно откликался на злободневные, текущие политические события. Так, в 1814 г., сейчас же после вступления союзников в Париж, и затем во время „Ста дней“ в 1815 г. Сен-Симон требовал союза Франции с ее победителями, как единственной тогда гарантии мира в Европе. Энгельс отмечает в этом факте большое мужество и историческую дальнзоркость Сен-Симона.

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Великие утописты не создали и не могли создать той подлинной социальной науки, „открытие“ которой они считали своим историческим предназначением. Но они высказали ряд гениальных догадок в направлении, подготавливавшем материалистическое понимание истории.

Ленин, разоблачая врага социализма и марксизма Струве и его грубые посылки фальсификации истории общественной науки, определяет подлинное место Сен-Симона, как одного из предшественников научной социальной теории, созданной Марксом. Ленин говорит о том, „каково было приобретение общественной науки, сделанное Сен-Симоном *после* просветителей XVIII века и *до* Маркса...“ Общественную науку „строили, во-первых, экономисты-классики, открывая закон стоимости и основное деление общества на классы... эту науку обогащали далее, в связи с ними, просветители XVIII века борьбой с феодализмом и поповщиной... эту науку двигали вперед, несмотря на

свои реакционные взгляды, историки и философы начала XIX века, разъясняя еще дальше вопрос о классовой борьбе, развивая диалектический метод и применяя или начиная применять его к общественной жизни... марксизм, сделавший ряд громадных шагов вперед именно по этому пути, есть *высшее развитие* всей исторической и экономической и философской науки Европы“¹.

На этой столбовой дороге развития домарксовской мировой науки Сен-Симон и Фурье—выдающиеся представители передовой философской и исторической мысли. Энгельс указывает на гениальную широту взглядов Сен-Симона и ставит его рядом с Гегелем, как самый упиверсальный ум своего времени.

И действительно, Сен-Симон в понимании философии истории и объективного хода исторической закономерности приходит, совершенно независимо от Гегеля, к одинаковым с ним выводам. Он говорит о том, что ни в какую эпоху в прошлом история не шла по пути, разработанному и заранее задуманному гением и принятому массой. „Это невозможно по самой природе вещей, ибо высший закон прогресса человеческого духа все вычтет за собой и надо всем господствует: люди являются для него не чем иным, как орудием. Хотя эта сила проистекает от нас, мы так же бессильны освободиться от ее влияния или подчинить себе ее действие, как изменить по своей воле первоначальный толчок, заставивший нашу планету вращаться вокруг солнца“. От материалистического естествознания осталась у Сен-Симона, как и у Фурье, бесспорная и плодотворная идея о единстве закономерности в природе и обществе, идея о закономерности истории, природы и человека. Однако у него в качестве движущей силы истории выступил прогресс человеческого знания.

Как и Гегель, Сен-Симон стоит здесь всецело на идеалистической точке зрения. Гегелевской абсолютной идее соответствует у Сен-Симона высший закон прогресса человеческого духа. Эта мысль Кондорсе, критически переработанная Сен-Симоном, стала преобладать у него по мере того, как он убеждался в бесплодности прямого применения по аналогии закона всемирного тяготения к человеческой истории.

По работы Сен-Симона и Фурье были особенно плодо-

¹ *Ленин*, т. XVII, стр. 275—276.

твориры в области истории потому, что они отправлялись от обобщения огромного фактического материала.

В понимании истории Сен-Симон, как и Фурье, высоко поднимается над современными ему учеными и мыслителями.

Сен-Симон дает замечательную критику всей предшествующей и современной ему историографии. „Историю называют требником королей; по управлению королей видно, что этот требник ничего не стоит; история, действительно, в научном отношении еще не вышла из детских пеленок. Эта важная отрасль нашего знания пока представляет собой лишь собрание фактов, более или менее точно доказанных. Эти факты не объединены никакой теорией, они еще не связаны в порядке последовательности“. Поэтому история не дает еще „возможности заключать о том, что произойдет в результате того, что уже произошло“... „Ни один историк еще не стал на общую точку зрения; никто не написал еще истории человеческого рода...“

Мировоззрение Сен-Симона проникнуто глубочайшим историзмом и диалектическим пониманием развития. В эпоху, предшествовавшую выступлению Сен-Симона, получили большое распространение метафизические теории прогресса человеческого общества, теории Тюрго, Кондорсе, Гердера и др. Но это были по сути дела исторические теории оправдания прогресса, приведшего к буржуазному обществу. Они примыкали к буржуазно-просветительской литературе с ее блистательными обещаниями о наступлении царства разума, цивилизации, несущей счастье всем, о способности человечества к бесконечному совершенствованию и т. д. и т. п.

Сен-Симон же делает попытку осмыслить исторический прогресс как развитие путем смены периодов. Одни из этих периодов носят устойчивый, организующий характер, другие—неустойчивый, разрушительный. Ученики Сен-Симона впоследствии более четко сформулировали эти мысли в учении об органических и критических периодах. По Сен-Симону, *развитие, таким образом, не есть прямая, восходящая линия.* Оно происходит в противоречиях и ожесточенной борьбе. Органические эпохи удерживаются до тех пор, пока в них удерживаются в единстве и цельности соответствующие друг другу экономические отношения, политические формы и идеологическое руководство.

Устойчивость эпохи определяется соответствием всей общественной системы тому умственному и моральному уровню, которого достигло человечество. Но общество не стоит на месте, оно развивается. Когда данная общественная система перестает удовлетворять потребностям людей, поднявшихся в своем духовном развитии на более высокую ступень, тогда начинается эпоха критическая. Это период бурных противоречий, антагонизмов между личностью и обществом. Но без этих периодов невозможен переход к следующей органической эпохе, представляющей более высокую ступень в отношении предыдущей.

В предшествующей истории, согласно учению Сен-Симона, органический и критический периоды уже дважды сменяли друг друга. Так, в античном мире органическую эпоху составил период расцвета греческой политеистической культуры. Но античные классические философские системы (начиная с Сократа) поколебали наивную веру в богов-олимпийцев. С упадком старых религий распался и прежний общественный строй. Новая органическая эпоха установилась с возникновением христианства, до XV века—это период всего средневековья, характеризующегося единством веры и всего жизненного уклада. Но с XV века, с Лютера и реформации, началась новая критическая эпоха. На первом этапе этой эпохи шло разложение и критика старого, которое сохраняло еще известную силу. Французская буржуазная революция XVIII века явилась кульминационным пунктом этого этапа: она нанесла смертельный удар старому режиму, который основывался на преобладании церкви и феодальной аристократии. Но, по Сен-Симону, Французская революция не дала пока ничего положительного. Критическая эпоха вступила в свою вторую стадию, под которой Сен-Симон подразумевает буржуазный строй. Правда, у Сен-Симона уже намечаются элементы новой, высшей, органической, гармонической—промышленной—эпохи, но в основном господствует еще анархия, кризисы, дезорганизации во всех областях жизни, разнузданность самых низших инстинктов—стремление к личной выгоде в ущерб общественным потребностям. Так приходят Сен-Симон и его ученики к признанию *исторической обреченности нового, капиталистического порядка*. Переход к новому, высшему строю диктуется для Сен-Симона *исторической необходимостью*, а не благим пожеланием. Сен-Симон поэтому считал, что революция

еще не закончена: политическая революция должна иметь социальное продолжение, но уже в мирных формах.

Без прошлого нельзя понять ни настоящего, ни будущего. „Всякий анализ настоящего,—учил Сен-Симон,—взятый изолированно, как бы искусно он ни был сделан, может дать только весьма поверхностные или даже совершенно ложные выводы, так как такой анализ склонен беспрестанно смешивать и принимать один за другой два вида элементов. Эти элементы существуют всегда совместно в политическом организме, но их весьма существенно различать; это пережитки угасающего прошлого и зародыши восходящего будущего“.

Вместе с тем Сен-Симон показывает историческую линию развития и находит объективный исторический смысл в социально-политических формах каждой эпохи. Каждая из этих форм находит оправдание для своего времени.

Углубляясь в сущность исторического процесса, в частности и в особенности истории Франции, Сен-Симон дает блестящий анализ французской государственности, революции и созданного ею парламентаризма. Сен-Симон высказывает *в зародышевой форме мысль о происхождении политических учреждений из экономических основ*. За государственными конституциями и политическими формами он стремится рассмотреть экономическое строение общества—распределение собственности, организацию хозяйства, борьбу классов.

„Мы придаем слишком много значения форме правления,—заявляет Сен-Симон,—нам кажется, что вся политическая жизнь сосредоточивается в ней и разделение властей хорошо установлено—все обстоит как нельзя лучше“.

Сен-Симон ссылается на исторический опыт, свидетельствующий, что политические формы играют лишь второстепенную роль. Он приходит к выводу, что при всем значении, какое имеет „форма правительства и разделение властей... это только форма, а организация собственности есть фундамент, поэтому эта организация служит действительным основанием для социального здания“, и „наиболее важный вопрос, подлежащий решению, касается отыскания такого способа организации собственности, который доставил бы народу наибольшую сумму благосостояния и свободы“.

Для пронизывающего все мировоззрение Сен-Симона принципа историзма нет „вечных“, неизменных общественных институтов и учреждений. И право собственности, и политические формы, и даже религия имеют лишь относительное историческое значение. Они хороши или плохи не сами по себе, не абсолютно, а поскольку находятся в соответствии с определенными историческими условиями. Институт собственности—не закон природы, он подлежит изменению сообразно с изменяющимися историческими условиями.

Чтобы оценить значение этих идей Сен-Симона, надо вспомнить, что сравнительно незадолго до этого „Декларация прав человека и гражданина“ провозгласила право собственности, наряду с „свободой, равенством и братством“, священным и неприкосновенным, естественным правом человека.

Рассматривая исторический процесс развития Франции, Сен-Симон наряду с идеологическим фактором выдвигает объяснение этого развития экономическими причинами и классовой борьбой.

Сен-Симон заявляет, что политика есть наука о производстве, так как производство есть цель всякого общественного союза. Поэтому во главе общества всегда стояли и будут стоять люди, руководящие производством. Вполне закономерно поэтому, что до XV века светская власть находилась в руках дворянства, так как последнее руководило земледельческими работами, которые были тогда единственной важной отраслью промышленной деятельности. Затем постепенно из крестьян (побежденных франками галлов) выделились городские ремесленники, которые разбогатели и образовали зачатки промышленного класса. Борьба нового, выросшего, организовавшегося и окрепшего класса с феодальной аристократией составляет содержание последующей истории Франции. Так Сен-Симон указал на классовый антагонизм, как на движущий фактор истории. Борьба промышленности с землевладением, капитализма с феодализмом есть основной, по Сен-Симону, мотив, обусловивший наступление Французской революции. Революция—высшая точка этой борьбы.

Уже в первом своем сочинении—„Письма женеважителя к своим современникам“, вышедшем в 1802 г., Сен-Симон делит человечество на три класса: 1) ученые

и художники и все люди с либеральными идеями; 2) противники нового, т. е. собственники, поскольку они не примыкают к первому классу; 3) остальное человечество, присоединяющееся к лозунгу равенства. В этом же сочинении Сен-Симон устанавливает классовый характер Французской революции и указывает, между какими классами велась борьба и за что она велась. Энгельс говорит: „Понять, что французская революция была классовой борьбой, и не только между дворянством и буржуазией, но также между дворянством, буржуазией и *неимущими классами*—это в 1802 году было в высшей степени гениальным открытием“¹.

И, на самом деле, со времени Французской буржуазной революции 1789—1794 гг. „европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории“ (Ленин)².

Сен-Симон—*вдохновитель и подлинный родоначальник этой плеяды историков*. Огюстен Тьерри, по выражению Маркса, „отец „классовой борьбы“ во французской историографии“³, был ближайшим учеником, целиком усвоившим идеи Сен-Симона. Он даже официально в печати присвоил себе название приемного сына Сен-Симона.

Сен-симонисты в „Изложении учения Сен-Симона“ с большей четкостью формулировали основные положения своего учителя о классах и классовой борьбе: „До сих пор человек эксплуатировал человека. Господа—рабы; патриции—плебеи; сеньеры—крепостные; собственники—арендаторы; бездельники—трудящиеся,—вот история человечества до наших дней“. Здесь мы видим предвосхищение той формулировки, которая нашла свое классическое выражение в начале первой главы „Манифеста Коммунистической партии“.

Сен-Симон сумел так глубоко понять смысл всей предшествующей истории потому, что история Франции, материалом которой он больше всего пользовался, действи-

¹ Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 182, 1940 г.

² Там же, стр. 22.

³ Маркс и Энгельс, т. XXII, стр. 48.

тельно наиболее ярко вскрывала подлинную ее подоплеку—борьбу классов.

Но в современной Сен-Симону Франции, в особенности непосредственно после революции, когда великий утопист впервые выступил, классовые противоречия только что политически победившего капитализма были еще не развиты. Это нашло свое отражение в неправильном понимании Сен-Симоном расстановки классов и сущности классовой борьбы после революции. „Революция была победой третьего сословия, т. е. занятого в производстве и торговле большинства нации, над привилегированными до того времени, *праздными* сословиями—дворянством и духовенством. Но вскоре обнаружилось, что победа третьего сословия есть только победа маленькой части этого сословия; эта победа свелась к завоеванию политической власти социально-привилегированным слоем третьего сословия—имущей буржуазией“¹, которая большей частью стремилась тогда путем спекуляций и легкой наживы только обеспечить себя рентой и перейти в „праздные“. „Таким образом, в голове Сен-Симона противоположность между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противоположности между „рабочими“ и „праздными“².

Замечательную по яркости и наглядности и вместе с тем глубоко саркастическую характеристику „праздных“ и полезных с точки зрения Сен-Симона дал великий утопист в своей знаменитой „Параболе“.

„Предположите,—начинает Сен-Симон свою „Параболу“,—что Франция внезапно потеряет 50 первых физиков, 50 первых химиков, 50 первых поэтов, 50 первых художников и т. д. и т. д. (Сен-Симон подробно перечисляет представителей науки, искусств и ремесел, а также фабрикантов и т. д.—Б. С.). Это люди, наиболее производительные во Франции. Они производят самые важные продукты, направляют самую полезную работу для нации... представляют воистину цвет французского общества... Когда нация их потеряет, она станет телом без души, она немедленно станет слабее тех наций, с которыми сейчас соперничает... ей понадобится, по крайней мере, целое поколение, чтобы вознаградить свою потерю... Перейдем к

¹ Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 180--181.

² Там же, стр. 181.

другому предположению. Допустим, что Франция сохранит всех гениальных людей, которых она имеет в науке, искусствах, ремеслах, но что она имеет несчастье потерять королевского брата, герцога Ангулемского, герцога Беррийского и т. д., что она теряет в то же время всех главных сановников, министров... маршалов... архиепископов... префектов... судей... десять тысяч наиболее богатых собственников... Конечно, подобное несчастье опечалило бы французов, потому что они добры; они не могли бы отнестись равнодушно к внезапному исчезновению такого огромного количества соотечественников. Но потеря 30 тысяч лиц, почитаемых самыми важными во всем королевстве, причинила бы им огорчение только в силу их чувствительности, потому что политического зла из этой гибели не вышло бы никакого. Прежде всего потому, что все вакантные места было бы легко заполнить: очень многие французы отлично бы выполняли функцию брата короля, принцев, герцогов и пр... Ибо все эти люди не работают непосредственно для прогресса науки, искусств, ремесл... они, наоборот, только вредят, потому что лишают ученых, артистов и ремесленников тех высоких степеней, которые им принадлежат по праву... вредят, потому что употребляют их денежные средства без всякой пользы для наук, искусств и т. д. и т. д.¹

Вся история вообще, а революция в особенности, окончательно подтвердила полную неспособность „праздных“ к умственному и политическому руководству нацией. Что касается „голодных“, т. е. рабочих, то и они, по мнению Сен-Симона, показали эту неспособность в эпоху террора. И Сен-Симон в соответствии со всей своей системой выдвигает класс „индустриалов“, обнимающий всех членов общества, причастных к промышленности в широком смысле,—не только наемных рабочих и мелких крестьян, но и фабрикантов, банкиров, купцов. К промышленным капиталистам он даже по преимуществу и обращается. Все они, по Сен-Симону, объединены общими интересами производства. Им противостоят „праздные“. „Такой взгляд,—пишет Энгельс,—вполне соответствовал той эпохе, когда во Франции крупная промышленность, а вместе с ней и противоположность между буржуазией и пролетариатом находились еще только в процессе возникновения“¹.

¹ Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 181, 1940 г.

Дальнейшее развитие классовой борьбы находило свое отражение и в идеологической эволюции чуткого ко всему новому Сен-Симона. Он все больше обращает внимание на положение „самого многочисленного и самого бедного класса“¹. В последнем, предсмертном сочинении („Новое христианство“) Сен-Симон говорит уже о том, что задачей всей своей деятельности он ставит улучшение физического и нравственного существования наиболее многочисленного класса. Но так как он не видит еще в самом пролетариате основной силы для разрешения этой задачи—он обращается к... новому христианству.

Сен-Симон и здесь пытается подойти к христианству исторически. Он отбрасывает все извращения его духовенством на протяжении 18 веков, беспощадно разоблачает католицизм и иезуитов, лютеранство, все исторические формы этой религии. Но, по его словам, его привлекает одна, самая высокая заповедь, которая была провозглашена у истоков этой религии: „Все люди должны быть братьями“. На протяжении 18 веков эту заповедь всячески пытались стереть со скрижалей. Сен-Симон считал себя призванным впервые ее осуществить, но осуществить только мирным путем, и обращался даже за содействием к Священному союзу—этому самому мракобесному оплоту европейской реакции первой половины XIX века.

Сен-Симон (а вслед за ним и его школа) пытался и в истории найти оправдание своему взгляду на мирный исход современной ему классовой борьбы. Он обращает внимание на то, что хотя на протяжении всей предшествующей истории классового общества эксплуатация всегда остается, но формы ее меняются. Рабство появилось тогда, когда побежденных, вместо того чтобы их уничтожить, заставляли работать. Это был в свое время шаг вперед. На смену рабству пришло крепостное право—тоже эксплуатация, но уже более смягченная. Что касается положения рабочих в капиталистическом обществе, то у Сен-Симона, как мы видели, стирались грани в отношениях между пролетариатом и промышленными капиталистами. Сен-симонисты уже яснее представляли себе классовую дифференциацию буржуазного общества и пытались объяснить, что „если эксплуатация человека человеком не имеет больше

---

¹ *Карл Маркс*, Избранные произведения, т. I, стр. 181, 1940 г.

того грубого характера, какой она носила в древности, если она является теперь нам только в смягченных формах, то она не перестает еще быть от этого менее действительной“. Однако и Сен-Симон и сен-симонисты считали, что „эксплуатация человека человеком теперь значительно ослабела и не требуется больше разбивать цепи раба“. Если они и говорили о революции, то имели в виду ее мирный экономический характер.

Это отношение Сен-Симона к классовой борьбе пролетариата не могло пройти безнаказанным для судьбы его идей, его школы. Маркс указывает на то, что последняя „как при своем появлении, так и во время своего упадка обольщала себя мечтой о том, что все классовые противоречия должны исчезнуть и смениться всеобщим благосостоянием, благодаря новоизобретенному плану общественного кредита“¹. Не случайно некоторые из поклонников и учеников Сен-Симона, как, например, братья Перейра, стали впоследствии виднейшими биржевыми дельцами и „инициаторами бонапартистского социализма... Доктрины, как и книги,— писал по этому поводу Маркс,—тоже имеют свою собственную судьбу. Сен-Симон в качестве ангела-хранителя парижской биржи, пророка мошенников, мессии всеобщего взяточничества и подкупности! Более жестокой иронии история не знает...“²

Сен-Симон, который сумел так зорко разглядеть классовую борьбу и ее значение в *прошлом*, не смог правильно понять *нарождающейся* современной ему классовой борьбы и сделать из нее необходимых выводов именно потому, что она еще только нарождалась.

Эту историческую ограниченность, как мы увидим, разделял с Сен-Симоном его великий современник—Фурье.

* * *

Фурье одновременно с Сен-Симоном, но совершенно независимо от него, по-своему, поставил проблему исторической закономерности. Он пытается и этот вопрос разработать в деталях со свойственной ему оригинальностью и гениальностью. Энгельс говорит, что „ярче всего проявилось величие Фурье в его воззрении на историю общества“.

¹ Маркс и Энгельс, т. XI, ч. I, стр. 26—27.

² Там же, стр. 27.

Историческая закономерность является у Фурье философско-исторической основой его системы.

В этом своем взгляде Фурье исходит из универсального космогонического принципа развития, лежащего в основе всего мироздания. В социальном мире Фурье видит важнейшую форму этого универсального движения.

В понимании идеи развития в применении к человеческому обществу Фурье стоит на уровне высших достижений диалектической мысли своего времени. „Подобно тому, как Кант ввел в естествознание идею о будущей гибели земли, Фурье в свое понимание истории включил мысль о будущей гибели человечества“ (Энгельс).

Историю человеческого общества Фурье рассматривает в развитии от детства к дряхлости. В своем социальном движении человечество должно пережить 36 периодов, которые делятся на 4 стадии. Современное человечество находится еще только в своей первой фазе—в детстве.

Фурье более подробно рассматривает эту первую стадию и дает следующую схему периодов в ней:

периоды, предшествовавшие производству (industrie):	{	Хаотический, без человека.	
		1. Первобытный, называемый Эдемом. 2. Дикость или инертность.	
производство раздробленное, лживое, отталкивающее:	{	3. Патриархат, мелкая индустрия. 4. Варварство, средняя индустрия. 5. Цивилизация, крупная индустрия.	
производство общественное, истинное, притягательное:		{	6. Гарантизм, полуассоциация. 7. Социантизм, простая ассоциация. 8. Гармонизм, сложная ассоциация.

Таким образом, Фурье характеризовал фазы исторического человечества состоянием организации производства.

„Я не упоминаю,—говорит Фурье,—о периоде 9-ом и последующих, ибо в настоящее время мы не можем еще подняться выше 8-го периода, и то неизмеримо более счастливого, чем четыре существующих периода. Он распространится быстро и самопроизвольно среди человечества в силу одного только удовольствия и, главное, притягательности индустрии,—механизм, который совершенно игнорируется нашими моралистами и политиками“.

В развитии человечества, как в пройденных этапах, так и в предстоящих, Фурье предполагает некий свыше намеченный план. Но „бог, даровав нам свободную волю, не может помешать тому, чтобы общество не сошло с правильного пути развития благодаря неточным наукам и распространяемым последними предрассудкам против природы и притяжения“. Это относится в особенности к детству человечества, т. е. по существу ко всей до сих пор известной нам истории человечества. Вот уже пять или шесть тысяч лет мы находимся в состоянии „крайнего несчастья“. Это потому, подчеркивает Фурье, что история человечества протекала до сих пор стихийно: „социальный прогресс или упадок происходил исключительно под влиянием естественных импульсов, действию которых неточные науки не оказывали никакой помощи“. И до тех пор, пока „разум не восстанет против лжеучений, не нужно удивляться, если период беспорядка продолжится сверх положенного ему предела“.

Таков идеалистический отправной пункт взглядов Фурье на историю. Беда человечества состоит, таким образом, в том, что оно до сих пор не руководилось разумом. Разного рода философы, которые выдавали себя за представителей разума,—только „слепцы, ведущие слепых“.

Но когда Фурье переходит к выяснению того, как же человечество развивалось „под влиянием естественных импульсов“, он высказывает ряд гениальных догадок, предвосхищавших подлинно научное мировоззрение. Однако у Фурье нелегко бывает выяснить рациональные зерна его мысли вследствие крайней причудливости терминологии и пристрастия к самым разнообразным историческим схемам.

Каждый из указанных в схеме Фурье периодов, как и каждая социальная стадия в целом, служит подготовкой для перехода к более высокой, более совершенной стадии развития.

По Фурье, так же как и Сен-Симон, поднимается над господствовавшей тогда метафизической концепцией о бесконечной, якобы прямолинейной способности человеческого общества к совершенствованию. Маркс указывает, что излюбленное буржуазное слово „прогресс“ Фурье объявил „неудовлетворительной абстрактной фразой“¹. Развитие, по Фурье, совершается в борьбе нового со старым. „Всякое общество,—писал Фурье,—несет в себе семена будущего общества. Оно переживает кризис, когда достигает полноты своего развития“. Этот взгляд Фурье развивает дальше по отношению к будущему всего человечества. Фурье „так же мастерски владеет диалектикой, как и его современник Гегель“²,—указывает Энгельс.

Опираясь на историю, Фурье пытается вскрыть внутренние, самому обществу присущие силы развития.

Первоначальное *естественное состояние*—рай на земле („Эдем“), о котором у всех народов сохранились предания, как об утраченном „золотом веке“. Здесь нет еще земельной собственности, люди, получающие от природы в изобилии ее плоды, дичь, рыбу, живут в мире и согласии, сообща, группами.

По с течением времени вследствие роста населения и „отсутствия индустрии“ появляется недостаток в продуктах питания. Исчезает согласие, единство, первобытная община распадается, появляются раздоры, грабежи, нападения. Только семейная связь, обусловленная необходимостью продолжения человеческого рода, составляет с этого времени единственную основу человеческого общества.

Начинается стадия *дикого состояния*. Погоня за средствами существования вызывает постоянные войны. Семьи объединяются в племена. В производстве, наряду с рыбной ловлей, охотой, видное место занимает изготовление оружия. Но частной собственности еще нет. И люди все еще свободно удовлетворяют свои потребности, пользуясь „естественными правами“: свободой охоты, свободой ловли рыбы, свободой собирания плодов и свободой пастьбы скота. Говоря об этом, Фурье вспоминает, что современная цивилизация лишила трудящихся этих естественных прав дикарей, но не дала взамен самого необходимого эквивалента—права на труд.

¹ Маркс и Энгельс, т. III, стр. 108.

² Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 183, 1940 г.

Фурье указывает на противоречия строя дикого состояния людей, живущих ордами. Они не могут заняться „индустриальной“ деятельностью. А это создает застойность, не дает им возможности подняться на более высокую ступень, всесторонне развиваться и в то же время делает их благосостояние непрочным, подвергает опасностям голода, болезней, непрерывных военных столкновений с соседними племенами.

Другим противоречием этого строя, на которое указывает Фурье, является то, что женщины „не приняты во внимание“. Они занимают все более подчиненное положение и на последующих стадиях обращаются в рабство. Этому вопросу, как мы увидим, Фурье придает огромное значение.

С переходом к *патриархату* связано возникновение мелкой индустрии. Эту мысль Фурье детально разовьет его ученик Консидеран. Выясняется, что причиной перехода от одного периода к другому (от дикого состояния к патриархату и варварству) послужило изобретение инструментов. „Изобретение плуга было достаточно, чтобы оставить кочевую жизнь и перейти к оседло-земледельческой“.

Так как охота перестает давать достаточно средств к жизни, возникает земледелие, а вместе с тем и частная собственность на землю. Увеличивается производство материальных благ. Но это осуществляется ценой прикрепления человека к земле, ценой все возрастающего господства насилия. Фурье безжалостно разрушает библейские идиллические представления о патриархальном строе, который „известен нам столь же мало, как и первобытный. Авраам и Иаков в том виде, как нам их рисуют,—люди отнюдь не „добродетельные“; это „тираны“, полные злобы и несправедливости, содержащие гаремы и рабов, согласно обычаю варваров. Эти паши и тираны своего маленького мирка предавались всякого рода распутству... И однако философия хочет вернуть нас к патриархальным правам... Этот строй ведет лишь к варварству...“

Каждый социальный период, в том числе варварство и цивилизация, имеет, по Фурье, также четыре возраста—детство, рост, упадок и дряхлость. Для кульминационного периода развития Фурье вводит еще название „апогея“, или наибольшей полноты его.

Фурье приводит пример того, как сам упадок того или

иною отживающего строя связан с прогрессивным развитием общества в целом. Дикари Сандвичевых островов и Огю, воспринявшие некоторые отрасли сельскохозяйственной и мануфактурной промышленности, без сомнения, улучшили свой социальный порядок, но в то же время удалились от дикости в ёе чистом виде, ибо одной из особенностей этого дикого состояния является отращение к земледелию. Такой причиной распада дикого общественного строя населения этих островов был сам социальный прогресс.

Фурье высказывал очень глубокую мысль, что „чрезвычайно редко встречается—вернее, совсем не встречается—чистое общество, свободное от искажений, не позаимствовавшее ни одной черты, характерной для предшествующих ему или следующих за ним периодов“. И между различными социальными периодами существуют смешанные или промежуточные общества.

Но в каждом периоде Фурье все же пытается отметить черты, которые образуют „основную ось, стержень всего механизма, присутствием или отсутствием которых обуславливается изменение периода. Черты эти всегда находятся в связи с любовью“. Фурье устанавливает, что „социальный прогресс и смена периодов происходят на почве прогрессивного раскрепощения женщины, а регресс и упадок социального строя—на почве закрепощения женщины... Конечно,—добавляет Фурье,—другие факторы также влияют на эти политические перемены, но ни один из них не влияет так быстро на социальный прогресс или упадок, как судьба женщины“. Это очень глубокая мысль Фурье. Ведь речь идет о половине человеческого рода, играющей не только огромную роль в производстве, но и решающую роль в быту и в особенности в воспитании молодого поколения.

Маркс приводит в „Святом семействе“ слова Фурье: „Степень эмансипации женщины есть мерило общей эмансипации“. Ленин в своем конспекте „Святого семейства“ выписывает эти слова и характеризует высказывания Фурье о положении женщины, как „очень рельефные“¹.

Энгельс указывает на то, как гениально предвосхитил Фурье Моргана в ряде вопросов: у Фурье мы находим зародыши материалистического, научного объяснения пред-

¹ Ленин, Философские тетради, стр. 51, 1938 г.

истории человеческого общества, предвосхищение научного обоснования периодизации—дикости, варварства, цивилизации—на основе ряда признаков, относящихся к технике и хозяйству.

У Фурье очень рельефно очерчена роль материального производственного фактора в социальном развитии. Уже в самой схеме истории человечества Фурье показывает направление общего развития, которое определяется развитием производства. От первых двух периодов, „предшествовавших индустрии“, через три периода раздробленного, антагонистического производства (охватывающего последовательно мелкую, среднюю и крупную индустрию) человечество приходит к последующим периодам высшей формы производства—общественно-гармонической.

В этом последовательном развитии материального производства Фурье видит историческое оправдание тех испытаний, через которые должно было неизбежно пройти человечество в „несчастливый период“ своего детства.

Если бы, говорит Фурье, зарождение промышленности в первобытном обществе было возможным, человеческий род был бы избавлен от участи пяти периодов несчастья, и он поднялся бы непосредственно от первобытного гармонического периода к высшему.

Но первобытный рай („Эдем“), дикое состояние и патриархат не создают почвы для крупной сельскохозяйственной и мануфактурной промышленности, которая зарождается лишь в четвертом периоде—варварстве. В пятом периоде—цивилизации—создаются науки и искусства, и с тех пор имеется все необходимое для организации высшего строя и „достижения роскоши существования“. В другом месте Фурье говорит еще более определенно, что „периоды: дикий, патриархальный, варварский и цивилизации—только ступени, тернии на пути к достижению социального порядка, который является истинным предназначением человека“.

Современный этап—„цивилизация“, которым Фурье обозначает капитализм, не только исторически преходящий строй. Он является „апогеем“ всех предшествующих фаз „разобщенности, или социального разлада“, которые „заключают в себе времена несчастья“.

В своей характеристике противоречий „цивилизации“ Фурье поднимается до самых вершин домарксовской диалектической мысли.

Это в особенности проявилось в том, как Фурье увидел и показал порочный круг непреодолимых и постоянно возобновляющихся противоречий, в которых движется буржуазное общество („цивилизация“). Он блестяще показал объективную закономерность того, как в этом „мире навыворот“ всегда достигаются результаты, противоположные тем, к которым „цивилизация“ искренно или притворно стремится. Фурье выразил это, как говорит Энгельс, в блестящем и глубоко диалектическом афоризме: „В цивилизации бедность порождается самим избытком“¹. Фурье неоднократно указывает, и в частности на примерах из жизни наиболее передовой страны—Англии, на тот парадоксальный факт, что чем развитее в промышленном отношении страна, тем шире и глубже нужда и нищета ее трудящихся масс.

У Фурье имеется даже предвосхищение понимания подлинных противоречий капитализма, понимания того, что эти противоречия ведут вперед. Правда, выражено это в смутной, туманной форме. „Прошло всего лишь одно столетие,—говорит Фурье,—с тех пор, как мы вступили в 3-ью фазу цивилизации, но за этот короткий период времени фаза протекла чрезвычайно быстро, благодаря колоссальному прогрессу индустрии; так что теперь 3-ья фаза уже достигла своего естественного предела. У нас слишком много материалов для столь слабо развитого уровня развития, и эти материалы, не находя для себя естественного применения, перегружают социальный механизм и служат причиной его педомогания. Отсюда и возникает брожение, подтачивающее весь механизм; появляются вредные признаки, симптомы усталости, происходящие в результате несоответствия между средствами промышленности и той, более низкой, ступенью развития, к которой они применяются. Для нашей отсталой третьей фазы промышленность слишком сильно развита; для нее требуется хотя бы 4-я фаза; отсюда и рождаются все излишества и упадок“.

Фурье пошел гораздо дальше Сен-Симона в характеристике и оценке непримиримости и антагонистичности противоречий капитализма, он глубже проник в тайну нарождающегося буржуазного строя. Фурье, как мы по-

¹ Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 183, 1940 г.

стараясь показать, дал блестящее описание этих противоречий и порядков.

И все же Фурье, так же как и Сен-Симон, не сумел разъяснить сущность основных противоречий, сущность наемного рабства при капитализме. Фурье, как указывает Энгельс, открыл уже тот порочный круг, который описывает в своем безвыходном движении капиталистическое производство. „По во времена Фурье еще невозможно было видеть, что этот круг постепенно суживается, что движение производства идет по спирали и, подобно движению планет, должно закончиться столкновением с центром“¹.

Фурье, так же как и Сен-Симон, не мог выйти за пределы своего времени и тех условий, в которых он наблюдал складывавшийся тогда во Франции буржуазный строй. Фурье усмотрел главное зло в торговле. Эта сторона, действительно более резко бросающаяся тогда в глаза, заглохла собой для Фурье еще только нарождавшиеся противоречия промышленного развития. „А между тем лишь крупная промышленность развивает... конфликты, делающие принудительной необходимостью переворот в способе производства, устранение его капиталистического характера,—конфликты не только между созданными этой крушой промышленностью классами, но и между порожденными ею производительными силами и формами обмена“².

Фурье еще не мог понять исторического смысла зарождающейся классовой борьбы при капитализме, увидеть в пролетариате самостоятельную общественную силу, выявить ее всемирно-историческую роль. Самое понятие пролетариата еще не выделено у великих утопистов из общего представления о „трудящемся классе“.

Великие утописты, а вслед за ними почти все последующие утопические системы решительно отвергают классовую борьбу. Установления общественной гармонии они ищут на путях примирения классов, а не борьбы классов. В борьбе, в революциях они видели общественное бедствие, угрожающее уже созданным производительным силам.

До детской наивности доходил у великих утопистов пред-

---

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 224, 1938 г.

² Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 179—180, 1940 г.

ставления о том, будто в современном классовом обществе люди борются потому, что до сих пор ни богатые, ни бедные не знали проектов всеисцеляющих средств, предлагаемых Сен-Симоном, Фурье или Оуэном, что стоит только провозгласить их „изобретения“ и „открытия“, как все, и богатые в том числе, поймут выгоду для них нового строя, а капиталисты откажутся от своей эксплуататорской сущности. Великие утописты апеллировали даже главным образом к сильным мира сего—к королям и самым богатым людям, от власти и могущества которых зависело, как им казалось, осуществление их проектов. Фурье пазначал даже специальные часы приема и в ожидании „спасителя“ общества в течение многих лет всегда торопился домой к назначенному часу. Вряд ли пужно добавлять, что Фурье так и не дождался ни одного посетителя, хотя надежда никогда не покидала великого утописта.

Сен-симонисты пытались логически обосновать свою утопию тем, что люди, которые умели подчиняться приказам, когда их вели во имя неизвестных целей па войну, должны проявить гораздо больший энтузиазм, когда их „призывают объединить свои силы не для целей убийства, а для целей жизни“.

У Сен-Симона и у Фурье выводы о примирении классовых интересов вытекали из столь характерного для них отрицательного взгляда на политику и роль политической деятельности, который они вынесли из опыта Французской революции и подготавливавшей ее идеологии XVIII века. Великие утописты—наиболее яркие в то время выразители разочарования в социальных результатах политической буржуазной революции. „Чутье подсказывало,—говорит Энгельс,—что оставлять вопросы на чисто юридической, „правовой почве“ отнюдь не значит устранить бедствия, созданные буржуазно-капиталистическим и особенно современным крупнопромышленным способом производства, и побудило уже наиболее крупных представителей ранних социалистов—Сен-Симона, Фурье и Оуэпа—совершенно оставить юридическо-политическую почву...“¹

Из правильно понятой необходимости—перенести центр тяжести всех жгучих вопросов в область социальных перенен—великие утописты сделали неправильный вывод о бесплодности и даже вреде политической борьбы.

---

¹ Маркс и Энгельс, т. XVI, ч. I, стр. 297.

КРИТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ФРАНЦУЗСКОГО УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Ни одна страна в начале XIX века не дала такого богатства и разнообразия материала для критики вновь возникшего буржуазного общества, как Франция.

Франция в течение всего XVIII века—„образец мануфактуры в собственном смысле слова...“¹ Бурный поток революции конца XVIII века смыл все средневековые феодальные и абсолютистские плотины, сдерживавшие развитие капитализма.

Непосредственно из Французской революции вышла буржуазия „нуворишей“, развившаяся, с одной стороны, на спекуляции конфискованной и затем проданной земельной собственности дворянства и церкви, с другой—посредством надувательства нации на военных поставках.

Но *крупная* промышленность, возникшая в Англии вместе с промышленным переворотом XVIII века, была еще во Франции мало известной.

Одним из важнейших результатов революции была свобода торгово-промышленной деятельности; на этой основе политика Наполеона стимулировала промышленное развитие Франции.

Однако в течение первых десятилетий XIX века промышленный капитализм хотя и неуклонно растет, но еще не является преобладающим. Замедленному темпу его развития способствовали тяжелые для Франции результаты многолетних наполеоновских войн. Долго преобладают еще мелкобуржуазные формы хозяйства. Франция продолжает оставаться по преимуществу страной аграрной. Период реставрации оживил призраки старого феодального мира.

Бешено развивалась спекуляция—земельная, биржевая, кредитная, банковская. На поверхность тогдашней французской жизни всплыл капитал ростовщический, торговый, спекулятивный в его наиболее паразитических, хищнических и разрушительных формах. Ложась всей своей тяжестью на эксплуатируемые трудящиеся массы, он пронизывает собой все поры жизни буржуазного общества.

Неудивительно, что в мировой социально-экономической и художественной литературе этого периода выдвигается французская критика буржуазного общества. Она „пока-

---

¹ Маркс и Энгельс, т. XVII, стр. 420.

зала противоречия и уродство современной жизни не только во взаимоотношениях отдельных классов, но и во всех областях и формах современного общества, причем сделала это в ярких и живых образах с чутьем жизни, с шпротой кругозора и с смелой оригинальностью... Достаточно, например, сравнить критические заметки Оуэна и Фурье, поскольку они касаются живых отношений, чтобы получить представление о превосходстве французов. И не только специально у „социалистических“ писателей Франции надо искать критического изображения состояния общества; мы найдем его у писателей из всякой области литературы, в особенности литературы романов и мемуаров“¹.

Младший современник Сеп-Симона и Фурье, гениальный художник Бальзак уже после них создал свою „Человеческую комедию“—огромную пеструю галерею звериных образов капитализма. С беспощадным реализмом выведены им кровопийцы и ростовщики, банкиры-мошенники, хитрые спекулянты, торговцы-фальсификаторы, злостные банкроты, обманщики, возведшие надувательство в торговую систему. Каждому из них люди так называемых свободных профессий готовы за лучшую цену продать свой талант и образование.

Сеп-Симон и в особенности Фурье уже до Бальзака дали яркую публицистическую критику сложившегося после революции буржуазного общества. Они обрушивались на основы этого строя, и их симпатии всегда были на стороне наиболее страдающих от него обездоленных трудящихся масс. Современное общество, по словам Сеп-Симона, „являет собой воистину картину мира, перевернутого вверх ногами... менее обеспеченные ежедневно лишают себя части необходимых им средств для того, чтобы увеличить излишек крупных собственников... величайшие преступники, всеобщие воры, грабящие ежегодно у совокупности граждан триста или четыреста миллионов в год, выжимающие из них соки, облечены властью наказывать мелкие преступления против общества, ибо невежество, суеверие, леность и страсть к разорительным удовольствиям составляют удел главарей общества, а способные, экономные и трудолюбивые люди употребляются лишь в качестве орудий и подчинены им“.

---

¹ Маркс и Энгельс, т. III, стр. 673.

Сен-Симон приходит к безотрадному выводу, „что социальная организация мало усовершенствована, что люди допускают управлять собою насилию и хитрости, что человеческий род в политическом отношении еще находится в безнравственном состоянии“.

Наиболее передовые и одаренные ученики Сен-Симона, в частности Базар, пытались систематизировать его учение и дали более отчетливые и законченные формулировки по основным теоретическим вопросам его учения. Это было связано с тем, что они выступали в более поздний и более острый период классовой борьбы.

Маркс указывает, что сен-симонизм от смерти Сен-Симона до июльской революции составляет важнейшую эпоху в теоретическом развитии этого учения. Важнейшая его часть—критика существующего строя. „Globe“—журнал сен-симонистов—содержит подробнейшую и серьезнейшую критику существующего строя, особенно его экономических отношений.

Сен-симонисты развивают основные мысли своего учителя о господствующей в буржуазном обществе анархии и неорганизованности производства. „Каждый промышленник, лишенный руководителя, без всякого компаса, кроме *личных* наблюдений... всячески старается осведомиться о нуждах потребления. Стоит появиться слуху, что та или иная отрасль производства представляет блестящие шансы, и все усилия, все капиталы устремляются к ней; каждый бросается вслепую, не давая себе труда подумать о соблюдении надлежащей меры, о необходимых границах. Экономисты рукоплещут при виде такого многолюдного состязания, ибо по большому числу борцов они заключают, что принцип *конкуренции* будет широко применен. Увы! что получается в результате этой смертельной борьбы? Несколько счастливых торжествуют, но ценою полного разорения бесчисленных жертв. Неизбежным последствием этого чрезмерного производства в известных направлениях, этих бессвязных усилий является беспрестанное нарушение равновесия между производством и потреблением. Отсюда бесчисленные катастрофы, торговые кризисы... Люди становятся *ловкими, хитрыми* и осмеливаются даже хвастать этими качествами“.

На каждом шагу личные интересы приходят в столкновение с общественными. Так, рабочий не может не видеть

во вновь изобретенной машине своего врага, хотя она предназначена к тому, чтобы служить обществу.

„В промышленности, как и в науке, мы находим только разрозненные усилия; единственное чувство, господствующее над всеми мыслями, это—эгоизм. Промышленник мало заботится об интересах общества. Его семья, его орудия труда и личное богатство, которого он стремится достигнуть,—вот его человечество, его вселенная и его бог. В тех, которые подвизаются на одном с ним поприще, он видит только врагов; он их поджидает, он подстергает их, и все свое счастье и славу он полагает в том, чтобы разорить их“.

Сен-симонисты пошли дальше своего учителя в характеристике эксплуатации пролетариата. „Отношение хозяина к наемному рабочему,—писали они в изложении учения Сен-Симона,—есть последнее преобразование, которому подверглось рабство... Рабочий не составляет прямой собственности своего хозяина, какою был раб; его положение, всегда временное, точно определяется обоюдным соглашением. По развѣ договор этот свободен со стороны рабочего? Нет, ибо рабочий, вынужденный рассчитывать на свой вчерашний заработок, чтобы прокормиться сегодня, должен под страхом голодной смерти согласиться на предлагаемую ему сделку“.

Отсюда сен-симонисты приходили к теоретическому выводу, что „лишь те революции могут быть прочными, законными... которые улучшают участь наиболее многочисленного класса... Теперь может быть лишь одна революция, способная привести в восторг сердца и наполнить их чувством вечной благодарности: это та, которая положит конец, вполне и во всех формах, указанной эксплуатации, ставшей нечестивою в самом основании своем“.

* * *

Непревзойденную во всей домарксової литературе вообще и социалистической в частности критику капитализма дал Фурье. Наиболее глубокая по содержанию, охватывающая все стороны жизни буржуазного общества, эта критика является классическим образцом мировой сатирической литературы.

Фурье беспощадно вскрывает полнейший провал блестящих обещаний идеологов буржуазии XVIII века о наступлении царства разума, цивилизации, с которой связывалось представление о счастье людей и т. п. Самое слово

„цивилизация“ имеет в устах Фурье только остро критический и сатирический смысл. В исторической и экономической характеристике, данной Фурье, этим словом обозначается современное буржуазное общество. У Фурье еще чаще, чем у Сен-Симона, этот строй называется „миром наыворот“. Фурье неустанно разоблачает лживых апологетов и подкупленных льстецов буржуазии, сопоставляет их пафосную фразеологию с материальной и моральной нищетой жалкой буржуазной действительности.

„Фурье неумолимо вскрывает лицемерие так называемого „приличного“ общества, противоречие между его теорией и его практикой, скуку его существования; он осмеивает его философию, ...его „чистую мораль“, его одиозные социальные институты, клеймит его практику, милую коммерцию, которую он подвергает мастерской критике, его разнузданные наслаждения,—мнимый, в сущности протестуционный брак, всеобщую путаницу“¹.

Как всегда, Фурье и здесь пытается подсчитать и дать „таблицу бичей цивилизации“, которых он насчитывает девять: 1) нищета, 2) мошенничество, 3) угнетение, 4) взаимная резня, даже 5) крайняя переменчивость климата, 6) искусственно вызываемые болезни, 7) заколдованный круг, 8 и 9) стержневые особенности—общий эгоизм и двойственность всех общественных действий.

Но пороков цивилизации, по Фурье, гораздо больше, так как каждый из этих бичей как бы обобщает целую группу их. Так, например, под угнетением подразумевается и ростовщичество и монополии, за нищетой скрываются и государственные долги и т. д.

Фурье с большой силой, остротой и сарказмом вскрывает антагонизм между интересами индивидуума и коллектива в этом обществе. Состояние непрерывной войны личности и общества—одно из наиболее вопиющих явлений буржуазного строя. „Каждый работник—враг массе, интересы которой противоречат его личным интересам. Врач желает, чтобы было как можно больше болезней, а прокурор—судебных процессов в каждой семье. Архитектор мечтает о пожарах, которые бы уничтожили четверть города, а стекольщик—о граде, который перебил бы все стекла. Портной, сапожник очень довольны, если публика получает скверные ткани и непрочную кожу, так как

¹ Маркс и Энгельс, т. V, стр. 88.

в этом случае одежда и обувь изнашиваются втрое быстрее, к их вянущему благополучию. Для содержания судов во Франции ежегодно должно совершаться 120 тысяч преступлений. Итак, в цивилизованном обществе каждый индивидуум находится в состоянии непрерывной войны с коллективом; иного результата и нельзя было ожидать при антисоциальном индустриалистическом строе“.

В эгоизме, войне всех против всех и всех против каждого, находят свое выражение противоречия буржуазного строя. Само богатство зиждется на бедности масс.

Несостоятельность строя „цивилизации“ Фурье видит прежде всего в том, что этот строй не способен материально обеспечить все общество, а только ничтожную верхушку его. Производство не дает и десятой доли того, что оно могло бы дать при целесообразном использовании производительных сил. „ $\frac{7}{8}$ народа ограблены $\frac{1}{8}$ -ой, живущей на их счет“. И это происходит благодаря анархии, бесплановости промышленности, вопиющему по своей нелепости, чудовищному расточению человеческих сил и разлагающему весь строй паразитизму.

Фурье характеризует капиталистический „индустриализм“, как промышленную манию производить без определенного плана, не сообразуясь с общественными потребностями, и без всякой гарантии вознаграждения за труд. В результате—тот поразительный факт, что в странах, где промышленность процветает, больше всего нищих и нуждающихся. Фурье приводит ряд конкретных примеров из жизни Англии и Ирландии о положении рабочего класса, приводит статистику лондонской нищеты и преступности. Фурье цитирует дублинские журналы за 1826 г. об эпидемиях болезни, имя которой—голод. „Не думайте, что болезнью этой заражаются богатые: ни лорд-мэр, ни архиепископ Дублина не заболеют от голода, а скорее от несварения желудка“.

Фурье дает яркую характеристику извращений в отношении к труду, которые создаются в „цивилизации“ и служат важнейшей причиной его непроизводительности, калечат, уродуют самого трудящегося. Труд здесь—проклятие, так как он основан не на свободном влечении, а на нужде, угрозе голодной смерти, насилии. Фурье называет работу на капиталистических предприятиях „смягченной каторгой“, отталкивающей труженика своей отвратительной обстановкой, невыносимой продолжительностью и моно-

тонностью, в условиях которой трудящийся жертвует своим здоровьем, работая на другого.

Фурье со всей остротой поставил вопрос об организации или, вернее, дезорганизации труда при капитализме—вопрос, который занял большое место у последующих социалистов.

Ни один строй, указывает Фурье, не знает такого паразитизма, как строй „цивилизации“. Работа двух третей населения совершенно непроизводительна или даже разрушительна. И Фурье по своему обыкновению устанавливает детальную классификацию категорий паразитов—„домашних“, „социальных“ и „побочных“. Непроизводительна или малопродуктивна работа всякого рода чиновников, военных, домашней прислуги и т. п., не говоря уже о прямых бездельниках.

Всесторонней критикой всего механизма буржуазного строя Фурье показывает, как чрезмерное развитие индустрии питает и растит этот паразитизм в самых разнообразных формах—от милитаризма до безработицы.

Но наиболее ярким проявлением паразитизма, господствующего в буржуазном обществе, Фурье считает торговлю. На нее обрушиваются самые острые стрелы его сатиры.

Здесь, как мы уже указывали, Фурье отразил ту стадию капитализма, которая ему больше всего бросалась в глаза во Франции: спекулятивные плутни и мелкоторговщеский дух, овладевший всей французской торговлей в период заката революции. При слабом еще развитии промышленного капитализма и гипертрофированно раздутой торговле Фурье склонен был отнести все столь блестяще описанные им пороки буржуазного общества на счет этой „фабрики лжи“, как он называет торговлю. Немалую роль в выводах и направленности критики Фурье сыграли его личные впечатления с раннего детства, а затем и всей жизни. „Разве,—пишет Фурье,—в портах не приходится ежедневно наблюдать, как торговцы выбрасывают в море зерно, которое сгнило и которое они придерживали, ожидая повышения цен! Я сам, в качестве приказчика, присутствовал при этих бесстыдных манипуляциях; мне поручено было выбросить в море 20 тысяч квинталов риса, который можно было продать раньше, чем он испортился, по хорошей цене, если бы владелец не был так безмерно жаден“.

Фурье бросается в глаза, что торговец, который сам не производит, становится фактически бесконтрольным рас-

порядителем всех производимых благ, на которых он спекулирует. Он может их спрятать или даже сжечь. „Торговля, делая вид, что служит индустрии, в действительности обирает ее со всех сторон“.

Агент торговли—коммивояжер торгует, по выражению Фурье, „чужой ложью, прибавляя к ней свою собственную“.

Торговля не только обманывает и обворовывает на каждом шагу потребителя, но и отравляет его, подсывая ему фальсифицированные, недоброкачественные продукты.

„Двух томов нехватило бы,—говорит Фурье,—чтобы перечислить, даже опуская детали, все грехи и преступления коммерции“. И Фурье дает таблицу 36 характерных черт коммерции в строе „цивилизации“.

До подлинного сатирического пафоса поднимается Фурье, когда описывает наиболее наглый, мошеннический трюк в торговле—банкротство, этот легализованный при строе „цивилизации“ „грабеж, более отвратительный, чем тот, который практикуется на больших дорогах“. В таблице 36 видов банкротств, которые перечисляет Фурье; в названиях и кличках, которыми характеризует их Фурье, перед нами как бы выступает целая галерея типов этой „человеческой комедии“ буржуазного строя.

Давая глубокую критику анархии, господствующей при „цивилизации“, Фурье видит уже связанные с этой анархией периодические кризисы перепроизводства. Но Фурье преувеличивает роль торговли, когда делает ее ответственной за все противоречия, создаваемые капитализмом прежде всего в области производства. Фурье остается, конечно, на поверхности явлений, когда он относит кризисы капитализма всецело на счет торговли и той ненавистной ему системы свободной конкуренции, за которую так распинаются буржуазные экономисты. Вместе с тем Фурье дает замечательную характеристику кризисов капитализма, в частности кризиса 1825—1826 гг., свидетелем которого он был. Энгельс в 1877 г. писал: „С 1825 г. мы уже пять раз пережили этот круговорот и теперь... переживаем его в шестой. Характер этих кризисов до такой степени ярко выражен, что Фурье определил все эти кризисы разом, назвав первый из них *crise pléthorique* (кризисом от полнокровия.—Б. С.), кризисом от излишка“¹. По Фурье, кри-

¹ Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 204, 1940 г.

зис не только создается, но и попадает в безвыходный лабиринт благодаря всему расстройству механизма торгового капитала.

Фурье предвидел и монополистические тенденции этого капитала. „Торговцы,—писал Фурье,—соединятся в торговые союзы, в монопольные общества, которые путем соглашений с крупными собственниками превратят мелких собственников в данников торговли и путем сложных интриг достигнут того, что станут господами над каждой отраслью производства“.

Много лет спустя в связи со спекулянтской деятельностью получившего печальную известность банка „Crédit Mobilier“, захватывавшего в свои руки экономическую жизнь Франции, Маркс писал: „Бессмертная заслуга Фурье заключается в том, что он предсказал эту форму современной индустрии, назвав ее „промышленным феодализмом“¹.

Фурье показывает роль государства в „заколдованном порочном круге“ „цивилизации“. Господствующие классы, составляющие меньшинство, вооружают рабов и при их помощи угнетают безоружных рабов, составляющих большинство. Формально бедняк имеет такое же право на восстановление нарушенной справедливости, как и богатый, но фактически государство всегда на стороне богатого грабителя. „Право,—писал Фурье,—есть только иллюзия, если его нельзя осуществлять; пример—конституционное право народа на суверенитет, пышная прерогатива, при которой плебей даже не в состоянии пообедать, когда у него в кармане нет ни одного су. И ведь очень далеко от притязания на народовластие до претензии на обед“. Уничтожающая критика буржуазных свобод, которую дал Фурье, злободневна и сейчас в капиталистических государствах. Фурье блестяще показал, как господствующий всюду коммерческий дух один только направляет всю политику.

Фурье, как говорит Энгельс, неумолимо вскрывает и показывает, как буржуазное общество „делает сложным, двусмысленным, двуличным и лицемерным каждый порок, оставшийся в простом виде при варварстве“². Это „истинная клоака пороков“, с которой несовместимы ни добро, ни красота.

Особенно показательным является здесь положение жеп-

¹ Маркс и Энгельс, т. XI, ч. I, стр. 33.

² Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 183, 1940 г.

щины, которое, как мы уже знаем, является для Фурье мериллом прогрессивности каждого строя. При капитализме женщина в наибольшей степени угнетена экономически и политически. Она либо выполняет самую тяжелую, неблагодарную работу, либо обречена на тунеядство и проституцию. Фурье вскрывает лицемерие, продажность и разврат, на которых строятся все отношения в семье в строе „цивилизации“. Всесильный дух коммерции руководит людьми при вступлении в брак, который является здесь торговой сделкой, купли-продажи; естественно, что и супружеские отношения скоро вырождаются в животную и пошлую грубость и обрастают целой системой противоречий и обмана.

Совершенно извращено при строе „цивилизации“ воспитание молодого поколения, играющее, по Фурье, исключительно большую роль в формировании человека. Современное воспитание, пишет Фурье, уродует ребенка морально и не развивает, а, наоборот, часто только ослабляет и даже губит его природные способности. Фурье разоблачает основной принцип этого извращенного воспитания—принуждение, которое является отражением господствующей во всем строе системы насилия и угнетения слабого сильным. Воспитание здесь подавляет лучшие природные влечения, подрывает творческую, производительную силу человека.

Раздробленный, противоречивый строй создает раздробленного и неполноценного человека.

* * *

Великие утописты глубоко и всесторонне охватывали своей критикой весь строй жизни буржуазного общества, и эта критика является самой сильной стороной их учений. Хотя сами они не были политическими деятелями и отрицательно относились к классовой и политической борьбе пролетариата, их критика дала ценный материал для просвещения рабочих и для классовой борьбы. Последующие домарксовские социалистические и коммунистические системы отправлялись от этой критики, дополняя ее в соответствии с дальнейшим развитием и углублением противоречий капитализма (Пеккер, Дезами и др.).

Основоположники марксизма выделяют из *всех* видов донаучного социализма учения великих утопистов, пазы-

вая их *критически-утопическим социализмом*. Критические элементы французского утопического социализма обуславливают в значительной мере его историческую роль как источника научного коммунизма. Маркс писал Ф. Зорге 19 октября 1877 г., что этот утопизм „до появления материалистически-критического социализма (т. е. научного.—В. С.) носил в себе этот последний в зародыше“¹.

Великие утописты и в особенности Сен-Симон не только сочувствуют наиболее многочисленной в обществе, бедной, страдающей массе, но и видят огромное значение этой проблемы. Однако пролетариат у них *еще не субъект, а только объект* преобразования общества. Несмотря на это, и в их фантастическом описании будущего общества заключались рациональные зерна. Это происходило от того, что в своем противопоставлении идеального строя существующему они отталкивались от критики реальной жизни и искали золотой век не в пройденных этапах человеческой истории, а в будущем развитии. Поэтому, говоря о значении критики, данной утопистами и в особенности Фурье, Энгельс отмечает: „...Положение пролетариата—центральный пункт, но разве им критика современного общества кончается? Фурье, который только еле касается этого пункта в позднейших сочинениях, дает доказательства, как, независимо от этого пункта, можно признать существующее общество абсолютно негодным, как можно только критикой буржуазии и, в частности, ее внутренних взаимоотношений, независимо от ее позиции по отношению к пролетариату, прийти к необходимости социальной реорганизации. В этой критике Фурье доныне занимает единственное место“².

Основоположники марксизма указывают, что великие утописты были „во многих отношениях революционны“³, хотя революционность эта сочетается с утопизмом и метафизическим представлением о переходе к будущему строю. Одним из ярких проявлений утопичности и метафизичности является представление о том, будто можно „сразу“ перейти к осуществлению хотя бы самых заманчивых

¹ Карл Маркс, Избранные произведения, т. II, стр. 497, 1940 г.

² Энгельс, О Фурье, стр. 58, 1938 г.

³ Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, стр. 67, 1939 г.

проектов. Но острая критика буржуазного общества была неизбежно связана с враждебностью и непримиримостью к нему, так как оно бессмысленно „в частностях, как и в целом“ (Фурье). Величайшей ошибкой считает Фурье попытки лечения критикуемого им строя полумерами и видит свою цель не в том, чтобы *улучшить цивилизацию*, а в том, чтобы в корне, с основания уничтожить этот строй.

Какое превосходство Фурье над Прудоном и последующими реакционными утопистами, которые стремились только улучшить капитализм, очистить его от злоупотреблений, от наростов и т. п., сохраняя условия буржуазной жизни!

Фурье видит и неизбежность наступления революции, если люди сознательно не предупредят ее мирным путем. „Настоящее,—писал он,—чревато будущим, и самая чрезмерность наших страданий должна привести к делительному кризису. При виде этих длительных и колоссальных политических потрясений кажется, что природа делает усилия стряхнуть с себя бремя, которое ее давит. Войны и революции зажигают земной шар со всех концов; пожары, еле потушенные, вновь разгораются из-под пепла... Мир и порядок превратились в призрак, в мечту, длящуюся несколько мгновений... Меркантильный дух открыл новые пути для преступлений. Пыне каждая война ввергает в междоусобицу оба полушария и заносит в глубь диких стран скандалы и жадность цивилизованных народов. Наши корабли обшаривают весь свет для того, чтобы приобщить варварские и дикие народы к нашему пороку и неистовству. Да, цивилизация становится тем отвратительнее, чем ближе она к своему концу...“

В своей критике и в особенности в своих выводах из критики капиталистического общества великие утописты стоят много выше современных им буржуазных классиков—экономистов и философов—и современной им социалистической литературы, не говоря уже о реакционных эпитонах последующего утопического социализма.

Современные великим утопистам теоретики классической политической экономии сумели во многом правильно понять экономические законы капитализма. Но и классики-экономисты не могли выйти за пределы метафизически ограниченного буржуазного горизонта и приходили к признанию „вечности“, „незыблемости“, „естественности“ буржуазного строя. Капиталистический способ производ-

ства они считали единственно разумным. Но,—писал Маркс в „Нищете философии“,—„так же точно, как экономисты служат научными представителями буржуазного класса,—социалисты и коммунисты являются теоретиками пролетариата“¹.

Сопоставляя утопический социализм с учением экономистов, Ленин приводит указание Энгельса:

„Этот социализм был „ложен“, когда объявлял прибавочную стоимость *несправедливостью* с точки зрения законов обмена. Против *этого* социализма были правы в формально-экономическом смысле теоретики буржуазной политической экономии, ибо из законов обмена прибавочная стоимость вытекает вполне „естественно“, вполне „справедливо“.

Но утопический социализм был *прав* в всемирно-историческом смысле, ибо он был симптомом, выразителем, предвестником того класса, который, порождаясь капитализмом, вырос теперь, к началу XX века, в массовую силу, способную положить конец капитализму и неудержимо идущую к этому“².

Апологетом буржуазного общества и буржуазного государства был величайший буржуазный диалектик Гегель, который видел в прусском государственном строе завершение всей предшествующей мировой истории, а строй частной собственности, свободной конкуренции объявил высшей формой общественного строя. „Основное условие... блеска“ государства,—говорил Гегель,—это „свободная собственность“³.

Великие утописты в своих выводах из критики капитализма стояли гораздо выше других, мелкобуржуазных критиков, как, например, Сисмонди, хотя и Сисмонди „прекрасно умел подметить противоречия в современных производственных отношениях“ и „разоблачил лицемерную апологетику экономистов“⁴.

Ленин подчеркивает глубокое принципиальное различие между Сисмонди и великими утопистами. Это различие, разъясняет Ленин народникам, „вовсе не в том, что одни

¹ Маркс и Энгельс, т. V, стр. 377.

² Ленин, т. XVI, стр. 165.

³ Гегель, т. VII, стр. 248.

⁴ Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, стр. 59, 1939 г.

шли дальше, другие были робки, а в том, что *самый характер реформ* представлялся им с двух *диаметрально противоположных* точек зрения¹. Великие утописты „предвосхищали будущее, гениально угадывали тенденции той „ломки“, которую проделывала на их глазах прежняя машинная индустрия. Они смотрели в ту же сторону, куда шло и действительное развитие; они действительно *опреждали* это развитие. Сисмонди же поворачивался к этому развитию *задом*; его утопия не предвосхищала будущее, а реставрировала прошлое; он смотрел не вперед, а назад, мечтая „прекратить ломку“², из которой Фурье и Оуэн выводили свои утопии.

Признание негодности существующего строя неизбежно наталкивало утопистов на необходимость его изменения. Великие утописты видели уже антагонистические противоречия капитализма и действие разрушительных элементов внутри буржуазного общества. Величие их также в том, что они, в отличие от Руссо и утопических коммунистов XVIII века, противопоставляли настоящему не прошлое человечества, а его *будущее*. Та мысль Сен-Симона, что золотой век находится не позади, а впереди нас, имела в свое время, по признанию М. Е. Салтыкова-Щедрина, огромное революционизирующее значение далеко за пределами Франции.

Фурье считал, что только вслед за падением строя „цивилизации“, т. е. капитализма, начнется подлинная история человеческого общества, для перехода к которой необходимо пройти еще промежуточный этап—гарантизм. Но в самих условиях настоящего великие утописты еще не могли достаточно ясно различать реальные тенденции новейшего развития. Они не могли еще видеть решающей силы этого преобразования—политического движения пролетариата и материальных условий его освобождения, так как пролетариат находился тогда в очень неразвитом состоянии. Они не могли еще видеть реальных путей движения к социализму и сумели только противопоставить столь резко осужденному ими настоящему фантастическое описание будущего. Но в этих фантастических построениях было много подлинно социалистической мысли.

---

¹ *Ленин*, т. II, стр. 98.

² *Там же*, стр. 99.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВЕЛИКИХ УТОПИСТОВ

Социалистическая утопическая мысль первых десятилетий XIX века, фантастические представления великих утопистов об идеальном будущем отражали развитие материальных условий жизни этого периода. Утопические, социалистические и коммунистические идеи XVIII века, развивавшиеся главным образом во Франции, были ограничены крайне примитивным представлением о человеческих потребностях и средствах их удовлетворения. Эти системы требовали в основном уравнивания в потреблении.

Это был, по выражению Энгельса, „аскетически суровый, спартанский коммунизм, осуждавший всякое наслаждение...“¹ Всеобщий аскетизм и грубая уравнительность характерны также и для революционной литературы, сопровождавшей первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы.

Великие утописты первой половины XIX века отвергли это ущербленное, обедненное понимание человеческих потребностей и поставили в центре внимания полноценное счастье человека, возможность наиболее полного удовлетворения и еще большего развития его потребностей и стремлений.

Французский домарксовый утопический социализм, начиная с Сен-Симона и Фурье и кончая Пеккером, Дезами и др., уже видел результаты перебрывавшейся во Францию промышленной революции в Англии. „Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрические телеграфы, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения—какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!“²

Буржуазия, по мере осуществления своего классового господства, стала производить более многочисленные и

---

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 18.

² Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, стр. 33—34.

более грандиозные перевороты в производстве, чем все предшествующие поколения вместе взятые. Она в короткий срок впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Это был гигантский шаг вперед по сравнению с прошлым. Критика утопистов вскрыла те глубочайшие противоречия, в которых буржуазия осуществляет эту деятельность.

В своих мечтах о счастье человечества великие утописты в противоположность аскетическому коммунизму исходили прежде всего из необходимости и возможности неограниченного удовлетворения материальных потребностей людей как важнейшего условия их счастья. Здесь сказалось огромное превосходство великих утопистов над их предшественниками. В недавно опубликованной рукописи Маркса, относящейся к 1857—1858 гг., мы читаем: „отнодь не отречение от наслаждений (подчеркнуто Марксом.—Б. С.), а развитие силы, развитие способностей к производству и следовательно развитие как способностей, так и средств для наслаждения. Способность наслаждаться есть условие для того, чтобы наслаждаться, есть, стало быть, первейшее средство для наслаждения, и эта способность есть развитие известного индивидуального задатка, известной индивидуальной производительной силы“¹.

Развитие промышленности, применение науки и техники, рост производительных сил являются для великих утопистов источником неограниченных возможностей увеличения богатств. Отсюда—преклонение Сен-Симона перед промышленностью и союзом ее с наукой. „Все для промышленности, все через нее“—эпиграф к одному из основных его сочинений. Будущий строй, к которому Сен-Симон и его ученики всегда с таким пафосом призывают, есть промышленный строй. Он предоставит людям „максимум средств и возможностей для удовлетворения их важнейших потребностей“, „доставит обществу вообще и его членам в частности наибольшее количество положительных наслаждений“.

Эта основная мысль еще ярче выражена у Фурье. Его идеальный строй—производственно-трудовой. „Счастье,—говорит Фурье,—в том, чтобы иметь много потребностей и много средств для их удовлетворения“. Так же как и Сен-Симон, Фурье считает первым условием и источни-

¹ „Большевик“ № 11—12 за 1939 г., стр. 64—65.

ком счастья создание материальных благ. Фурье еще резче и более всесторонне обратил внимание на ведущую роль производственной деятельности людей. Маркс указывает на великую заслугу Фурье, который „объявил решающей задачей поднятие на высшую ступень самого способа производства, а не только распределения“¹.

То, что начала делать буржуазия для развития производительных сил, представлялось великим утопистам только жалким намеком на подлинные творческие возможности, заложенные в правильно организованной человеческой деятельности. Они носились всегда с планами грандиозных сооружений, далеко опережавшими тогда самую смелую мысль. В воображении Фурье „промышленные армии произведут работы, одно представление о которых приведет в трепет наши корыстные души. Так, например, принято будет обследовать пустыни Сахары; за это дело возьмутся 10—20 миллионов рабочих рук, которые будут до тех пор наносить землю, увлажнять ее, засаживать деревьями и закреплять шаг за шагом пески, пока пустыня не превратится в цветущую плодородную страну. Каналы для больших кораблей будут проложены там, где мы не сумели устроить даже дренажей, и огромные корабли сумеют пересекать не только такие перешейки, как Суэцкий или Панамский, но получают доступ к внутренним морям, вроде Каспийского, Азовского, Персидского и Аральского...“

Фурье доходил даже до мечты о таком изменении природы человеком, при котором дикие и хищные, но сильные львы превратятся в „анти-львов“, обслуживающих человека; негодная для питья морская вода превратится в неисчерпаемые источники вкусного лимонада; срок человеческой жизни будет в среднем полтора года лет и т. п. Филистеры немало посмеялись над этими фантазиями великого утописта. Но и в этих фантазиях выражена глубочайшая вера в неограниченные творческие возможности свободного труда нового человека в будущем обществе.

Неограниченное развитие производительных сил—важнейшая предпосылка нового строя. Тем огромным значением, какое великие утописты придавали этому вопросу, объясняется в значительной мере их ютношение к классовой борьбе, к собственности и участию капитала в распределении.

---

¹ „Большевик“ № 11—12 за 1939 г., стр. 65.

Несмотря на возраставшие у Сен-Симона симпатии к шаиболее бедному и страдающему классу общества, он именно в развитии промышленности видел гарантию классового мира, гарантию ослабления классового антагонизма.

Фурье, как и Сен-Симон, не видел еще подлинного смысла начинавшей только развиваться классовой борьбы пролетариата. Они были очень далеки от того, чтобы связывать с ней свои надежды на преобразование общества. Они поэтому видели в ней, как и во всякой насильственной революции, только угрозу разрушения и без того так мало еще накопленных общественных ценностей. Это была одна из причин того, почему они осуждали всякую классовую политическую борьбу. Поскольку утописты не дошли до осознания и понимания исторической роли пролетариата и значения его классовой политической борьбы, они не могли понять творческой, созидательной роли революции, а видели в ней только разрушительную сторону. Это характерное для всех утопистов отношение к революции наиболее ярко выразил Этьенн Кабэ, когда сказал, что если бы он держал революцию в кулаке, то не разжал бы его, даже если бы от этого зависело осуществление его идеалов.

По Сен-Симону, выгоды от тех благ, которые даже при капитализме могла бы для „всех“ дать бесперебойно развивающаяся промышленность, должны объединить, так сказать, в „трудовом союзе“ и фабрикантов, и банкиров, и купцов, и рабочих, и людей науки и техники. Важно только вытеснить из общества и ликвидировать „праздных“ и бездельников, не участвующих в создании материальных благ.

„Необходимо,— писал Сен-Симон,— поощрять возможно больше земледельческую, промышленную и коммерческую деятельность, необходимо покровительствовать им. Надо вдохновлять приманкой частных выгод всякие предприятия по устройству каналов, дорог и мостов, как и работы по осушению, распашке и орошению. Не надо придирааться к барышам, которые получатся от трудов, приносящих пользу государству; следует, не смущаясь, уступить эти барыши целиком частным лицам, предпринимаящим эти работы“.

Собственность и неравенство Сен-Симон, а также Фурье сохраняют и в будущем обществе. На этом основании некоторые историки, вопреки мнению основоположников мар-

ксизма, считают, что у великих утопистов не было ничего общего с социализмом. Разумеется, оставление капитала и прибыли на него в качестве одного из производственных факторов в обществе будущего является, с точки зрения научного социализма, утопической ограниченностью. Устранение эксплуатации при сохранении капитала—это возможно, конечно, только в утопии. Энгельс отмечает это внутреннее противоречие в системе Фурье¹.

В этом отношении Оуэн в своих коммунистических взглядах стоял выше Сен-Симона и Фурье. Оуэн, правда, в более поздний период своей деятельности приходит к выводу о трех устоях, на которых зиждется капиталистический строй. Это, по его словам,—„триада зол“—частная собственность, религия и буржуазный брак. Эту „триаду“ Оуэн подвергает сокрушительной критике. Но основное и главное зло он видит в частной собственности, поскольку последняя является виновницей всех других зол. Однако Оуэн ограничивает свою задачу только тем, чтобы просветить на этот счет, убедить в этом „всех“ людей.

Но с точки зрения и Сен-Симона и Фурье, каждого из них по-своему, у собственности, которую они оставляют при переходе к новому строю, прежде всего *отняты ее эксплуататорские функции*. Зато эта утопически „обезвреженная“ собственность играет у Фурье, как и у Сен-Симона, роль стимула, содействующего важнейшей задаче нового, высшего строя—развитию производительных сил, поднятию материального благосостояния масс и уровня производства.

Если они верили в возможность убедить *все общество* принять их проекты во имя обещанного расцвета всеобщего богатства, то они должны были сохранить и для капиталистов материальную заинтересованность и возна-

¹ „В его фаланстерах, или общежитиях, существуют богатые и бедные, капиталисты и рабочие. Собственность всех членов сосредоточивается в общем фонде, колония ведет торговлю, земледелие и промышленность, а выгода распределяется между членами: одна часть в качестве заработной платы, другая—как оплата мастерства и таланта, третья—как прибыль на капитал. После всех красивых теорий об ассоциации и свободном труде, после столь многих торжественных негодующих речей против торговли, своекорыстия, конкуренции, мы видим не что иное, как старую систему конкуренции на улучшенных началах, как Бастилию прищудительного труда на более либеральной основе. Этим ни в каком случае соблазнить нельзя—и французы действительно не соблазнились“ (Маркс и Энгельс, т. II, стр. 396).

граждать последних не только по труду, но и по их вкладам. В особенности, с их точки зрения, это важно было для первого опыта, которого, как считали утописты, будет достаточно, чтобы весь мир немедленно последовал этому примеру. Энгельс указывает на заслугу Фурье, который „подчеркивает выгоды, а не необходимость ассоциаций“¹.

Фурье и здесь идет еще дальше Сен-Симона. Капиталисты и землевладельцы отдают свои капиталы и земли в распоряжение коллектива. Это их акции, за которые они помимо платы за труд получают дивиденды. Фурье хочет, чтобы и малоимущие вначале члены коллектива стали путем накоплений такими же пайщиками и сочетали бы, таким образом, личное обогащение с общественным. При этом он, как всегда, ищет в человеческой природе стимулы к развитию общественных богатств.

„Известно,—писал Фурье,—какое влияние оказывает на трудящегося приобретение им собственности и принадлежность его к Ассоциации. Какой-нибудь человек работает небрежно и лениво, пока он наемный рабочий и работает не для себя; но стоит этому человеку стать членом торговой Ассоциации, стать собственником и участвовать в прибылях, как он становится образцом трудолюбия и прилежания; со всех сторон о нем говорят: „Это—другой человек, его „невозможно узнать“. Почему? Потому, что он стал собственником. Его рвение тем более ценно, что он трудится не только для себя, но для всех компаньонов, так что излюбленный моралистами тип маленького собственника-земледедца бледнеет при сравнении с такого рода альтруизмом“.

Лучшие из последователей Сен-Симона и Фурье и в особенности Дезами вместе с развитием противоречий капитализма все больше убеждались в том, что уничтожение анархии производства и планомерная организация производства несовместимы с сохранением частной собственности на средства производства. Они внесли соответствующие поправки в доктрины своих учителей.

* * *

Критика буржуазного общества показала утопистам всю несостоятельность этого строя в области организации производства: всеобщий хаос, неорганизованность, бесплановость, чудовищное расхищение человеческих сил.

¹ Маркс и Энгельс, т. II, стр. 396.

Для Фурье говорить о социальном прогрессе в этих условиях—значит говорить о призраке.

Сен-Симон даст обобщение всей предшествующей истории экономического развития в классовом обществе. „До настоящего времени,—пишет он,—люди оказывали чисто индивидуальное и обособленное воздействие на природу. Больше того, их усилия в весьма значительной части всегда взаимно уничтожались, так как до настоящего времени человечество было разделено на две неравные части; из них меньшая тратила постоянно все собственные силы и даже часто часть сил большей—в целях господства над последней, между тем как бóльшая употребляла значительную часть своих сил для борьбы против этого господства. Несомненно, однако, что и при такой огромной трате сил человечество достигло все же в наиболее цивилизованных странах довольно значительной степени достатка и благосостояния. Поэтому можно судить, какой степени процветания оно достигло бы, если бы не растрачивалось напрасно ни одного усилия, если бы люди, перестав господствовать друг над другом, объединились вместе, чтобы оказывать коллективное воздействие на природу, и если бы народы придерживались той же системы в отношении друг к другу“.

Основная проблема у великих утопистов—проблема социальной организации человеческой деятельности. Сен-Симон пишет на темы „Об общественной организации“, „О теории общественного устройства“. Основное произведение Фурье—„Новый промышленный и общественный мир или изобретение метода привлекательной и естественной индустрии, организованной по сериям, построенным на страстях“.

Раздробленному и анархическому буржуазному эгоистическому обществу противопоставляется ассоциация, „Гармония“ (у Сен-Симона и Фурье), „сосиетарный“ строй (у Фурье). Для Сен-Симона в этом строе основным принципом и постоянной целью является возможно лучшее применение—в целях удовлетворения потребностей человека—знаний, добытых науками, искусствами, ремеслами, распространение этих знаний, их развитие и возможно большее накопление, возможно более полезное комбинирование всех отдельных работ в области наук, искусств и ремесел.

Будущий строй Сен-Симона, который он называет также „системой общественного блага“,—строй, наиболее благо-

приятствующий промышленности в самом широком смысле слова, охватывающей все виды полезных работ—умственный труд и физический. Здесь осмысленная практическая производственная деятельность людей направляется теоретическим научным предвидением. „Мы хотим,—писал Сен-Симон,—чтобы люди отныне делали сознательно, непосредственными усилиями и более плодотворным образом то, что до сих пор делали они, так сказать, без своего ведома, медленно, нерешительно и неплототворно“.

„Ученые... докажут возможность большего увеличения благосостояния для всех классов общества... Они выяснят наиболее прямые и наиболее быстро приводящие к цели средства обеспечить непрерывность труда массы производителей; они разработают основные начала общественного образования, они установят законы гигиены социального организма и в их руках политика станет дополнением к науке о человеке“.

Не менее важная и почетная роль выпадает, по Сен-Симону, на долю представителей искусства.

„Люди, посвятившие себя искусству, люди с богатым воображением пойдут впереди этого великого начинания (т. е. установления системы общественного блага.—Б. С.). Они возвестят будущее человечества; они отнимут у прошлого золотой век, чтобы обогатить им будущее поколение; они воодушевят общество на умножение своего благосостояния, нарисовав перед ним прекрасную картину новых успехов, дав ему почувствовать, что вскоре все члены общества будут пользоваться теми наслаждениями, которые до этого времени были достоянием лишь одного, весьма малочисленного класса...“

Разобщенности и раздробленности действующих без всякой связи и единства индивидуальных хозяйств утописты противопоставляют организованное крупное коллективное хозяйство. Сен-Симон строит грандиозный план всемирной ассоциации на иерархических началах. Фурье, исходя „из человеческой природы“, объединяет людей в сравнительно небольшие производственно-потребительские группы—фаланги, но это не исключает, а, наоборот, предполагает, что уже образовавшееся таким образом гармоническое общество легко использует все необходимые формы более крупных объединений, когда это понадобится. „К какому... обществу стремится человек,—спрашивает Фурье,—к возможно более крупному или мелкому? Нет

сомнения, что именно в самой крупной общественной единице человек найдет все преимущества экономии и механизации труда“.

По Фурье, раздробленность индустрии в строе „дивилизации“ обуславливает собой антагонизм между интересами индивидуума и коллектива.

Красной нитью через системы великих утопистов проходит идея гармонического сочетания в будущем строе общественных и личных интересов. Подлинный расцвет производительных сил общества, его богатств, которыми пользуются все члены общества, возможен только в строе ассоциации, „Гармонии“. Это не только плановая, целесообразная организация хозяйства в противовес анархии и дезорганизованности буржуазного общества. Гармоническим представлялся великим утопистам *весь строй жизни*. Они показали, что единство личных и общественных интересов является огромной движущей силой.

Это—подлинно социалистическая идея, хотя и выражена она была в утопической форме.

Конечно, исторической ограниченностью Сен-Симона было представление о том, что разрушенное в буржуазном обществе единство можно восстановить в объединении людей новой религиозной связью в строго иерархическом мистическом „новом христианстве“. Но Сен-Симон основывает новую религию, при которой все общество должно работать для улучшения положения наиболее бедного класса. В последней своей работе—„Новое христианство“ (1825 г.) Сен-Симон прямо выступил от лица рабочего класса и „объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений“¹.

Разоблачение лжи и фальши буржуазной фразеологии о свободе, равенстве, братстве и пр. показало, что фактически это были блага не для массы трудящихся.

Утописты перенесли поэтому все социальные проблемы из области политической в область экономическую. Основные вопросы—экономическое благосостояние трудящихся, вопросы эксплуатации, организации труда, создания условий для подлинного освобождения личности и ее всестороннего развития.

Одним из важнейших для Сен-Симона и Фурье условий гармонического соединения личного интереса с обществен-

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 434, 1932 г.

ным является всеобщая обязательность труда. „Все люди должны работать“,—провозгласил Сен-Симон уже в первом своем произведении—„Женевских письмах“ (1802 г.). Труд—источник всех добродетелей; конечная цель—установление такого социального строя, в котором класс, занимающийся самым полезным трудом, является самым уважаемым.

В период неразвитой еще крупной промышленности, неразвитых еще противоположностей между буржуазией и пролетариатом классовые противоречия приняли в системе Сен-Симона форму противоположности между „рабочими“ и „праздными“. Со всей беспощадностью Сен-Симон изгоняет „праздных“ из общества. К „праздным“ Сен-Симон, как мы знаем, причисляет не только старые привилегированные сословия, которые во времена Сен-Симона занимали еще очень видное место, но и всех тех, кто, не принимая лично участия в производстве и торговле, живет на свою ренту. К „рабочим“ Сен-Симоном причислялись ученые, а также активные фабриканты, купцы, банкиры, которые выступают в качестве как бы государственных чиновников или доверенных лиц всего общества. Только этим Сен-Симон оправдывает их командующее и экономически привилегированное положение по отношению к рабочим. Активные буржуа, фабриканты работают в области промышленности, банкиры призваны через регулирование кредита направлять все общественное производство.

Здесь нет места никаким привилегиям—по рождению, происхождению, связям и т. п. Тот или иной фабрикант, банкир, оставивший личный труд и ставший жить только рентой, переставший служить своими знаниями, опытом, способностями общественному производству, ставит себя тем самым в ряды „праздных“ со всеми вытекающими для него отсюда последствиями. Так в наивной, утопической зачаточной форме Сен-Симон выразил требование, чтобы положение гражданина в будущем обществе определялось только его личным трудом и личными способностями.

В борьбе с классовыми привилегиями Сен-Симон первый выдвинул принцип: „С каждого по его способностям, каждой способности—по ее труду“. Это, по Сен-Симону, основа гармонического сочетания интересов личности и коллектива. Обществу при этом будет обеспечено лучшее, наиболее совершенное руководство и участие всех

в производстве, наиболее эффективное использование способностей его граждан. Личности будет обеспечена неограниченный простор для развития всех ее способностей. Это была исходная и конечная, ведущая мысль Сен-Симона. Умирая, Сен-Симон говорил окружающим его ученикам: „Вся моя жизнь резюмируется в одну мысль: обеспечить людям свободное развитие их способностей... Участь рабочих будет устроена; будущее принадлежит нам“.

Ни у одного из утопистов и предшественников марксизма нельзя найти такого богатства социалистических идей, как у Фурье. Никто до Маркса не поставил с такой остротой, как Фурье, проблему личного и общественного, не дал такой критики антагонистических противоречий при строе „цивилизации“, не дал такой разработки вопроса о гармоническом сочетании интересов индивидуума и коллектива при „сосиетарном“ строе.

В счастье и наслаждении, по Фурье,—цель и назначение человека. Это счастье зависит не от „природы человека“, которая предъявляет требование на это счастье, а от максимального удовлетворения всех ее потребностей. Мы уже знаем, что Фурье, так же как и Сен-Симон, считает первым условием счастья неограниченный рост богатства, материальных благ. А этот рост может быть обеспечен только в правильно построенной социальной организации—при строе свободного коллективного труда. Противоположность интересов индивидуального и коллективного сказывается, например, даже и „в таких поступках, как опустошение рек, истребление лесов, влекущие порчу климата“. В организованном обществе, наоборот, наблюдается „согласованность действий по поддержанию речных и лесных богатств и исправление климата путем комбинирования различных мероприятий“. Раздробленной индустрии и раздробленному в ней человеку, „смягченной каторге“ буржуазного общества (строя „цивилизации“) Фурье противопоставляет единое, гармоническое общество, в котором целостный, все-сторонне развитый человек сможет полностью развить все свои способности. „Новый порядок вещей, противоположный порядку цивилизации,—писал Фурье,—несомненно, приведет к:

1) *Отожествлению интересов индивидуума с интересами коллектива, так, чтобы для индивидуума был вы-*

годен такой образ действий, который был бы выгоден также и для всей массы.

2) Выдвиганию на первый план интересов коллектива, так, чтобы все честолюбцы стали действовать в угоду этим интересам коллектива, получившим первенствующее значение“.

В новом строе трудовой ассоциации человек станет коллективистом, даже исходя из собственных эгоистических интересов, ибо „малейшая попытка добиться выгоды во вред благу массы поставила бы человека в конфликт с массой, которая его опозорит“.

С другой стороны, и общество сумеет использовать личные интересы на пользу коллективу.

В гармоническом, а не извращенном устройстве общества только и смогут полностью развернуться подлинно человеческие влечения, интересы, которые Фурье вслед за мыслителями XVII и XVIII веков называет „страстями“. Фурье с математической точностью вычислял количество этих „страстей“ у людей, классифицировал их, давал им самые причудливые названия. Это было, конечно, метафизической ограниченностью Фурье. Но эта ограниченность, подчас анекдотическая фантастичность, не должна заслонять от нас скрывающихся за ней глубоких мыслей. В соответствии с этими „страстями“, а не подавляя их, Фурье создавал свой проект идеального строя.

Изучение „страстей“ приводит Фурье к выводу о том, что социальное предназначение человека заключается в его общественной трудовой деятельности. Фурье возмущается обычным злостным поклепом эксплуататоров на неизменно присущие якобы эксплуатируемым свойства лени, отлынивания от труда и т. п. Фурье считает это естественным в условиях несвободного труда, в условиях наемного рабства. В особенности в условиях капитализма („дивилизации“) работа является тяжелым бременем, проклятием для трудящихся; так, например, Фурье указывает на ткацкие фабрики Англии, где мужчины, женщины и даже дети работают по 15 часов в сутки в душных помещениях и под ударами плети.

На самом деле труд—естественная потребность человека. Но „чтобы сделать жизнь счастливой,—говорит Фурье,—надо, чтобы радостным стал труд, в котором мы проводим большую часть своей жизни“.

В человеке заложены лучшие задатки, которые извращались в неправильно организованном обществе и могут стать источником счастья как коллектива, так и отдельной личности в будущем обществе.

Это достигается в трудовой ассоциации, где паемный, подневольный труд уступает место труду свободному, в соответствии с влечениями и трудовым призванием человека. Под ликвидацией системы наемного труда („салаариата“) Фурье понимал труд, освобожденный от эксплуатации человека человеком.

Фурье *первый провозгласил право на труд*, это „первейшее право человека—...право питаться, есть, когда испытываешь голод“. „Мы потеряли,—пишет Фурье,—целые века в дебатах на тему о правах человека, но совершенно упустили самое элементарное право, право работы, без которого все остальные превращаются в пух“. Фурье требует прежде всего права „на избранный нами род труда“.

В условиях свободного труда каждый избирает себе работу не по нужде, а по влечению, интересу к той или иной отрасли. Уже одно это дает не только огромное удовлетворение личности, стимул для проявления всех ее способностей, но в огромной мере повышает производительность труда всего общества.

Фурье особенно обращает внимание на „страсти“, которые заглушены и никак не могут проявиться в обществе, основанном на эксплуатации, и которые расцветут при строе ассоциации.

Одной из важных „страстей“, по Фурье, связанных с общественным, гармоническим трудом, является так называемая им „страсть к интриге“ (Фурье ее называет „Cabaliste“). Это по существу столь замечательное, драгоценное качество социалистического труда—соревнование, когда „группы, состоящие из дружественно настроенных по отношению друг к другу лиц“, находятся „в постоянном напряженном взаимном соперничестве... Далекая от... бесцветного спокойствия... страсть к интриге является истинным пазначением человека. Она удваивает его силы, углубляет его способности... Так как она всегда добивается каких-либо успехов и так как группы драгоценны одна для другой, обаяние интриги становится звеном, крепко связывающим членов всех серий, даже самых неравных“.

Большое значение для процесса труда Фурье придавал „страсти к переменам“—заложенному в человеке стремлению к разнообразию трудовой деятельности. Эту „страсть“ Фурье называл „Papillonne“, уподобляя ее порхающей бабочке. Он обращает внимание на отупляющее действие монотонного, непрерывного, однообразного труда на капиталистических предприятиях. Фурье говорит об этом труде, как о сплошной пытке. Между тем „в работе, как и в удовольствиях, природа вложила в нас жажду перемены“. В „соснетарном“ строе, у „гармонийцев“ сеансы рабочих групп смогут варьироваться в течение дня и для каждого вида работ будет устанавливаться столько времени, сколько нужно для того, чтобы эта работа не вызывала скуку, усталость и пресыщение. Может показаться на первый взгляд, что здесь игнорируется необходимая специализация, в особенности в квалифицированном труде. На самом деле у Фурье и это предусмотрено. Специализируются у него группы или, как он их называет, „серии“, выполняющие в целом всегда одну и ту же работу, но состав „серий“ меняется по мере того, как люди, ее составляющие, переходят от одной работы к другой.

Дело не в том, осуществится ли утопия в такой именно конкретной форме, а в той цели, к которой стремится здесь великий утопист. Он не только стремится создать разумные условия, приближающие труд к наслаждению. С удовлетворением этой „страсти“ к поочередному выполнению разных работ связана и другая важная для „гармонийца“ черта—всесторонность развития его способностей и интересов. Здесь раскрываются неограниченные возможности для сближения, соединения умственного труда с физическим, для преодоления той противоположности между ними, которая характерна для негармонического строя. Фурье (так же как и Оуэн) ясно видел отрицательные последствия разделения труда при капитализме, вызываемое им калечение, с одной стороны, личности рабочего, а с другой стороны, трудовой деятельности, которая сводится к однообразному механическому повторению в течение всей жизни одной и той же работы.

Освобожденная от пут негармонического строя „страсть к переменам“, стремление к разнообразию трудовой деятельности создает, по Фурье, предпосылки для развития следующей страсти—страсти к творчеству, к сочетаниям („Composite“) в удовлетворении умственных и физических

потребностей. Она порождает творческий энтузиазм— самую прекрасную, по Фурье, из всех страстей, облагораживающую и возвышающую все остальные.

Рожденные новой организацией труда и новым воспитанием производственное соревнование и трудовой энтузиазм являются ярким выражением единства личных и общественных интересов—личности и коллектива. Так возникает подлинный героизм труда, описываемый Фурье. „Начальники серий, побуждаемые соперничеством к изучению своего производства, вносят в работу познания, свойственные первоклассной учености. Их подчиненные вносят в нее порыв, который смеется над препятствиями, и истинный фанатизм, чтобы поддержать честь серии против кантонов, с которыми они соревнуются. В пылу действия они выполняют то, что кажется невозможным для человека... Всякое препятствие рушится перед обуревающей их буиной гордостью; от слова „невозможно“ они пришли бы в неистовство, и самые тяжелые работы—для них лишь маленькие игры... Таковы атлеты (труда), которые придут на смену нашим вялым наемным рабочим и которые сумеют вырастить нектар и амброзию на почве, что под слабыми руками людей строя цивилизации дает лишь тернии и плевела“.

Основоположники марксизма неоднократно отмечали глубокий смысл и плодотворность идей Фурье о социалистической организации труда в противоположность враждебной человеку капиталистической организации. Новая организация труда играет решающую роль в формировании нового человека. При новой социальной организации, писал молодой Энгельс, „субъективная конкуренция, соперничество капитала с капиталом, труда с трудом и т. д... сократится до соперничества, находящего себе оправдание в человеческой природе и пока удовлетворительно разъясненного одним лишь Фурье,—соперничества, которое, с устранением противоположных интересов, ограничится своей собственной разумной сферой“¹.

Критикуя Дюринга, Энгельс указывает на огромное превосходство великих утопистов над этим „пошлым и дерзким карликом“, всецело поработенным еще капиталистическим разделением труда. Между тем великие утописты уже на заре развития промышленного капитализма „вполне

¹ Маркс и Энгельс, т. II, стр. 311.

понимали пагубное действие разделения труда, видели измельчание, с одной стороны, рабочего, а с другой—самой работы, которая сводится к однообразному механическому повторению в течение всей жизни одного и того же акта“. По мнению великих утопистов, говорит Энгельс, „человек должен всесторонне развиваться путем всесторонней практической деятельности, и труд должен вновь получить утраченную им, вследствие своего разделения, привлекательность, именно посредством такого разнообразия и вытекающей из него небольшой продолжительности каждого сеанса (Sitzung) отдельной работы, употребляя выражение Фурье“¹.

Свою проектируемую ассоциацию Фурье назвал фалангой. В это название Фурье вкладывал определенный смысл. Так в древности назывался боевой строй в войсках Филиппа Македонского. Это был сплоченный клинообразный отряд, который, врезуясь острием в неприятельские ряды, сразу расстраивал их и обращал в бегство. Таково было утопическое назначение социальной фаланги Фурье—врезаться в существующий капиталистический хозяйственный строй и опрокинуть его.

Все население распределяется в фалангах группами в 1 500—1 600 человек—или около 300—400 семей. Каждая такая группа ведет общее хозяйство и занимает находящийся в центре ее территории дворец, который Фурье назвал фаланстером. Фурье в разных местах своих сочинений много раз и подробно описывает это единое для всего населения фаланги здание, вмещающее и жилые помещения, и залы для отдыха и развлечения, и гостиницу, и мастерские, помещения для животных, кладовые, амбары и пр. Светлые, высокие, чистые квартиры, служебные постройки, парк и зеленые насаждения и т. п.—все здесь должно, по мысли Фурье, коренным образом отличаться „от наших деревень и местечек, приспособленных для жительства отдельными семьями, не имеющими между собой сосиетарных связей“, от „хаоса домишек, конкурирующих между собой своим внешним безобразием и внутренней грязью...“

Производственная деятельность фаланги отражает преобладание сельского хозяйства во Франции, которому

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 298.

Фурье больше симпатизировал. Фабрично-заводская промышленность, ремесло и мануфактура играют подсобную роль.

Во всех конкретных подробностях и деталях, „точных“ цифровых расчетах, как и всегда у Фурье, много надуманного, подлинно утопического, фантастического и исторически ограниченного. Но в замысле, в целях, какие преследует Фурье, мы можем обнаружить глубокий смысл.

Основоположники марксизма обращали внимание на предвосхищение у Фурье идеи преодоления противоположности между городом и деревней и глубокую постановку этого вопроса. Энгельс в „Жилищном вопросе“ говорит о большом превосходстве Фурье над буржуазными филистерами, которые болтали об устранении этой противоположности в условиях капитализма. Фурье при всем своем утопизме связывал эти надежды только с изменением *всего* капиталистического строя. В устранении противоположности между городом и деревней Фурье видел „первое основное условие для упразднения вообще старой системы разделения труда“¹.

Фурье писал, что „будущие фабрики не станут концентрироваться в городах, превращающихся в лачуги для бедных, а рассеются по всем деревням и фалангам земного шара для того, чтобы фабричные рабочие могли удовлетворять своему влечению к другим видам труда“.

Энгельс подчеркивает глубокую принципиальную разницу между этими подлинно социалистическими идеями великих утопистов и воззрениями Дюринга, „заимствовавшего свои взгляды у эксплуатирующих классов, согласно которым противоположность между городом и деревней неустранима по природе вещей“².

В противоположность этому весь строй и уклад фаланги Фурье должен отвечать необходимости организации земледелия и индустрии таким образом, чтобы для коллектива в целом и каждого его члена была гарантирована полная возможность наибольшего разнообразия в занятиях и всестороннего развития всех видов деятельности.

В связи с этим в особенности выдвигаются задачи воспитания.

Вопросы воспитания, организованного воздействия на

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 298.

² Там же.

формирование подрастающего поколения, занимают видное место во всех утопических системах. Этим вопросам уделяли большое внимание просветители XVIII века, в особенности Руссо. Для французских материалистов и сенсуалистов с их учением о решающей роли среды для человека проблема воспитания была как бы применением их философии на практике.

Неудивительно, что вопросам воспитания уделяли большое внимание и великие утописты, в системах которых центральное место занимает человек и всестороннее развитие его способностей.

Сен-Симон всегда подчеркивал значение для масс образования, в особенности связанного с промышленностью, с производством, и считал важнейшей задачей ученых— в первую очередь физиков и математиков—создание хорошей системы народного образования.

И в этих вопросах в особенности выделяется Фурье. Учение его о воспитании представляет, по словам основоположников марксизма, „наилучшее, что имеется в этой области, и содержит в себе гениальнейшие наблюдения“¹.

Разумеется, и в этой области у Фурье подчас немало утопического и чудаческого. Но вместе с тем Фурье, а также Оуэн больше, чем кто-либо из предшественников Маркса, приблизились в этом вопросе к научному социализму.

Основная задача и цель воспитания, по Фурье,—подготовка полноценных, всесторонне развитых людей для строя „Гармонии“. Это значит, по Фурье, прежде всего готовить „юношество для всесторонней технической деятельности“².

Фурье отмечает измышления буржуазных моралистов о том, что дети—„это маленькие лодыри, и необходимо дать им плетки, чтобы научить их любить труд... А я утверждаю,—заявляет Фурье,—что у каждого из них, даже у самого отъявленного лодыря, есть по меньшей мере десятка два инстинктов, природных способностей и страстных вкусов к двум десяткам видов производительного труда, инстинктов, которые, будучи развиваемы своевременно, с трех-четырёхлетнего возраста, дадут каждому ребёнку... возможность добывать больше, чем расходы на его содер-

¹ Маркс и Энгельс, т. IV, стр. 510.

² Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 298.

жание, и предоставлять свободный порыв всем его телесным и интеллектуальным способностям“.

Вся суть воспитания, по Фурье, заключается в том, чтобы выявить у детей с самого раннего возраста заглушаемые при строе „дивилизации“ производственные призвания и дать им свободное развитие в интересах производственного труда. Эти призвания выявляются в процессе трудовых занятий. Прежде чем ребенок приобщается к наукам, он „воспитывается в садах, голубятнях, мастерских и кухнях фаланги“. Так он „становится сельскохозяйственным и промышленным производителем“. В связи с этим он впоследствии „привлекает образование, чтобы приложить его к... работам, в которых он страстно желает усовершенствоваться, и получает *целостное, всестороннее* образование... В такой организации воспитания... ребенок идет прямо к цели, к производительному труду“.

Правильно поставленные, приспособленные к детской психике трудовые занятия — кратковременные и разнообразные по содержанию, должны быть обставлены так, чтобы по своему характеру приближались к занимательной игре.

Под образованием Фурье понимает не только духовное, но и предшествующее ему всестороннее физическое гармоническое развитие тела, а также органов чувств. Паряду с физическим воспитанием Фурье придает большое значение художественному воспитанию и в частности развивает идею детской оперы. В гимнастических и хореографических занятиях ребенок „приобретает ловкость, необходимую в фабричных производствах фаланги, где его операции должны выполняться с точностью, уверенностью и чувством меры...“

Связь с производственно-трудовой деятельностью всегда остается ведущей основой всестороннего и целостного воспитания. Она переводит учебу с пассивного и мертвого восприятия на активные методы, повышающие активность и живой интерес учащегося.

Воспитание органически связано не только с производительным трудом, но и с общественной деятельностью. Оно должно развивать и укреплять не только производственно-трудовые влечения и навыки, но и сознание общности, коллективности. Фурье требует *всеобщего, единого* для всех детей и бесплатного общественного воспитания. Он предвидит массовое развитие талантов

и появление в неизмеримо большем количестве, чем в прошлом, гениальных людей, как Гомер, Цезарь, Ньютон, там, где природные задатки не растаптываются и не удушаются, а развиваются и совершенствуются.

Важнейшее положение Фурье о соединении воспитания с производительным трудом, о создании в процессе воспитания всесторонне развитых людей вошло в мировоззрение научного социализма.

Фурье увлекался по своему обыкновению, когда писал о возможности привлечения к труду детей с 2—4-летнего возраста. Как бы поправляя Фурье в этой части, Маркс, ссылаясь на Оуэна, писал о „воспитании эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей“¹.

Вместе с тем Маркс отвергает крайне наивное представление Фурье о свободном труде, как о простой забаве, игре, поскольку Фурье распространяет это представление не только на детей, но и на взрослых. „Действительно свободный труд...—писал Маркс,—есть вместе с тем дьявольски серьезное, интенсивнейшее напряжение“.

Одной из наиболее ярких черт, характеризующих высший тип человеческой организации в „Гармонии“ Фурье, является положение в ней женщины. Здесь прежде всего созданы все материальные предпосылки для освобождения брака и любви от пут буржуазного строя. Женщина—во всех отношениях равноправный и равноценный работник, наряду с мужчиной ей открыты и доступны все области физического и умственного труда. Материальная обеспеченность, общественное воспитание детей освобождают женщину от той специфической зависимости, в какую она ставится в буржуазном обществе. Уничтожена та материальная основа, которая побуждает женщину продавать свое тело в форме явной или скрытой проституции и которая создает условия для безделья женщины из более обеспеченных классов и превращает женщину в паразитическое, ограниченное, подчас развратное существо.

Фурье смело рисует картину полной свободы в отношениях любви в строе „Гармонии“. Любовь здесь не подчи-

---

¹ Маркс, Каштал, т. I, стр. 455, 1937 г.

пена никаким меркантильным целям и расчетам. Естественная и свободная от всех стеснений и искусственных преград, она будет содействовать физическому и духовному развитию людей. Раскрепощение женщины и освобождение любви явится мощным фактором развития производительности труда, фактором еще большего увеличения материального богатства общества.

Энгельс отмечает, что и в вопросах семьи и воспитания великие утописты стоят неизмеримо выше фидлстера типа Дюринга. „Для них вместе с свободным объединением людей в общество и превращением частной домашней работы в общественную индустрию непосредственно дано также обобществление воспитания юношества, а вместе с тем действительно свободные взаимоотношения членов семьи“¹.

Великий русский революционер и ученый Н. Г. Чернышевский отразил важнейшие социалистические идеи Фурье в идейном содержании своей борьбы за будущее, борьбы с нищетой, невежеством, рабством и насилием, но при этом он не разделял ограниченных представлений Фурье о возможности классового единения собственников и пролетариев.

В своем знаменитом романе „Что делать?“ Чернышевский рисовал картину будущего устройства общества по известным ему описаниям фаланстера Фурье. Поколения революционеров воспитывались на замечательной пропаганде в этом романе права на труд, права на счастье гармонически развитой личности в свободном от эксплуатации общественном устройстве.

* * *

Мы уже указывали на значительное превосходство учений великих утопистов по сравнению с другими утопическими системами. Отправляясь от глубокой критики капитализма, великие утописты „смотрели вперед“, улавливая и гениально угадывая тенденции будущего развития. Именно это дало им возможность высказать, хотя и в общей форме, ряд отдельных гениальных догадок, которые нашли свое подтверждение в научном социализме. Особенно интересны догадки, связанные с предвосхищением не только социализма, но и высшей стадии—коммунизма.

---

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 262, 1938 г.

Так, у Сен-Симона „совершенно ясно высказана та мысль, что политическое управление людьми должно превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства, т. е. привести к „отмене государства“¹. Эта мысль Сен-Симона вытекала из его взгляда на политику как на науку о производстве. Если в прошлом общественные отношения строились на эксплуатации человека человеком, то картина будущего—эксплуатация природы человеком, вступившим в товарищество с другим человеком. В этих условиях, говорит Сен-Симон, будет все больше отпадать необходимость во власти, управляющей в собственном смысле слова. „Люди будут пользоваться высшей степенью свободы, совместимой с состоянием общества. Больше того,—по словам Сен-Симона,—...обязанность поддержания порядка сможет тогда легко стать почти целиком общей обязанностью всех граждан—в смысле ли задержания нарушителей порядка или в смысле решения споров. Таким образом доля власти, которую потребуется вручить людям, специально уполномоченным на поддержание порядка, сможет быть крайне мала и будет тем менее опасна для свободы, что эти люди будут занимать лишь подчиненное положение“.

Догадка Сен-Симона об „отмене государства“ ставилась им в связь с большой исторической перспективой, когда весь мир, как мыслил Сен-Симон, будет представлять собой единую ассоциацию, единое гармоническое общество. Но Сен-Симон был очень далек от истинного представления о конкретно-исторических, революционных путях к этой конечной цели.

Только марксизм-ленинизм создал учение о государстве диктатуры пролетариата, как основе и рычаге построения социалистического общества. Только товарищ Сталин, развивая теорию марксизма-ленинизма, создал, на основе всемирно-исторического опыта СССР, цельное учение о социалистическом государстве в условиях капиталистического окружения. Товарищ Сталин обосновал необходимость *всемерного укрепления* государства и в период коммунизма, пока остается еще капиталистическое окружение. Только так создаются действительные предпосылки для отмирания государства в будущем.

Великие утописты, предвосхитившие в общих чертах основные принципы социализма, дали материал для даль-

---

¹ Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 182, 1940 г.

пейших выводов о будущем коммунистическом обществе, „где продукты будут распределяться по принципу старых французских коммунистов: „от каждого по способностям, каждому по потребностям“¹.

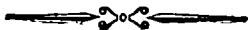
И все же дальше гениальных догадок великие утописты не пошли.

Марксизм, поднявший социализм на ступень науки, сумел разъяснить и подлинный смысл социализма великих утопистов. „Их положительные выводы пасчет будущего общества, например, уничтожение противоположности между городом и деревней, уничтожение семьи, частной наживы, наемного труда, провозглашение общественной гармонии, превращение государства в простое управление производством,—все эти положения выражают лишь необходимость устранения классовой противоположности, которая только что начинала развиваться и была известна им лишь в ее первичной бесформенной неопределенности. Поэтому и положения эти имеют еще совершенно утопический характер“².

---

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 193. изд. 10 е.

² Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, стр 67.

Глава третья
**УТОПИЧЕСКИЙ
И НАУЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ**

Социализм из мечты о будущем превратился в науку, когда он стал на реальную почву. Ко времени выступления основоположников марксизма классовая борьба между буржуазией и пролетариатом стала важнейшим осязаемым фактом мирового развития, и прежде всего передовых стран Европы. Все больше разоблачалась лживость буржуазных и утопических учений об общих интересах капитала и труда, о всеобщей гармонии и благополучии. В 1831 г. в центре текстильной промышленности Франции— в Лионе произошло первое крупное рабочее восстание, во время которого город оказался на несколько дней во власти рабочих. В Англии движение чартистов, первое национальное рабочее движение, дошло в период 1838—1842 гг. до своего кульминационного пункта. И даже в более отсталой в своем капиталистическом развитии Германии рабочие массы стали выступать со своими требованиями, что особенно ярко проявилось в восстании силезских ткачей летом 1844 г. Эти события особенно властно заявляли о революционной зрелости пролетариата.

Утопический социализм был крайне несовершенным выражением стихийно параставшего рабочего движения. Стихийное движение требовало освящения подлинно революционной теорией, являющейся научным выражением коренных интересов рабочего класса, опирающейся на самое передовое, революционное мировоззрение, вооружающей рабочий класс и его партию знанием законов обществен-

ного развития, предвидением хода событий. Такой теорией явился марксизм, научный социализм. Он впервые осветил реальный исторический путь рабочего класса к самой великой цели человечества—освобождению всех трудящихся от эксплуататоров и созданию радостной, счастливой жизни. Марксизм, научный социализм—вершина человеческой мысли. Он опирается на освоение и критическую переработку всех научных богатств, которые создало человечество на протяжении веков. Он—величайшая в истории революционная сила и смертельно разящее орудие борьбы.

Эту теорию дали рабочему классу Маркс и Энгельс. Замечательным, незаменимым материалом, на котором можно проследить возникновение научного социализма, является изучение первого периода развития основоположников марксизма, научного социализма.

В первом крупном своем произведении—докторской диссертации 1841 г.—молодой Маркс стоит еще на гегелевской, идеалистической точке зрения. Величайшей заслугой гегелевской философии основоположники марксизма считали то, что она „впервые представила весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. исследовала его в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии и пыталась раскрыть взаимную внутреннюю связь этого движения и развития“¹. Причину развития Гегель искал не в каких-либо внешних силах, а в самих явлениях, в борьбе противоположностей, внутренне присущих всему существующему; этим наносился удар всякой вере в „высшую“ силу, находящуюся над миром и вне его. Гегель впервые, хотя и на идеалистической основе, дал формулировку основных черт диалектики. Но как идеалист Гегель выводит развитие природы, человека и общественных отношений из развития духа; поэтому, несмотря на всю глубину и богатство своего содержания, философия Гегеля превратно изображала действительный ход развития природы и человеческой истории. При последовательном проведении его диалектического метода последний становился „алгеброй революции“. Но сам Гегель всех выводов из своего революционного диалектического метода не делал, так как его идеалистическая философия страдала коренным противоречием между реакционной системой и революционным

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 23—24.

КАРЛ МАРКС
(1818—1883)

методом, и последний неизбежно подавлялся первой. Молодые Маркс и Энгельс, примыкавшие в тот период к лучшим представителям „левых гегельянцев“, делали из гегелевской философии атеистические и революционные выводы.

Уже в докторской диссертации, посвященной одному из важных периодов в истории материализма, проявился критический и революционный дух Маркса. Подлинный герой его философии того времени—Прометей, ненавидящий всех небесных и земных богов.

Впоследствии Маркс, приступая к созданию своего главного труда—„Капитала“, писал: „У входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

Здесь места нет сомневающимся,
Здесь да умрет вся суетность боязни“¹.

Маркс, сначала изучавший юридические науки, вскоре целиком отдался занятиям по истории и философии. Уже в молодости он поражал всех обилием знаний и самостоятельностью их усвоения. Так, в сентябре 1841 г. один из левогегельянцев в письме к другу характеризовал Маркса, как соединяющего в одном лице Вольтера, Руссо, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля.

В 1842 г. Маркс готов был посвятить себя всецело научной и педагогической деятельности, „когда политическое движение, возникшее со времени смерти Фридриха-Вильгельма III, направило его жизнь по другому руслу“². Маркс, как и независимо от него Энгельс, приобщается к политике на самом левом, демократическом ее фланге. Уже в период 1842—1844 гг. гигантская теоретическая работа Маркса переплетается с острейшей злободневно-политической практической борьбой, взаимно оплодотворяясь. Выступления Маркса с критикой прений в консервативном рейнском ландтаге производят огромное впечатление. Маркс, приглашенный в оппозиционную „Рейнскую газету“ в качестве одного из главных сотрудников, становится в октябре 1842 г. на короткий срок ее редактором. Преследуемая цензурой, газета закрывается. Уже в статьях Маркса в „Рейнской газете“, пишет Ленин, намечается его переход „от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму“³.

¹ *Карл Маркс, Избранные произведения*, т. I, стр. 330, 1940 г.

² *Энгельс, Карл Маркс*, стр. 3, 1940 г.

³ *Ленин*, т. XVIII, стр. 32.

Маркс со всей страстностью политического борца участвует в местных социальных конфликтах: по поводу кражи дров и дробления земельной собственности, по вопросу о положении мозельских крестьян и др.—на стороне угнетенных, против угнетателей. Вместе с тем он поднимает все эти и другие вопросы (о свободе печати, цензуре) на огромную принципиальную теоретическую высоту и подготавливает выводы всемирно-исторического значения. Так, выступая по поводу закона против кражи частновладельческого леса, Маркс писал: „Если всякое нарушение собственности... есть кража, то не является ли всякая частная собственность кражей?“¹ Маркс обращает внимание на то, как *государственная власть*, охраняющая интересы лесовладельца, превращается в *прислужницу* последнего, в его орудие. „Все органы государства,—писал уже в 1842 г. Маркс,—становятся ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца слышит, подстерегает, оценивает, охраняет, хватает, бегаёт“².

Заскорузлые идеи, выросшие на почве отсталой в то время Германии, приходят на каждом шагу в столкновение с действительностью и разоблачаются как несостоятельные. К этому времени выступил Фейербах, который был на 18 лет старше Маркса. Фейербах своей критикой религии и идеализма, восстановлением в правах материализма был для молодых Маркса и Энгельса „огненным потоком“ („Feuerbach“) и, по выражению Маркса, „чистищем нашего времени“. На путь Фейербаха, как единственный путь „к истине и свободе“, призывал тогда Маркс спекулятивных богословов и философов: „освободитесь от понятий и предрассудков прежней спекулятивной философии, если желаете добраться до вещей, как они существуют в действительности, т. е. до истины“³.

Однако между Фейербахом и Марксом было с самого начала глубочайшее различие в понимании объективной действительности, различие, определившее их дальнейшие пути. Фейербах отправлялся от природы вообще, от биологически, антропологически истолкованной им „природы человека“ в частности. Маркс уже тогда критикует Фейер-

---

¹ Маркс и Энгельс, т. I, стр. 210—211, 1938 г.

² Там же, стр. 228.

³ Там же, стр. 120.

баха за то, что он „слишком много напирает на природу и слишком мало на политику“¹.

Метафизически восприняв упрощенно понятую им действительность, Фейербах прошел мимо диалектики живой жизни и не сумел понять и использовать скрытые за идеалистической шелухой результаты гегелевской диалектики.

Фейербах не сумел распространить материализм на область общественных отношений, подняться до понимания сущности исторического человека как совокупности его общественных отношений. Он не понял „значения революционной, практически-критической деятельности“². Он был по существу идеалистом в понимании общественных отношений, так как „самое большее, чего может достигнуть созерцательный материализм, т. е. материализм, который не постигает чувственность как практическую деятельность, это—созерцание отдельных индивидов в „гражданском обществе““³.

Фейербах поэтому относится еще к тем философам, которые только объясняли мир, тогда как дело заключается в том, чтобы его изменить.

Для Маркса отправным пунктом критического преодоления гегелевского идеализма и ограниченности феербаховского материализма была теоретически осмысливаемая им политическая борьба, сама объективная действительность, взятая во всей полноте и сложности общественно-исторической, практической деятельности людей.

Уже в самом раннем периоде у Маркса ярко выражены блестящие, гениальные предвосхищения будущего мировоззрения. Так, замечательно его гимназическое сочинение о выборе профессии, которую, как писал 17-летний Маркс, мы не всегда можем выбрать по призванию, ибо „наше положение в обществе до известной степени уже начинает устанавливаться раньше, чем мы в состоянии начать на него влиять“⁴.

В период изучения Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля 19-летний Маркс в известном „Письме к отцу“, высказывая свою неудовлетворенность идеализмом, писал, что от идеализма он „перешел к тому, чтобы искать идею в самой

---

¹ Маркс и Энгельс, т. I, стр. 510.

² Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 380, 1940 г.

³ Там же, стр. 382.

⁴ Маркс и Энгельс, т. I, стр. 404.

действительности“¹. Маркс исходит из признания огромного значения философии для действительности, но с самого начала видит опасность отрыва абстрактной мысли от действительности. Проблема истинного соотношения *идеи и действительности*—предмет не только упорных размышлений, но и глубочайших переживаний молодого Маркса. Он сообщает отцу о своем неудачном опыте одной работы, в которой он идеалистически „объединял в известной степени искусство и науку, совершенно разошедшиеся друг с другом. Бодрой поступью приступил я к работе, к философско-диалектическому развитию божества в его проявлениях как понятия в себе, как религии, как природы, как истории“. Но, жалуется Маркс, „мой последний тезис оказывался началом гегелевской системы, и эта работа, для которой я ознакомился до известной меры с естествознанием, Шеллингом, историей, которая стоила мне огромных умственных усилий и которая написана так (запутанно)... что я сам теперь едва могу понять ее,—это мое любимое детище, взлелеянное при лунном сиянии, завлекло меня, подобно коварной сирене, в объятия врага. От досады я... бегал, как сумасшедший... После этого я взялся за одни лишь положительные занятия“².

Надо только вспомнить и представить себе, как оторвана была тогда от жизни немецкая философия—абстрактный идеализм или созерцательный материализм,—чтобы осмыслить подвиг Маркса, поставившего себе задачей не только связать философию с жизнью и политической борьбой, но и провозгласить переход от „оружия критики“ к „критике оружием“.

* * *

Уже в период издания „Рейнской газеты“ в развитии Маркса выступают во взаимодействии три источника и в зачаточной форме составные части будущего мировоззрения.

Практически-политические вопросы, в основе которых лежат материальные интересы, паталкивают Маркса на изучение экономических проблем. Известно, что этими вопросами Маркс, гениальный создатель „Капитала“, преимущественно занимался в течение всей своей последующей жизни и деятельности. Но уже в период работы в „Рейнской газете“ Маркс видел то, о чем говорил много лет

¹ Маркс и Энгельс, т. I, стр. 418.

² Там же, стр. 418—419. Курсив мой.—Б. С.

спустя в письме к Ф. Зорге (19 октября 1877 г.),—что материалистическая база требует, „раньше чем ею оперировать, серьезного объективного изучения...“¹

С другой стороны, вспоминает впоследствии Маркс период 1842—1843 гг., „в это время, когда благое желание „итти вперед“ во много раз превышало знание предмета, в „Рейнской газете“ послышались отзвуки французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской“².

Маркс вынужден вначале воздержаться от самостоятельных суждений „о содержании французских направлений“³.

Но Маркс в то же время видит, что коммунизм, по его словам, „приобрел европейское значение“ и „составляет в высшей степени серьезный современный вопрос для Франции и Англии“⁴. Маркс уже тогда воспринял идеи французского утопического социализма и коммунизма, как *идеологическое отражение реального исторического движения и назревших задач материальной жизни буржуазного общества, прежде всего в этих передовых странах*. „Что сословие, которое лишено всего,—пишет молодой Маркс,—*требует* части из богатства средних классов, это факт, который... всякому бросается в глаза на улицах Манчестера, Парижа и Лиона“⁵.

В 1842 г. „Всеобщая Аугсбургская газета“ обвинила „Рейнскую газету“ в безмерном кокетничании с коммунизмом, в том, что эта редактируемая Марксом газета представила коммунизм публике „в его *неприкрашенной* наготы“. Маркс беспощадно высмеял „Аугсбургскую газету“, которая пренебрежительно относится к коммунизму, поскольку последний „не является современным салонным вопросом,... носит грязное белье и не пахнет розовыми духами“⁶.

В это же почти время произошел у Маркса конфликт с состоявшими в кружке так называемых „свободных“ берлинскими сотрудниками газеты. Маркс отказывался принимать от них поверхностные статьи о коммунизме

¹ Карл Маркс, Избранные произведения, т. II, стр. 497, 1940 г.

² Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 327.

³ Там же.

⁴ Маркс и Энгельс, т. I, стр. 203.

⁵ Там же, стр. 204.

⁶ Там же, стр. 203.

и атеизме и требовал „побольше внимания к конкретной действительности, побольше знания дела. Я заявил,—писал Маркс к Руге,—что считаю неподходящим, даже безнравственным, контрабандное введение коммунистических и социалистических учений, т. е. нового миросозерцания, в случайные театральные рецензии и пр. и что я желаю совершенно иного и более основательного обсуждения коммунизма“¹.

Маркс принимается за всестороннее и углубленное изучение французского социализма и коммунизма.

Одновременно Маркс приступает к критическому пересмотру гегелевской философии права и государства, а также вопроса об отношении между политическим государством и гражданским обществом. Этот вопрос Маркс специально изучает на большом историческом материале, в особенности из истории Франции и ее литературы. Изучению истории Франции и политических теорий, истории Французской революции и послереволюционного периода Франции XIX века Маркс уделяет много внимания и времени наряду с занятиями политической экономией. История Франции действительно давала очень много для всемирно-исторических выводов Маркса о значении классовой борьбы в развитии человеческого общества в прошлом и при капитализме в особенности. „Этим объясняется,—говорит Энгельс,—почему Маркс с особым предпочтением не только изучал прошлую историю Франции, но и следил за ее текущей историей во всех деталях, собирая материал для использования его в будущем. События поэтому никогда не заставляли его врасплох“².

Это изучение было у Маркса с самого начала критическим. Оно дало Марксу ценнейший конкретно-исторический материал для построения фундамента нового мировоззрения—диалектического материализма и материалистического понимания истории, этой основы, из которой логически вытекает научный пролетарский социализм.

Отправным пунктом произведенного Марксом переворота в науке об обществе, переворота, приведшего к обоснованию материалистического понимания истории, был, как известно, предпринятый Марксом критический пересмотр гегелевской философии права и государства. Именно в этой, наиболее затрагивавшей классовые интересы бур-

¹ Маркс и Энгельс, т. I, стр. 506.

² Карл Маркс, Избранные произведения, т. II, стр. 251, 1940 г.

жуазии, области больше всего сказались несостоятельность гегелевской идеалистической диалектики. В государстве, притом в прусском полицейском государстве, приходят, по Гегелю, к примирению все противоречия, хотя Гегель-диалектик объявил противоречия и борьбу противоположностей единственным источником развития.

В результате своих исследований, в результате критики гегелевской философии права и государства Маркс пришел к известному выводу (который он сам впоследствии формулировал) о том, что „правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII века, называл „гражданским обществом“, и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии“¹. Критикой „Философии права“ Гегеля Маркс подготавливает переход к диалектическому материализму и коммунизму.

В формировании Маркса и Энгельса, в становлении марксизма диалектический материализм и коммунизм идут рука об руку, это взаимно связанные, взаимно обуславливающие друг друга стороны. Критикуя Гегеля, Маркс показывает, что не абсолютная идея является основой государства, а народные массы. Так же как не религия создает человека, а человек создает религию, так и не государство создает народ, а, наоборот, народ создает государство. Маркс подходит к раскрытию классового характера государства, его роли как орудия господствующего класса.

Развитие капитализма в период после смерти Гегеля не только давало все больший материал для понимания борьбы антагонистических противоположностей—пролетариата и буржуазии,—но и настойчиво предъявляло требование научного объяснения новых фактов и теоретически обоснованных практических выводов. „Отношение промышленности, вообще мира богатства, к политическому миру есть одна из главных проблем нового времени“,—пишет Маркс в своем произведении „К критике гегелевской философии права“².

Углубленно изучая историю Французской революции,

¹ Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 327, 1940 г.

² Маркс и Энгельс, т. I, стр. 389.

Маркс собирается написать историю Конвента. Продолжая свои экономические исследования, охватывающие огромную литературу, Маркс пишет сочинение „Критика политики и политической экономии (Nationalökonomie)“. В записной книжке Маркса приблизительно начала 1845 г. (одновременно с известными тезисами о Фейербахе) значится обширный круг вопросов на тему о государстве, гражданском обществе и коммунистической революции.

Таковы основные проблемы грандиозной научной лаборатории Маркса в период становления научного коммунизма.

Характеризуя начало этого периода, Энгельс пишет, что осенью 1843 г. „Маркс с жаром принялся за изучение политической экономии, французских социалистов и истории Франции. Результатом был его переход к социализму“¹.

Интереснейшим документом самого начала этого периода является письмо Маркса к Руге (сентябрь 1843 г.), с которым Маркс вскоре разошелся из-за отрицательного отношения Руге к коммунизму.

Маркс намечает план осуществившегося впоследствии издания „Пемедко-французского ежегодника“, в котором он „Критикой гегелевской философии права“ начал ряд своих социалистических произведений.

Уже в 1843 г. Маркс не только знает всю литературу французского утопического социализма, но и строит свою положительную программу в значительной мере на критике недостатков этих учений.

Главный критерий, которым руководится в этой критике Маркс,—выявление действительных, а не мнимых потребностей современного общества, вскрытие подлинных противоречий его развития и революционное их разрешение.

Маркс гениально увидел основной порок всех многочисленных тогда социалистических и коммунистических направлений—их ненаучность, метафизичность, утопичность. Они стремятся готовыми системами, догматическими построениями, вроде „Путешествия в Икарию“ Каба, предвосхитить будущее, между тем как задача, по Марксу, заключается в том, чтобы посредством критики старого мира найти новый мир. Маркс видит свою задачу в том,

¹ Маркс и Энгельс, т. XVI, ч. 2, стр. 256.

чтобы помочь утопистам-догматикам понять подлинный смысл их собственных положений, их борьбы, их желаний¹. Это, указывая уже тогда Маркс утопистам, может сделать лишь философское сознание, которое „не только внешним, но и внутренним образом втянуто в водоворот борьбы. Если, значит, конструирование будущего и окончательные результаты для всех грядущих времен—не наша дело, то тем определеннее мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем: я говорю о *беспощадной критике всего существующего*, беспощадной в двух смыслах,—что эта критика не боится собственных результатов и не отступает перед столкновением с властями предрезающими“².

Эта провозглашенная Марксом критика—материалистическая и революционная—неизбежно связана с политической борьбой, которой так чуждался утопический социализм. Маркс разъясняет, что любой, даже самый специальный политический вопрос „лишь выражает *политическим* языком различие между господством человека и господством частной собственности. Значит, критик не только может, но и должен заниматься этими политическими вопросами (*которые завязтому социалисту кажутся не стоящими никакого внимания*). (Курсив мой.— Б. С.)... Таким образом, ничто нам не мешает связать нашу критику с критикой политики, с определенной партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с *действительной* борьбой. В таком случае, мы не выступим перед миром, как доктринеры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней!.. Мы не говорим миру: „перестань бороться, вся твоя борьба—пустяки“,—мы даем ему истинный лозунг борьбы“³.

В двух статьях „К еврейскому вопросу“ Маркс противопоставляет буржуазно-демократическому понятию политического освобождения как последней цели борьбы лозунг освобождения человека, которое может быть достигнуто только путем уничтожения частной собственности, а на этой основе и государства.

Ко времени переезда в Париж, осенью 1843 г., у

¹ „...Им пужно только отдавать себе отчет в том, что совершается на их глазах, и стать выразителями действительных событий“,—развивал эту же мысль Маркс в „Низдете философии“ (Маркс и Энгельс, т. V, стр. 377).

² Маркс и Энгельс, т. I, стр. 350.

³ Там же, стр. 352.

Маркса окончательно сложился основной материалистический взгляд на определяющую роль материальных условий жизни людей (как „базиса“) в истории человеческого общества. Это было одновременно ключом к единственно научному объяснению происхождения политических надстроек, государства, теорий и идей. Маркс приходит к выводу, что политику и ее историю следует объяснять из экономических отношений и их развития, а не наоборот.

Материалистически переработанную идею развития в ее наиболее последовательной, продуманной и богатой содержанием форме Маркс начинает применять к современному капитализму.

„Маркс в Париже,—отмечает Ленин,—под влиянием французских социалистов и французской жизни сделался тоже социалистом“¹. Однако социализм Маркса уже с самого начала поднялся во всех решающих вопросах над критически преодоленным им утопическим социализмом. Одновременно Маркс преодолевает также ограниченность младогегельянцев, которые рассматривали пролетариат как пассивную, инертную толпу.

В своей замечательной работе конца 1843 г.—в введении „К критике гегелевской философии права“ Маркс апеллирует к массам, к пролетариату, как к единственному классу, который призван осуществить „освобождение человечества“—создать новый, свободный от эксплуатации строй. В этом выводе заложено уже то, что Ленин назвал главным в марксизме,—*выяснение всемирно-исторической роли пролетариата, как создателя социалистического общества.*

Утопические социалисты до Маркса близко принимали к сердцу интересы самого бедного, самого страдающего в буржуазном обществе класса, но они смотрели на пролетариат только как на язву общества, только как на пассивную, страдающую массу, не видели в нем субъекта истории. Это было одной из основных черт ограниченности великих утопистов. Маркс называет „более научными“ системы Дезами, Гэя и других французских утопических коммунистов, группировавшихся в 1843 г. вокруг „Almanach de la Communauté“, потому что наряду с утопическими представлениями о будущем строе они уже связаны с клас-

¹ Ленин, т. I, стр. 412.

совой борьбой пролетариата и высказываются за революционную диктатуру масс. В отличие от мирных социалистов-утопистов Девами отказывает капиталу в каком бы то ни было участии в строительстве нового общества. Он выдвигает идею насильственного переворота, отвергая вместе с тем заговорщическую тактику.

Однако только Маркс впервые сформулировал вопрос о соединении социализма с массовым стихийным движением пролетариата как самой передовой силы общества. „Подобно тому,—писал Маркс уже в введении „К критике гегелевской философии права“,—как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие... Голова этой эмансипации—*философия*, ее *сердце*—*пролетариат*. Философия не может быть превращена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя без превращения философии в действительность“¹.

В этом же произведении мы находим известные слова Маркса о том, что „теория становится материальной силой, как только она овладевает массами“². И Маркс одновременно *практически* работает над тем, чтобы идеи о революционной роли пролетариата, о необходимости завоевания коммунизма овладевали массами.

В конце августа 1844 г. произошла встреча Маркса с Энгельсом, положившая начало замечательному в истории, великому содружеству гениев пролетариата.

Энгельс, независимо от Маркса, прошел тот же путь от левогегельянства и революционного демократизма к материализму и коммунизму. Чуткий к реальной жизни, Энгельс шел к своим обобщениям из наблюдений жизни в Англии. „Живя в Манчестере (в 1842 г.—Б. С.),—вспоминал он впоследствии,—я, что называется, посом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу...“³ Ранние статьи Энгельса обнаруживают не только глубокое знакомство его с социалистическими и коммунистическими учениями, но и критическое освещение их, совпа-

¹ Маркс и Энгельс, т. I, стр. 398.

² Там же, стр. 392.

³ Маркс и Энгельс, т. XVI, ч. 1, стр. 213.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС
(1820 — 1895)

давшее в основном с выводами Маркса. Давая яркую характеристику Сен-Симона и Фурье и блестящее изложение основ их учений, Энгельс говорит, что „фурьеризм заслуживает самого глубокого... внимания“¹.

В упомянутом уже „Немедко-французском ежегоднике“ Энгельс поместил свои „Критические очерки политической экономии“, в которых он с точки зрения социализма подверг критике основные явления капитализма и показал, что они являются необходимыми, неизбежными следствиями господства частной собственности.

„Когда я летом 1844 г.,—вспоминал потом Энгельс,—посетил Маркса в Париже, выяснилось наше полное согласие во всех теоретических областях. С того времени началась наша совместная работа“². В следующем, 1845 году вышла известная работа Энгельса—„Положение рабочего класса в Англии“. В этом произведении дано не только наиболее яркое и наиболее правдивое изображение бедствий рабочего класса. В нем Энгельс показал, что рабочий—не только страдающий класс, но и борющийся; что его положение при капитализме неудержимо толкает его на борьбу за свое освобождение, а вместе с тем и за освобождение всего общества; что „борющийся пролетариат *сам поможет себе*“; что, „с другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью *политической борьбы рабочего класса*“³. Так Энгельс наряду с Марксом выступил основоположником научного социализма.

Совместная работа Маркса и Энгельса выразилась прежде всего в том, что они сообща написали в течение 1844—1846 гг. два замечательных произведения: „Святое семейство“ и „Немедкую идеологию“. В них, наряду с исчерпывающей критикой основных направлений идеализма и догматизма, шаг за шагом формулируются основы нового мировоззрения. Огромное значение имела критика братьев Бауэров с их сторонниками. Это „святое семейство“, иронически названное так Марксом и Энгельсом, проповедывало „критику“, стоящую якобы выше всякой действительности, выше партий и политики, отрицало всякую практическую деятельность и лишь „критически“ созерцало окружающий мир и происходящие в нем события. Эти господа свысока судили о массе, о пролетариате, как якобы

¹ Маркс и Энгельс, т. II, стр. 396.

² Маркс и Энгельс, т. XVI, ч. 1, стр. 214.

³ Ленин, т. I, стр. 412.

„некритической массе“. Маркс и Энгельс противопоставляют этим „критическим личностям“ действительную человеческую личность—пролетария, подлинного творца современной истории. Из глубочайшего диалектико-материалистического анализа положения пролетариата при капитализме Маркс и Энгельс выводят его всемирно-историческую роль. „Так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли вершины бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя, но вместе с тем не только обрел теоретическое сознание этой потери, а непосредственно еще вынужден к возмущению против этой бесчеловечности велением ничем не прикрашенной, неумолимой, абсолютно властной *нужды*, этого практического выражения *необходимости*,—то поэтому пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не упразднив своих собственных жизненных условий. Он не может упразднить своих собственных жизненных условий, не упразднив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества, сосредоточившихся в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую, закаляющую школу *труда*“¹.

Здесь уже выражено одно из важнейших положений научного социализма в *противовес утопическому*—положение о том, что *освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса*.

Маркс противопоставляет взглядам Бауэров ту резкую критику, которой великие утописты Фурье и Оуэн подвергли „действительные основы современного общества...“ Маркс говорит: „Все коммунистические и социалистические писатели исходили из наблюдения, что... *все успехи дуга были до сих пор успехами в ущерб массе человечества*, которая понадала во все более и более *бесчеловечное* положение“².

---

¹ Маркс и Энгельс, т. III, стр. 56.

² Цит. по Ленину, Философские тетради, стр. 37.

Говоря в другом месте „Святого семейства“ об этой критике капитализма у французских и английских утопистов, Маркс указывает, что она „не есть какая-то абстрактная, потусторонняя личность, стоящая вне человечества: она—*действительная человеческая деятельность* индивидуумов, являющихся активными членами общества, которые, как люди, страдают, чувствуют, мыслят и действуют. Поэтому их критика в то же время про-

Говоря в „Святом семействе“ о коммунистической критике у утопистов, Маркс и Энгельс указывали, что ей „соответствовало одновременно практически движение *широкой массы*, в ущерб которой происходило до сих пор историческое развитие. Пужно быть знакомым с научными занятиями, с любознательностью, нравственной энергией и неутомимым стремлением к саморазвитию французских и английских рабочих, чтобы иметь представление о *человеческом благородстве* этого движения“¹.

Маркс и Энгельс не только дали высокую оценку критике капиталистического строя у утопистов. Считая, что литература утопистов имеет большое значение для просвещения рабочих, они как раз в период создания „Святого семейства“ решили издавать в пропагандистских целях серию-библиотеку книг по истории социализма и коммунизма во Франции и Англии начиная с XVIII века—с Морелли.

В письме к Марксу от 7 марта 1845 г. Энгельс писал из Бармена: „Мы собираемся перевести Фурье и, если возможно, вообще издавать „Библиотеку выдающихся зарубежных социалистов“. 17 марта Энгельс писал Марксу: „Так как эта идея нам обоим пришла в голову, то ее нужно осуществить—я подразумеваю библиотеку“².

В этом же письме Энгельс предлагал в осуществление их проекта дать прежде всего те произведения утопистов, которые „ближе всего к нашим принципам“ и „которые, по своему содержанию, и теперь еще имеют положительный интерес“³. Сюда он относил прежде всего Фурье, Сен-Симона, Оуэна. Введение к этому изданию должен был написать по Франции Маркс, по Англии Энгельс. Большой отрывок из литературного наследия Фурье был переведен на немецкий язык и издан Энгельсом (в 1846 г.) для просвещения рабочих под заглавием „Фурье о торговле“.

пипнута практикой, их коммунизм есть социализм, в котором они указывают практические, осязательные мероприятия, в котором находит свое выражение не только мышление, но и практическая деятельность; их критика является поэтому живой, действительной критикой существующего общества, познанием причин „упадка“ (Ленин. Философские тетради, стр. 49).

¹ Цит. по Ленину, Философские тетради, стр. 37.

² Маркс и Энгельс, т. XXI, стр. 16, 18.

³ Там же, стр. 17.

В записной книжке Маркса этого периода имеется следующая табличка с именами утопических социалистов и коммунистов, французских материалистов и др.

Morelli	Cercle soc(ial) Hébert Leroux Leclerc	
Mably		<i>Bentham</i>
Baboeuf		Godwin
Buonarotti		
Holbach	—	Helvetius
Fourrier	—	<i>St. Simon</i>
		<i>Owen</i> (Lalande)
<i>Considérant</i>		Die Schriften der Schule
	<i>Producteur. Globe</i>	
<i>Cabét</i>		<i>Dezamy. Gay</i>
	Fraternité, l'Egalitaire etc. l'humanitaire etc.	
	Proudhon ¹ .	

Эта запись находится, повидимому, в связи с намеченным, но не осуществившимся изданием серии-библиотеки сочинений утопистов, а также с главой о французском материализме XVIII века в „Святом семействе“.

* * *

Ленин отмечает, что в „Святом семействе“ Маркс, который написал главную и наиболее значительную часть этой работы, „подходит... от гегелевой философии к социализму“² и что очень рельефно выдвигается здесь „почти уже сложившийся взгляд Маркса на революционную роль пролетариата“³.

Вместе с тем Ленин отмечает, как в высшей степени характерные места, в которых „Маркс подходит к основной идее...—к идее общественных отношений производства“, а также к „теории трудовой стоимости“⁴. Мечтательному, идеалистическому, „эфирному“ социализму Маркс противопоставляет „массовидный“, „низменный“ социализм и коммунизм.

В „Святом семействе“, писал Ленин, „заложены основы... революционно-материалистического социализма“⁵.

¹ Marx—Engels, Gesamtausgabe, B. V, Erste Abt., S. 549.

² Ленин, Философские тетради, стр. 28.

³ Там же, стр. 30.

⁴ Там же, стр. 34.

⁵ Ленин, т. I, стр. 412.

Еще глубже Маркс и Энгельс развивают, обосновывают научный коммунизм и материалистическое понимание истории в „Немецкой идеологии“. С критикой созерцательности Фейербаха сочетается здесь критика утопического, догматического коммунизма. „Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна еообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое устраняет теперешнее состояние. Условия этого движения обусловлены имеющейся теперь налицо предпосылкой“¹. Маркс называет коммуниста *практическим* материалистом, который призван революционизировать существующий мир, практически обратиться против существующего положения вещей и изменить его.

Маркс и Энгельс подчеркивают здесь в особенности творческую роль пролетарской социалистической революции как целой исторической эпохи, которая необходима не только для того, чтобы свергнуть господствующий класс, но и потому, что „*свергающий* класс только в революции может избавиться от всей старой мерзости и стать способным создать новое общество“².

В теснейшей связи с практической революционной борьбой, с потребностями теоретического освещения ее ближайших и конечных целей вырабатывали Маркс и Энгельс новое мировоззрение—мировоззрение пролетариата. Они вырабатывали его, преодолевая всякого рода идеализм, а также ограниченность старого материализма, преодолевая идеализм и ограниченность утопистов; они вырабатывали теорию и тактику пролетарского социализма в решительной борьбе с различными учениями мелкобуржуазного социализма (Прудон и др.).

Маркс и Энгельс пришли к диалектическому материализму в результате огромной теоретической работы, напряженной и страстной борьбы за преодоление идеализма гегелевской диалектики и недостатков материализма Фейербаха. Исходя из идеи Гегеля о вечном процессе развития, Маркс и Энгельс отбросили предвзятое идеалистическое воззрение; они увидели, что не развитием духа объясняется развитие природы, а, наоборот, дух следует объяснять из природы.

¹ Маркс и Энгельс, т. IV, стр. 26.

² Там же, стр. 60.

Только на основе марксистского философского материализма раскрылись вся сила и значение диалектического метода. Стало ясным, что сама природа и история есть пробный камень и подтверждение диалектики.

„Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии,—писал Энгельс,—мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает материалистическому основному воззрению“¹.

Только на основе марксистского диалектического метода мог быть развит до конца и философский материализм. Маркс впервые довел материализм до конца, применив положения его к изучению человеческого общества, человеческой истории. Это не могли осуществить великие утописты, несмотря на их неустанные попытки и поиски социальных теорий и социальных законов. „Поскольку они ищут науку,—писал Маркс в „Нищете философии“,—и придумывают системы, поскольку они переживают лишь начало борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной разрушительной стороны, той стороны, которая низвергнет старое общество. Но раз замечена эта сторона, наука становится сознательным продуктом исторического движения; она перестает быть доктринерской, она делается революционной!“²

Внутреннее и неразрывное соединение строгой и высшей научности с самой последовательной революционностью, которое присуще марксизму и влечет к нему миллионы трудящихся всех стран, было чуждо утопическому социализму.

В „Нищете философии“ Маркс говорит, что трудящийся класс заменит старое, эксплуататорское общество „ассоциацией, исключающей как классы с их антагонизмом, так и политическую власть в собственном смысле, так как политическая власть есть именно официальное выражение антагонизма классов в гражданском обществе. А до тех пор антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется классовой борьбой, которая, будучи доведена до высшей степени своего напряжения, является полной революцией. Да и удивительно ли, что общество, основанное на *противоположности* классов, приходит, как к последней развязке, к *грубому противоречию*, к физическому

¹ Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 338, 1940 г.

² Маркс и Энгельс, т. V, стр. 377.

столкновению людей? Не говорите, что социальное движение исключает политическое,—писал Маркс, как бы обращаясь ко всем утопистам.—Никогда не существовало политического движения, которое не было бы в то же время и социальным“¹.

Критически освоив результаты предшествующего развития философской, экономической и исторической мысли и проникшись с юношеских лет глубокой верой в творческие силы и революционную энергию трудящихся масс, Маркс создал величайшее революционное учение научного социализма. Он стал гениальным вождем пролетариата. Маркс с ранних лет воспринял написанные кровью лозунги лионских восстаний: „Жить, работая, или умереть, сражаясь“.

„Война или смерть; кровавая борьба или уничтожение. Такова неотразимая постановка вопроса“,—этими глубоко созвучными молодому Марксу словами заканчивается „Ничета философии“—первое произведение зрелого марксизма.

* * *

Созданием исторического материализма Маркс произвел величайший переворот в науке. Распространение положений диалектического метода и философского материализма на изучение общественной жизни, истории общества и применение этого метода и материализма к практической деятельности партии пролетариата имело и имеет громадное значение. Это в особенности показал товарищ Сталин в своей классической работе „О диалектическом и историческом материализме“.

Благодаря диалектическому материализму Маркса и Энгельса стало возможным создание научных основ социализма и применение их к классовой борьбе пролетариата.

Опираясь на диалектический метод как на единственное до конца последовательное учение о развитии, опираясь на материалистическое понимание истории, Маркс и Энгельс неопровержимо доказали неизбежность гибели капитализма.

Исходя из того, что экономический строй является основой, над которой возвышаются политические надстройки, Маркс открыл законы развития капиталистического строя.

---

¹ Маркс и Энгельс, т. V, стр. 446.

Он разоблачил тайну капиталистического производства благодаря созданному им учению о прибавочной стоимости. Он указал на основные противоречия между пролетариатом и буржуазией; их борьба непримирима, она может закончиться только социальной революцией, гибелью капиталистического строя, победой коммунизма. Главнейший вывод из всего учения Маркса—*учение о диктатуре пролетариата*. Через диктатуру пролетариата осуществляется переход от капитализма к коммунизму. „Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма“¹.

Так, благодаря двум великим открытиям—материалистическому пониманию истории и учению о прибавочной стоимости—социализм стал наукой. Маркс, писал Ленин, „с полнейшей определенностью формулировал те свои воззрения, которые составляли „новость“ по отношению к прежним социалистам. Новость состояла в том, что прежние социалисты для обоснования своих воззрений считали достаточным показать угнетение масс при современном режиме, показать превосходство такого строя, при котором каждый получал бы то, что он сам выработал, показать соответствие этого идеального строя с „человеческой природой“, с понятием разумно-нравственной жизни и т. д. Маркс считал невозможным удовлетвориться таким социализмом. Не ограничиваясь характеристикой современного строя, оценкой и осуждением его, он дал научное объяснение ему, сведя этот современный строй, различный в разных европейских и неевропейских государствах, к общей основе—к капиталистической общественной формации, законы функционирования и развития которой он подверг объективному анализу (он показал „необходимость“ эксплуатации при этом строе). Точно так же не считал он возможным удовлетвориться утверждением, что социалистический строй один соответствует человеческой природе,—как говорили великие утопические социалисты и их мизерные эпигоны, субъективные социологи“².

¹ Ленин, т. XVI, стр. 353.

² Ленин, т. I, стр. 75—76.

В противовес утопическим выдумкам Маркс показывает неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое, выводя эту неизбежность всецело и исключительно из экономического закона движения капиталистического общества. Созданную на основе обобщения всей человеческой истории и науки, на основе обобщения опыта классовой борьбы материалистическую диалектику Маркс применил к развитию капитализма. „Вся теория Маркса есть применение теории развития—в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме—к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма. На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма? На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, попустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется“¹.

Капитализм всем ходом своего развития создает материальные предпосылки, материальную основу неизбежного наступления социализма. Это выражается в огромном обобществлении труда, росте крупного производства, гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала. Но капитализмом же создается и воспитывается пролетариат, который является „интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем“ революционного перехода от капитализма к социализму. Все большее обобществление производства не может не привести к „экспроприации экспроприаторов“. А это может и должно быть осуществлено пролетариатом, возглавляющим трудящиеся массы в их классовой борьбе с буржуазией. Неизбежно перерастающая в политическую борьбу, эта классовая борьба направлена к завоеванию политической власти—к диктатуре пролетариата. Поэтому „первое, что уста-

---

¹ Ленин, т. XXI, стр. 427—428.

повлено вполне точно всей теорией развития, всей наукой вообще—и что забывали утописты, что забывают пышущие оппортунисты, боящиеся социалистической революции—это то обстоятельство, что исторически несомненно должна быть особая стадия или особый этап *перехода* от капитализма к коммунизму¹. Эта переходная стадия и есть диктатура пролетариата. Маркс приходит к этому выводу на основе глубочайшего анализа роли пролетариата при капитализме и исходя из признания непримиримости противоположных интересов пролетариата и буржуазии.

Представители домарковского утопического социализма не могли еще иметь всех данных о развитии капитализма. Они в лице великих утопистов подходили уже, как мы видели, к пониманию роли классовой борьбы в *истории*, давали яркое описание ее. Но даже великие утописты видели в перспективе примирение классов, а не их все неизбежно усиливающуюся антагонистическую борьбу, которая разрешается только в победоносной пролетарской социалистической революции. Поэтому Маркс писал, что существование классов в современном обществе и борьба их между собой была известна и до него. „То, что я сделал нового,—указывал он,—состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование* классов связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*“².

Гениальность Маркса состояла в том, что он первый сумел сделать этот всемирно-исторический вывод из учения о классовой борьбе в истории.

Стоя неизменно на реальной почве самого последовательного историзма, Маркс показал, как развитие противоречий капитализма во всех областях общественной жизни находит свое разрешение в социалистической революции, установлении диктатуры пролетариата и победе социализма. Так, в крупной промышленности капитализм подготавливает экономическую основу даже для новых, высших форм семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающего поколения. Но то, что в „стихийной, грубой,

¹ *Ленин*, т. XXI, стр. 428.

² *Карл Маркс*, Избранные произведения, т. I, стр. 345, 1940 г.

капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего“, является „зачумленным источником гибели и рабства,—при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития“¹.

На строго исторической почве теории развития стоит научный социализм Маркса и в других важнейших вопросах теории, стратегии и тактики.

Говоря об исторической почве научного социализма, Ленин разъясняет, что дело идет не только об объяснении прошлого, но и о безбоязненном предвидении „будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...“²

Этого не было и не могло быть в утопическом социализме, несмотря на то, что утописты много фантазировали об этом будущем. Падение утопистов и объясняется тем, что „они не признавали первенствующей роли условий материальной жизни общества в развитии общества и, впадая в идеализм, строили свою практическую деятельность не на основе потребностей развития материальной жизни общества, а независимо от них и вопреки им,—строили на основе „идеальных планов“ и „всеобъемлющих проектов“, оторванных от реальной жизни общества.

Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается в своей практической деятельности именно на потребности развития материальной жизни общества, никогда не отрываясь от реальной жизни общества“³.

Учение Маркса и Энгельса, будучи наукой, обобщающей опыт рабочего движения всех стран, было с самого начала связано у них с практической революционной деятельностью и руководством этим движением. Это было принципиально чуждо утопическому социализму.

В коммунистических движениях у французов и немцев, в чартизме у англичан молодые Маркс и Энгельс с самого начала видели не случайность, которой могло и не быть. Они видели движение пролетариата и его всемирно-историческую роль в освобождении всего общества. В незрелых еще теоретических выступлениях отдельных представителей утопического коммунизма, как, например, Вейт-

---

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 26.

² Там же.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 546, изд. 11-е.

линг, Маркс гениально предвидел „гигантские детские башмаки пролетариата“, которые он сравнивал с „карликовыми стоптанными политическими башмаками буржуазии“, и предсказывал пролетариату, „этой Золушке в будущем фигуру атлета“¹.

Созданный Марксом и Энгельсом научный коммунизм „означал уже не фантастическое измышление возможно более совершенного общественного идеала, а понимание природы, условий и вытекающих из них общих целей борьбы, которую ведет пролетариат“².

Формирование нового мировоззрения и создание научного коммунизма сопровождалось самым горячим участием Маркса и Энгельса „в тогдашней кипучей жизни революционных групп Парижа...“ (Ленин). В решительной борьбе с различными учениями мелкобуржуазного социализма они выработали теорию и тактику революционного пролетарского социализма, коммунизма.

В теоретической и практической деятельности Маркса и Энгельса нашло свое выражение соединение социализма—передовой пролетарской теории—с массовым революционным рабочим движением.

Научный коммунизм выдвинул, разработал и осуществил на практике такие задачи, какие не ставил и не мог ставить перед собой утопический социализм.

В руководстве реальным движением рабочих масс к коммунизму огромное значение имеют вопросы тактики и стратегии сознательной, а не стихийной классовой борьбы пролетариата. Этим вопросам основоположники научного коммунизма придавали с самого начала исключительно большое значение. Критикуя старый фейербаховский материализм, Маркс указал как на один из основных недостатков его—на неумение понять условия и оценить значение революционной практической деятельности. Ленин подчеркивает, „что без этой стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвым. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мирозерцания... На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать... объективно неизбежную диа-

¹ Маркс и Энгельс, т. XVI, ч. 1, стр. 211.

² Там же, стр. 214.

лектику человеческой истории, с одной стороны используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого „мирного“, развития, а с другой стороны ведя всю работу этого использования в направлении „конечной цели“ движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, „концентрирующие в себе по 20 лет“¹.

С научным коммунизмом с самого начала связан вопрос о партии рабочего класса, как передовом, самом сознательном отряде движения, о партии и в национальном и в международном масштабе. Творцы диалектического материализма и научного коммунизма Маркс и Энгельс—*основоположники первой пролетарской партии*. Они создали ее на основе существовавшего тайного пропагандистского общества „Союз коммунистов“ и написали по поручению Союза знаменитый „Манифест Коммунистической партии“². В этом гениальном произведении дано не только замечательное по яркости и ясности изложение нового мировоззрения, последовательный материализм, теория классовой борьбы и всемирно-исторической роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества; здесь дана исчерпывающая, всесторонняя характеристика и критика всех домарксовых социалистических и коммунистических утопических учений и движений, преодоленных марксизмом. На место старого, утопического лозунга „Союза коммунистов“: „Все люди—братья“, Маркс и Энгельс выдвинули подлинно революционный и коммунистический, интернациональный лозунг: „Пролетарии всех стран, соединитесь!“ Под этим знаменем пролетариат уже построил социализм на одной шестой части земли и ведет борьбу за коммунизм во всем мире.

Марксизм впервые вложил подлинно научное и революционное содержание в расплывчатую и бесформенную

---

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 28.

² Написанный Энгельсом первоначальный проект манифеста носит название „Принципы коммунизма“. Замечательный по своему содержанию, он по своей форме напоминает „Катехизис промышленников“ Сеп-Симона. Это форма ясно поставленных вопросов и четко и исчерпывающе сформулированных ответов. Но впоследствии основоположники марксизма отказались от формы „катехизиса“ (см. письмо Энгельса Марксу от 24 ноября 1847 г.).

до него терминологию—„социализм“, „коммунизм“. В предисловии к английскому изданию „Коммунистического манифеста“ 1888 г. Энгельс указывал, что „в 1847 г. под именем социалистов были известны, с одной стороны, приверженцы различных утопических систем: оуэнисты в Англии, фурьеристы во Франции, причем и те и другие уже выродились в постепенно умиравшие секты; с другой стороны—всевозможные социальные знахарь, обещавшие, без всякого вреда для капитала и прибыли, исцелить все социальные недуги с помощью всякого рода заплат. В обоих случаях это были люди, стоявшие вне движения рабочего класса... А та часть рабочего класса, которая убедилась в недостаточности чисто политических переворотов и провозглашала необходимость коренного переустройства всего общества, называла себя тогда коммунистической. Это был грубоватый, плохо отесанный, чисто инстинктивный коммунизм; однако он нащупывал самое основное и оказался в среде рабочего класса достаточно сильным для того, чтобы создать утопический коммунизм... Таким образом, в 1847 г. социализм был буржуазным движением, коммунизм—движением рабочего класса... А так как мы с самого начала были того мнения, что „освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса“, то для нас не могло быть никакого сомнения в том, какое из двух названий нам следует выбрать“¹.

Отсюда берет свое название и свое происхождение великая коммунистическая партия пролетариата, ведущая все трудящееся человечество к высшему общественному строю—к коммунизму. В научном коммунизме и слово „социализм“ получило научное содержание. Оно означает первую, низшую фазу коммунизма, первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, и предполагает постепенный переход на более высокую ступень—коммунизм. Марксизм дал конкретную историческую характеристику каждой из этих фаз и наметил условия перехода из одной в другую. Это различие двух фаз в развитии коммунизма имеет огромное научное и практическое значение.

Развивая теорию Маркса—Ленина о двух фазах коммунизма, обобщая опыт социалистического строительства

---

¹ Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, стр. 9—10, 1939 г.

в СССР, товарищ Сталин создал всеобъемлющее учение о социалистическом способе производства, о полном соответствии между производственными отношениями и состоянием производительных сил в СССР, где победила и безраздельно господствует во всех областях народного хозяйства общественная собственность на средства производства, где взаимные отношения людей в процессе производства характеризуются как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи работников свободных от эксплуатации. Товарищ Сталин создал учение о постепенном переходе от социализма к коммунизму; он указал конкретные пути и способы этого перехода, осуществляемого трудящимися Советской страны.

Утопическому социализму и коммунизму была совершенно чужда диалектико-материалистическая точка зрения на развитие от капитализма к коммунизму. Утописты метафизически мечтали об уничтожении „сразу“ всей и всяческой эксплуатации. „Но эти мечтания оставались мечтаниями до тех пор, пока миллионы эксплуатируемых не стали объединяться во всем мире для выдержанной, стойкой, всесторонней борьбы за изменение капиталистического общества в направлении собственного развития этого общества. Социалистические мечтания превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса. Вне классовой борьбы социализм есть пустая фраза или наивное мечтание“¹.

Марксизм-ленинизм показал и опыт первой в мире пролетарской революции в России подтвердил, что отмена капитализма не дает сразу всех экономических предпосылок социализма и что, свергнув капитализм, люди не сразу научаются работать на общество без всяких норм права и государства. Одно из глубочайших отличий научного социализма от утопического заключается в том, что „последний хотел строить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительским, лавочническим капитализмом, а из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей. Эта смешная мысль теперь всем смешна и всеми оставлена“²,—писал Ленин.

¹ Ленин, т. VIII, стр. 364.

² Ленин, т. XXIII, стр. 458.

Научный коммунизм показал, а опыт строительства социализма в СССР подтвердил, что задача преодоления пережитков капитализма не только в экономике, но и в сознании людей является одной из величайших задач целой переходной исторической эпохи от капитализма к коммунизму. Коммунистическое воспитание масс играет решающую роль в период постепенного перехода от социализма к коммунизму.

* * *

В метафизическом, догматическом представлении утопистов социализм являлся выражением абсолютной истины, которая не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества: стоит его только открыть, чтобы он собственной силой покорил весь мир.

Марксизм, научный социализм, есть наука об обществе, о законах исторического развития, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического общества, о строительстве и победе коммунизма.

Наука, а тем более самая передовая наука, точно так же как и жизнь, не может стоять на месте—она развивается и совершенствуется. Марксистская теория—не догма, а руководство к действию. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное, — писал Ленин, — мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»¹.

Величайшими в истории представителями творческого марксизма, творческой науки являются Ленин и Сталин—гениальные вожди мирового пролетариата в новую эпоху, эпоху империализма и пролетарских революций, в эпоху победы социализма на одной шестой части земли.

Именно потому, что Ленин и Сталин двинули вперед марксистскую науку и обогатили ее новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата, стал возможным величайший триумф этой теории, преобразующей мир.

Только на основе теории Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина стало возможным осуществление в нашей стране тех идеалов, о которых лучшие из утопистов могли лишь мечтать.

¹ Ленин, т. II, стр. 492.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ИМЕН

- Д'Аламбер Жан-Лерон* (1717—1783)—французский философ и выдающийся математик, видный деятель эпохи Просвещения; вместе с Дидро был редактором знаменитой „Энциклопедии“.
- Анфатен Бартеlemi-Проспер* (1796—1864)—один из вождей сеп-симоонистов. В 1825 г. основал с Родригом, Базаром и др. „Le Producteur“ (1825—1826)—первый сеп-симоонистский орган. После разрыва с Базаром Анфатен был объявлен своими сторонниками главой „сеп-симоонистской религии“ („отец“ Анфатен). В 1832 г. организовал трудовую коммуну, так называемое „Меньильмонтанское семейство“. Приговоренный к году тюрьмы, был вскоре помилован. Впоследствии стал директором железной дороги Париж—Лион.
- Базар Аман* (1791—1832)—один из виднейших сеп-симоонистов. Сыграл главную роль в приведении идей сеп-симоонистов в стройную систему, составившую содержание их коллективного труда „Изложение учения Сеп-Симона“ (1830).
- Бабеф Франсуа-Иозель*, по прозвищу Гракх (1760—1797)—французский утопический коммунист, выдвигавший идею социального равенства. В 1796 г. основал тайное „Общество равных“ и пытался осуществить свои идеи путем заговора и восстания против Директории (контрреволюционного буржуазного правительства Франции). (См. также Буонаротти.)
- Бальзак Оноре* (1799—1850)—генеральный французский писатель, выдающийся представитель реализма в художественной литературе.
- Бауэры*—братья: Бруно (1809—1882)—немецкий философ, левый гегельянец; Эдгар (1820—1886)—немецкий публицист, левый гегельянец. Критика братьев Бауэр дана в „Святом семействе“ Маркса и Энгельса.
- Белинский Виссарион Григорьевич* (1811—1848)—великий русский критик и писатель, революционный демократ.
- Бераже Ивер-Жан* (1780—1857)—известный французский поэт, автор злободневно-политических песен, получивших огромную популярность во время реставрации и июльской монархии во Франции.
- Бланки Луи-Огюст* (1805—1881)—французский революционер и утопический социалист, участник парижских восстаний и революций на протяжении 1830—1870 гг.; организатор ряда тайных политических обществ и заговоров.

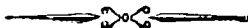
- Буонарроти Филипп** (1761—1837)—один из самых видных последователей Бабефа и соучастник „Заговора равных“. В 1828 г. написал историю заговора, где изложил идеи бабунизма.
- Бургао Герман** (1668—1738)—видный французский физиолог, врач, естествоиспытатель-энциклопедист; один из предшественников французских материалистов XVIII века.
- Варле Жан** (род. в 1764 г., год смерти неизвестен)—деятель французской буржуазной революции конца XVIII века; один из вождей партии „бешеных“.
- Вейтлинг Вильгельм** (1808—1871)—выдающийся немецкий утопический коммунист, по профессии портной; разошелся с Марксом и Энгельсом, упорно отстаивая свои утопические и сектантские взгляды.
- Верасс д'Алле Дени** (годы рождения и смерти неизвестны)—французский утопический социалист, автор утопии „История севарамбов“ (напечатанной на английском языке в 1675 г., на французском—в 1677 г.).
- Вик д'Азир Феликс** (1748—1794)—известный французский ученый-естествоиспытатель; предвосхитил идеи позднейшего развития сравнительной анатомии (Кювье и др.).
- Вольтер Франсуа-Мари-Аруэ** (1694—1778)—наиболее яркий представитель старшего поколения французских просветителей XVIII века, философ-деист, публицист, поэт, драматург, историк.
- Галилей Галилео** (1564—1642)—великий итальянский физик и астроном; один из основателей естествознания нового времени, в особенности механики.
- Гегель Георг-Фридрих-Вильгельм** (1770—1831)—величайший немецкий буржуазный философ, диалектик; основатель системы объективного, абсолютного идеализма.
- Гейне Генрих** (1797—1856)—знаменитый немецкий поэт и публицист; один из величайших лириков мировой литературы. В Германии 30—40-х годов принадлежал к числу наиболее ярких представителей радикальной литературы.
- Гельвеций Клод-Адриен** (1715—1771)—выдающийся французский философ-материалист, просветитель, атеист.
- Гердер Иоганн-Готфрид** (1744—1803)—немецкий буржуазный писатель, философ и поэт; один из представителей немецкого просвещения. Основное произведение—„Идеи к философии истории человечества“.
- Герцен Александр Иванович** (1812—1870)—известный русский писатель, философ и публицист, революционер-демократ.
- Гизо Франсуа-Пьер** (1787—1874)—французский буржуазный историк и государственный деятель в царствование Луи-Филиппа, вождь крупной финансовой буржуазии.
- Гоббс Томас** (1588—1679)—известный английский философ, механический материалист; в понимании общества—идеалист, рассматривавший государство как результат сознательного соглашения между людьми для выхода из дикого, первобытного состояния, в котором, по взгляду Гоббса, „человек человеку волк“.
- Гольбах Поль-Генрих-Дитрих** (1723—1789)—один из крупнейших представителей французского материализма и атеизма XVIII века.

- Гроций Гуго* (1583—1645)—голландский политический писатель эпохи расцвета нидерландского торгового капитала; один из первых теоретиков так называемого „естественного права“.
- Гэй Жюль* (род. в 1807 г.)—французский утопический коммунист, примыкал к Дезами, издавал журнал „Le Communiste“ в 1849 г.
- Гюйгенс Христиан* (1629—1695)—выдающийся голландский математик, физик и астроном; один из создателей волновой теории света.
- Дезами Теодор* (1803—1850)—французский утопический коммунист 40-х годов XIX века; принимал участие в тайном обществе „Времена года“, участвовал в революции 1848 г. во Франции.
- Декарт Рене* (1596—1650)—великий французский мыслитель, математик; в философии—дуалист и метафизик—рационалист; в физике—механический материалист.
- Дидро Дени* (1713—1784)—великий французский просветитель, материалист, писатель и поэт, основатель и редактор „Энциклопедии“, идеолог революционной буржуазии XVIII века.
- Дюринг Евгений* (1833—1921)—немецкий вульгарный, метафизический материалист и позитивист, представитель реакционного, меланхолического, „уравнительного социализма“.
- Кабанис Пьер-Жан-Жорж* (1757—1808)—французский философ—материалист и врач; по политическим воззрениям был близок к жирондистам.
- КабэЭтьен* (1788—1856)—французский утопический коммунист, автор известного утопического произведения „Путешествие в Икарию“.
- Кампанелла Томас* (1568—1639)—итальянский коммунист—утопист, доминиканский монах, автор „Города солнца“.
- Кант Иммануил* (1724—1804)—родоначальник немецкого классического идеализма. В первый период своей деятельности создал известное произведение—„Всеобщая естественная история и теория неба“. Основной чертой его философии является попытка примирить материализм с идеализмом. Признавал существование „вещей в себе“, считал их абсолютно непознаваемыми.
- Карл Великий* (742—814)—король франков (768—814) и император новой Римской империи (800—814).
- Кеплер Иоганн* (1571—1630)—знаменитый немецкий астроном; один из основателей современной астрономии и механики.
- Кондорсе Мари-Жан-Антуан-Никола-Карита* (1743—1794)—видный французский социолог и политический деятель французской буржуазной революции конца XVIII века. Основное произведение—„Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума“ (русский перевод, изд. 1936 г.).
- Консидеран Виктор* (1808—1893)—французский утопист, ученик и популяризатор Фурье.
- Конт Огюст* (1798—1857)—французский буржуазный философ и социолог—позитивист. Заимствовавшие у Сен-Симона гениальные идеи „сделал... ограниченными по свойственной ему манере... он их опонил по-своему, по-филлистерски обработавши их“ (Энгельс).
- Коперник Николай* (1473—1543)—великий астроном, выдвинувший научную гипотезу о том, что не солнце движется вокруг земли, как учили до него, а земля и планеты движутся вокруг солнца и вокруг своей оси.
- Лейбниц Готфрид-Вильгельм* (1646—1716)—знаменитый немецкий

- философ-идеалист и математик, открыл (одновременно с Ньютоном) дифференциальное и интегральное исчисления.
- Леклерк (Leclerc) Теофиль* (род. в 1771 г., год смерти неизвестен)—один из вождей партии „бешеных“ во время французской буржуазной революции конца XVIII века.
- Леру Пьер* (1797—1871)—французский утопический социалист. Был наборщиком, корректором, потом журналистом. В 1824 г. основал журнал „Le Globe“, ставший впоследствии органом сенсимонистов. Леру пытался соединить социализм с религией.
- Локк Джон* (1632—1704)—выдающийся английский философ-сенсуалист, оказавший большое влияние на французских материалистов XVIII века; выступал также как экономист.
- Луи-Филипп* (1773—1850)—французский король (1830—1848).
- Лютер Мартина* (1483—1546)—вождь протестантизма в Германии, основатель лютеранской церкви.
- Мабли Габриэль-Бонно*, аббат (1709—1785)—французский утопический коммунист, выдвигавший идею социального равенства.
- Маддевилль Бернар* (1670—1733)—английский поэт-сатирик. В своей „Песне о пчелах“ бичует пороки буржуазного общества.
- Мелье Жан* (1634—1729)—ранний французский материалист-атеист и утопический коммунист. Взгляды Мелье изложены в его „Завещании“.
- Мишле Франсуа-Огюст* (1796—1884)—французский буржуазный историк, вместе с Тьерри и Гизо объяснявший французскую буржуазную революцию классовой борьбой третьего сословия против дворянства.
- Мор Томас* (1478—1535)—родоначальник утопического социализма, виднейший представитель социалистической мысли XVI века, автор известной „Утопии“.
- Морган Льюис-Генри* (1818—1881)—американский ученый, этнограф и историк, давший своими работами ключ к разрешению ряда важнейших вопросов истории первобытного общества.
- Морелли (Morelli)*—представитель утопического уравнилельного коммунизма во Франции XVIII века. В своем произведении „Кодекс природы“ рассматривает частную собственность как источник всех зол и бедствий человечества и признает соответствующим „природе человека“ и „истинным законом природы“ лишь общественную собственность.
- Мюллер Томас* (1490—1525)—немецкий утопический коммунист времен реформации, выдающийся вождь крестьянского восстания 1525 г. в Германии.
- Наполеон I Бонапарт* (1769—1821)—французский император (1804—1814 и 1815); знаменитый полководец; во время французской буржуазной революции—офицер; в 1793 г. примыкал к якобинцам; опираясь на буржуазию и армию, совершил 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. государственный переворот и стал военным диктатором Французской республики.
- Ньютон Исаак* (1642—1727)—великий английский ученый, математик и физик, основатель классической механики.
- Огарев Николай Платонович* (1813—1877)—известный русский поэт, деятель революционно-освободительного движения и публицист.
- Пеккер Константин* (1801—1887)—французский утопический социалист, член Люксембургской комиссии в революции 1848 г.

- Главные сочинения: „Социальная экономия“ (1837), „О материальных улучшениях в их связи со свободой“ (1839), „Новая теория социальной экономии“ (1842).
- Прудон Пьер-Жозеф* (1809—1865)—французский писатель-публицист; один из основоположников мелкобуржуазного социализма и анархизма.
- Робеспьер Максимилиан* (1758—1794)—выдающийся деятель французской буржуазной революции 1789—1794 гг., вождь якобинцев, последователь учения Руссо.
- Ру Жак* (1752—1794)—французский политический деятель периода революции 1789—1794 гг.; один из вождей „бешеных“.
- Руге Арнольд* (1802—1880)—немецкий радикальный публицист, левый гегельянец, издатель „Deutsche Jahrbücher“ и „Deutsch-Französische Jahrbücher“; в 1866 г. перешел на сторону Бисмарка.
- Руссо Жан-Жак* (1712—1778)—выдающийся французский просветитель, идеолог революционной мелкобуржуазной демократии; его идеи народного суверенитета и равенства, критика абсолютизма, теория „общественного договора“ и т. д. сыграли большую роль в идеологической подготовке французской буржуазной революции XVIII века; в философии—идеалист.
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович* (1826—1889)—знаменитый русский писатель-сатирик.
- Сисмонди Жан-Шарль-Симон* (1773—1842)—швейцарский экономист, мелкобуржуазный критик капитализма. Основные произведения: „Новые начала политической экономии“ и „Этюды по политической экономии“.
- Сократ* (469—399 до н. э.)—знаменитый философ древней Греции.
- Спенсер Герберт* (1820—1903)—английский буржуазный философ-идеалист, позитивист и электик.
- Спиноза Бенедикт* (1632—1677)—великий голландский философ, материалист и атеист. Его учение, заключавшее в себе элементы диалектики, выступало еще, однако, в теологической форме.
- Тьер Луи-Адольф* (1797—1877)—французский буржуазный историк и политический деятель, палач Парижской коммуны.
- Тьерри Огюстен* (1795—1856)—французский историк (см. *Мишль*). Главный труд: „История происхождения и успеха третьего сословия“.
- Тюрго Анн-Робер-Жак* (1727—1781)—французский государственный деятель и экономист; один из виднейших представителей школы физиократов.
- Фейербах Людвиг* (1804—1872)—выдающийся представитель домарксовского материализма, подвергший критике идеализм Гегеля.
- Фридрих-Вильгельм III* (1770—1840)—прусский король (1797—1840).
- Чернышевский Николай Гаврилович* (1828—1889)—великий русский ученый и критик, революционный демократ, виднейший представитель утопического социализма в России.
- Эбер (Hébert) Жак-Рене* (1757—1794)—деятель французской буржуазной революции конца XVIII века; основатель популярной газеты „Отец Дюшен“; занимал более радикальную позицию, чем Робеспьер, подчеркивая необходимость экономической помощи малоимущим слоям населения. Казнен 24 марта 1794 г.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

- Энгельс Ф.*, Развитие социализма от утопии к науке. Карл Маркс, Избранные произведения, т. I, 1940;
- Энгельс Ф.*, Предисловие к „Крестьянской войне в Германии“, там же; т. II, 1940, стр. 441;
- Энгельс Ф.*, Предисловие к третьему немецкому изданию „Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта“ К. Маркса, там же, стр. 251;
- Маркс К.* и *Энгельс Ф.*, Манифест Коммунистической партии, 1939;
- Маркс К.* и *Энгельс Ф.*, т. I (М.—Л.), 1938; т. II, *Энгельс Ф.*, Статьи из „New Moral World“ (М.—Л.), 1931; т. III, *Маркс К.* и *Энгельс Ф.*, Святое семейство; *Энгельс Ф.*, Положение рабочего класса в Англии (М.—Л.), 1929; т. IV, *Маркс К.* и *Энгельс Ф.*, Немецкая идеология (М.), 1938; т. V, *Энгельс Ф.*, Фурье о торговле; *Маркс К.*, Ницше философии; *Энгельс Ф.*, Принципы коммунизма; т. XIV, *Энгельс Ф.*, Анти-Дюринг (М.—Л.), 1931; т. XVI, ч. I, *Энгельс Ф.*, К истории „Союза коммунистов“ (М.), 1937; т. XXI (М.—Л.), 1929, стр. 16—19; т. XVI, ч. I (М.), 1937; *Маркс К.*, Капитал, т. I (М.), 1937; Архив Маркса и Энгельса. Под ред. В. Адоратского, т. I (VI), (М.), 1932, стр. 311—312;
- Ленин, В. И.*, т. XXX („Задачи союзов молодежи“); т. XVI („Три источника и три составных части марксизма“); т. XVIII („Карл Маркс“); т. I („Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?“); т. II („К характеристике экономического романтизма“, стр. 97—99); т. IV („Что делать?“; стр. 384—385); т. VIII („Мелкобуржуазный и пролетарский социализм“); т. XVI („Две утопии“); т. XVII („Еще одно уничтожение социализма“, стр. 274—275); т. XXI („Государство и революция“, гл. V); *Ленин В. И.* Конспект книги Маркса и Энгельса „Святое семейство“, 1895, Берлин, Философские тетради (Л.), 1938);

- Сталин И.*, Вопросы ленинизма, 11 изд. (М.), 1939, стр. 180;
И. Сталин, С. Киров, А. Жданов, К изучению истории. Замечания о конспекте учебника новой истории, Сборник, Госполитиздат, 1938;
Плеханов Г. В., Очерки по истории материализма (Л.—М.), 1938;
Плеханов Г. В. К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю, Госполитиздат (М.), 1938;
Плеханов Г. В., Сочинения, т. XVIII (М.—Л.), 1928.

СОЧИНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ МАТЕРИАЛИСТОВ И ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ:

- Гельвеций*, Об уме (М.), 1938; *его же*, О человеке, его умственных способностях и его воспитании (М.), 1938;
Руссо Ж.-Ж., О причинах неравенства, пер. Н. С. Южакова, СПб, 1907; *его же*, Об общественном договоре или принципы политического права (М.), 1938.

СОЧИНЕНИЯ УТОНИСТОВ, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК:

- Мор Т.*, Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии, пер. и коммент. А. И. Маленка, Academia (М.—Л.), 1935;
Кампанелла Ф., Город Солнца, пер. с лат. Ф. А. Петровского, Academia (М.—Л.), 1934;
Верас Дени, История севарамбов, Academia (М.—Л.), 1937;
Мелье Ж., Завещание (М.), 1937;
Морелли П., Кодекс природы или истинный дух ее законов (М.), 1938;
Буонарроти Ф., Грахх Бабеф и „Заговор равных“ (П.—М.), 1923; Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений. Составил В. П. Волгин, ч. I (М.—Л.), 1928.
Сочинения Сен-Симона и сен-симонистов:
 „Катехизис промышленников“, в 4 тетрадах (третья написана Огюстом Контом), („Родоначальники позитивизма“, вып. II, СПб, 1910);
 „Очерк пауки о человеке“, „О всеобщем тяготении“, „Об образовании европейского общества“ („Родоначальники позитивизма“, вып. III, СПб., 1910);
 Сочинения Анри де Сен-Симона, пер. с франц., под ред. и с предисл. В. Святловского, СПб., 1923;
 Избранные сочинения (1819—1825), перев. под ред. и с предисл. В. П. Волгина, в серии „Предшественники современного социализма“ (М.), 1923;
 Изложение учения Сен-Симона (1828—1829). Перев. с франц. М. Е. Лацдау, с предисл. и примеч. В. П. Волгина, в той же серии (М.—П.), 1923.
Сочинения Фурье:
 Избранные сочинения. С предисл. и биогр. Фурье III. Жюда. Пер. с франц., под ред. В. Тотомпанца (М.), 1918;
 Избранные сочинения. Под ред. и с вступ. статьей „Великий

социалист-утопист“ *А. Дворцова*, т. I, Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и апонс открытия (М.), 1938; т. II, Новый промышленный и общественный мир или изобретение метода привлекательной и естественной индустрии, организованной по сериям, построенным на страстях (М.), 1939;

О воспитании при строе гармонии. Пер. с франц. Г. М. Филиппова. Ред., введ. ст. и примеч. И. П. Зильберфарба (М.), 1939.

Сен-Симон и Фурье:

Великие утописты: Сен-Симон, Фурье и их школы. Сост. В. Семенов (М.—Л.), 1926 (Экономическая система социализма в ее развитии. Вып. 3—4, под общ. ред. И. Д. Удальцова).

Сочинения Оуэна:

Об образовании человеческого характера (М.), 1893.

Кабэ Этьен, Путешествие в Икаршо, Academia (М.—Л.), 1935.

НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ:

Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, 47 vls., P., 1865—1873.

Fourrier Charles, *Oeuvres complètes*, 6 vls., P., 1842.

Dezamy T. „Code de la Communauté“, P., 1842 (основное произведение).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Введение</i>	3
<i>Глава первая. ФРАНЦИЯ — ОЧАГ И РОДИНА УТОПИЧЕ- СКОГО СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА</i>	8
<i>Глава вторая. СЕН-СИМОН И ФУРЬЕ — ОСНОВОПОЛОЖ- НИКИ ФРАНЦУЗСКОГО УТОПИЧЕСКОГО СОЦИА- ЛИЗМА XIX ВЕКА</i>	26
Проблема социальной науки	36
Проблема исторической закономерности	48
Критические элементы французского утопического социа- лизма	63
Социалистические идеи великих утопистов	82
<i>Глава третья. УТОПИЧЕСКИЙ И НАУЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ</i>	105
<i>Указатель важнейших имен</i>	136
<i>Указатель литературы</i>	141

БИБЛИОТЕКА
М Г П И
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ

Б. Слискер.

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ —
ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ МАРКСИЗМА

Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940

Редактор К. Верховская. Художник Н. Седельников

Корректор З. Лебедева. Технический редактор М. Пиотрович

Сдано в набор 13 июня. Подписано в печать 25 сентября. Формат 84×108^{1/2}

А-31944. 9 п. л. Заказ № 1162. Изд-ва № 137. Тираж 100 000 экз.

Цена 3 руб.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата при ЦК ВКП(б).
Москва, Краснопролетарская, 16.